

НАВСТРЕЧУ 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

В ЭТОМ ГОДУ ИСПОЛНЯЕТСЯ 75 ЛЕТ С НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ Отечественной войны. Казалось, недавно отпраздновали 70-летний юбилей Победы, и вот начинаем отсчитывать годы и месяцы до нового юбилея. История той войны никуда не уходит из нашей памяти, она остается важнейшим фактором, оказывающим влияние в том числе и на текущую общественную жизнь.

Отношение к Великой Отечественной войне – это по-прежнему важнейший камертон в том числе и текущей современной политики. Своего рода система обозначений «свой–чужой». Такая «система координат» сложилась не вчера и не сегодня. Отношение к истории в нашей стране всегда было и остается особым. Можно назвать это «излишней политизацией», конечно. А можно – уважением к подвигам и памяти предков как составной части нашей современной общенациональной самоидентификации. Иначе откуда было взяться совершенно пронзительной традиции, зародившейся всего несколько лет назад, спустя почти семь десятилетий после окончания войны, под названием «Бессмертный полк»? Когда люди выходят с портретами своих павших в той войне на улицы городов. Не только в знак того, что помним и чтим. Но и в знак того, что они – с нами.

Какими мы придем к 75-летию Победы? Возможно, это будет первый значимый юбилей, когда ветераны Великой Отечественной среди нас если и останутся, то считаные единицы. Лишь за последние два года число ветеранов Великой Отечественной войны (считываются Пенсионным фондом вместе с членами семей, поскольку речь

идет о праве на льготы и материальную помощь) сократилось почти на треть. С порядка 3 миллионов человек (включая почти 195 тысяч непосредственных участников войны) примерно до 2,1 миллиона человек. Они уходят от нас. Сколько из них увидят Парад Победы 2020 года? Тем горше признавать, что до сих пор, например, так и не выполнена полностью объявленная еще в 2008 году программа предоставления ветеранам войны жилья за счет средств федерального бюджета. По данным на апрель, по-прежнему не обеспечены жильем 10 336 человек, включая 1297 инвалидов и непосредственных участников войны. Хотя с момента подписания указа квартиры получили почти 292 тысячи человек. Когда же получит квартиру последний из тех, кому она положена? Надеемся, до того, как проблема «рассосется» сама собой. ●

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российской общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Российской академии образования, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Заместитель ректора по международной деятельности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Председатель правления Фонда сотрудничества с русскоязычной зарубежной прессой – Фонд ВАРП, президент Всемирной ассоциации русской прессы (ВАРП), посол доброй воли ЮНЕСКО

ИЛАРИОН (АЛФЕЕВ Г.В.)

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Председатель комитета Совета Федерации по международным делам

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛИВАНОВ Д.В.

Министр образования и науки Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Министр культуры
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегионального общественного фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», председатель наблюдательного совета Российского общества преподавателей русского языка и литературы, заместитель председателя правления Фонда

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор департамента науки, высоких технологий и образования Аппарата Правительства Российской Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

КАГАНОВ В.Ш.
Заместитель министра образования и науки Российской Федерации

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Директор департамента специальной связи МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.
Председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

РУССКИЙ МИР

06 Одна Победа. На всех

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

10 33 километра

РУССКИЙ ЯЗЫК

16 Мэр Риги и его «русское оружие»

СИТУАЦИИ

20 Тренировка свободой

ИНТЕРВЬЮ

24 Новгородское житие

ИСТОРИЯ

32 Свидетели апокалипсиса

40 Прорыв и тупик

НАСЛЕДИЕ

**46 «Всезнающий змей»
54 Москва Пушкина**

МУЗЕИ

62 Полотняный Завод

КУЛЬТУРА

72 Под знаком собаки

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

78 Жизнь в другом измерении

ГОРОДА РОССИИ

82 Уходящая натура Енисейска

ПУТЕШЕСТВИЕ

90 В Долине роз и смерти

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Оксана ПРИЛЕПИНА

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Мария БАШМАКОВА
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Александр БУРЫЙ
Михаил БЫКОВ
Василий ГОЛОВАНОВ
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Алексей МАКЕЕВ
Зоя МОЗАЛЕВА
Алла РУДНЕВА
Любовь РУМЯНЦЕВА
Андрей СЕМАШКО
Михаил ТАРКОВСКИЙ

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гlamур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 3 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
rm@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

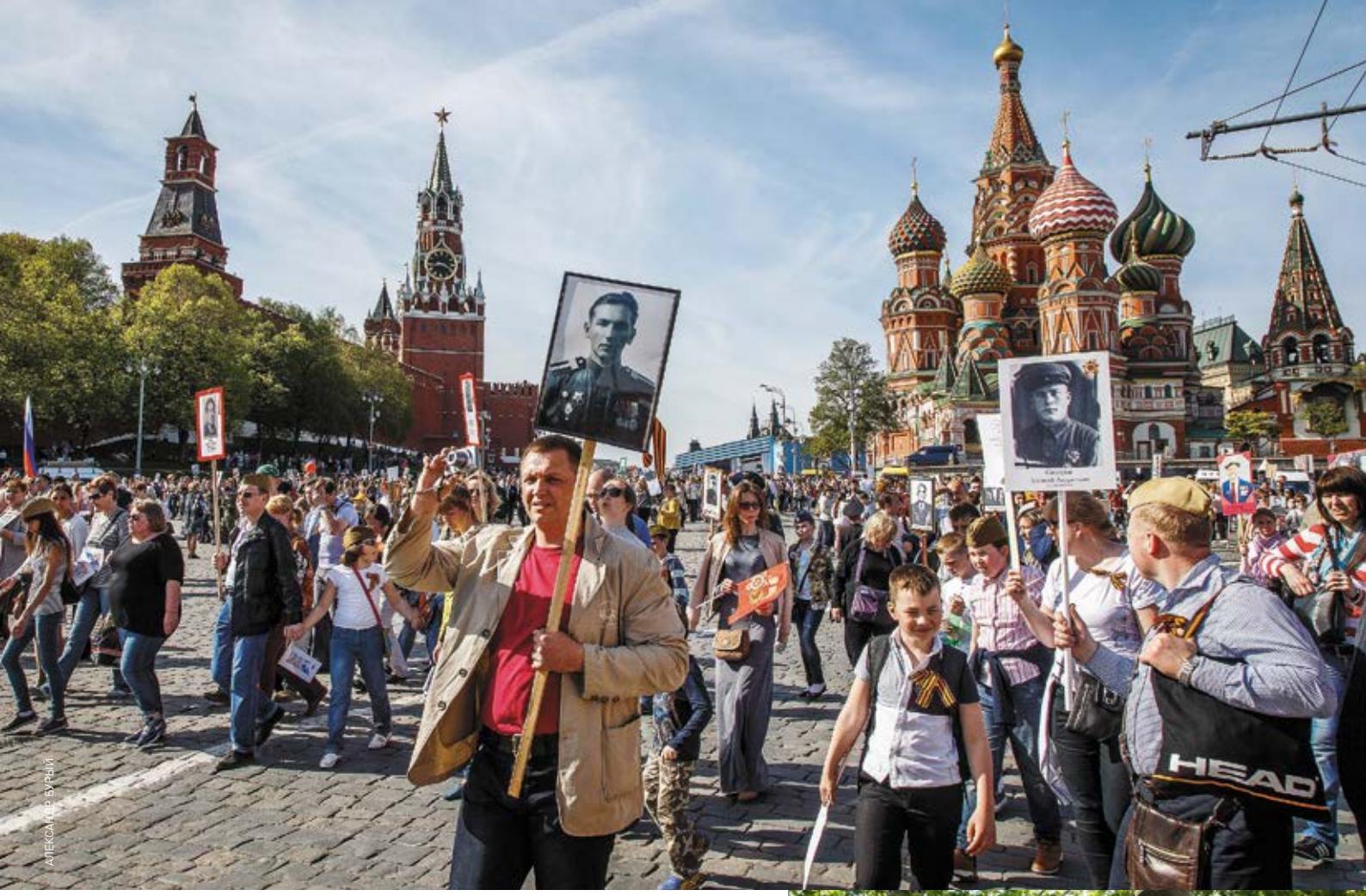
Фото на обложке
предоставлено М. Золотаревым

ОДНА ПОБЕДА. НА ВСЕХ

КАК И В ПРОШЛОМ ГОДУ, МЫ ХОТЕЛИ ПОДГОТОВИТЬ ФОТОРЕПОРТАЖ О ПРАЗДНОВАНИИ 9 МАЯ И ШЕСТВИИ «БЕССМЕРТНОГО ПОЛКА» В МОСКВЕ. НО, ПРОСМОТРЕВ НОВОСТНЫЕ ЛЕНТЫ, ПОНЯЛИ, ЧТО ЛУЧШЕ РАССКАЗАТЬ О ТОМ, КАК ШЕСТВОВАЛ ПО ПЛАНЕТЕ «БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК». С ПОМОЩЬЮ ЦИФР. ВЕДЬ ОНИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПОРАЖАЮТ.

АЛЕКСАНДР БУРДИН

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Мирный «Бессмертный полк» завоевывает страны и континенты. А ведь не так давно, всего лишь в 2007 году, первая подобная акция – «Парад Победителей» – была проведена в Тюмени. В 2012 году в «Бессмертном полку» по центральной улице Томска прошагало около 6 тысяч человек. Но уже в 2013-м акция прошла в 120 городах России, а в 2014-м –

к акции присоединились жители 500 городов в семи странах! Ну а в 2016-м «Бессмертный полк» прошарировал более чем в 50 государствах!

В этом году в некоторых городах и странах участники «Бессмертного полка» не просто прошли с портретами своих предков-героев Великой Отечественной войны, а устроили яркие и запоминающиеся акции. Например, в городе

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Олег Немцов

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Ногинске Московской области по улице пронесли самую большую георгиевскую ленту в мире – ее общая площадь составила 1945 квадратных метров! Над Нью-Йорком пролетел самолет с 30-метровой георгиевской лентой. В Вашингтоне участники «Бессмертного полка» спели «День Победы» перед Белым домом.

Уже не первый год марширует «Бессмертный полк» в Абхазии, Австрии, Белоруссии, Болгарии, Великобритании, Германии, Греции, Израиле, Ирландии, Исландии, Казахстане, Киргизии, Республике Корея, Коста-Рике, Латвии, Ливане, Мексике, Молдавии, Приднестровской Молдавской Республике, Монголии, Норвегии, США, Украине, Швеции, Эстонии, Южной Осетии. А в 2016 году к акции «Бессмертный полк» присоединились Австралия, Азербайджан, Албания, Аргентина, Армения, Бельгия, Венгрия, Дания, Индонезия, Испания, Италия, Камерун, Канада, Катар, Кипр, Китай, Литва, Македония, Мальта, Нидерланды, ОАЭ, Польша, Румыния, Сербия, Словакия, Словения, Таджикистан, Туркменистан, Турция, Узбекистан, Франция, Хорватия, Черногория, Чехия, Швейцария. По данным МВД РФ, в акции «Бессмертный полк»–2016 в России приняло участие более 16 000 000 человек. Подсчитать, сколько людей во всем мире отдали дань памяти и уважения всем павшим и сражавшимся за Победу в этой войне, видимо, нет никакой возможности. Мы приводим лишь те данные, которые смогли найти и подтвердить (фото- и видеосъемка) в Интернете.

**В 2016 году
в «Бессмертном полку»
прошли:**

Москва –
700 000 человек

Санкт-Петербург –
500 000 человек

Новосибирск –
250 000 человек

Тула –
180 000 человек

Сочи –
более **50 000** человек

Саратов –
50 000 человек

Барнаул –
50 000 человек

Пермь –
около **35 000** человек

Владивосток –
35 000 человек

Томск –
более **20 000** человек

Нальчик –
20 000 человек

Улан-Удэ –
20 000 человек

Кемерово –
более **16 000** человек

Орел –
15 000 человек

Ставрополь –
более **15 000** человек

Севастополь –
15 000 человек

Петропавловск-Камчатский –
15 000 человек

Алма-Ата –
более **15 000** человек

Лондон –
более **2000** человек

Берлин –
более **1000** человек

Нью-Йорк –
более **500** человек

Рим –
более **300** человек

Вена –
более **300** человек

Таллин –
более **500** человек

Рига –
более **4000** человек

Кишинев –
более **5000** человек

Киев –
более **1000** человек

Белград –
более **1000** человек

Варшава –
более **500** человек

Брисбен –
около **100** человек

Бейрут –
более **350** человек

Буэнос-Айрес –
около **300** человек

Луганск –
более **35 000** человек

Донецк –
более **30 000** человек

Ташкент –
около **200** человек

Базель –
около **200** человек

София –
более **1000** человек

Дублин –
более **1000** человек

Монпелье [Франция] –
более **60** человек

Так выглядел высоководный мост через Неву у Шлиссельбурга в феврале-марте 1944 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

дана в Ленинграде в 1970-м. Благодаря той самой «Дороге победы», что во время возведения носила официальное название «Стройка №400», а в период эксплуатации именовалась Шлиссельбургской магистралью или трассой.

Ко времени издания книги Августынюк уже давно сотрудничал с «Гудком», но даже эта ведомственная и довольно авторитетная в СССР газета не могла обеспечить ему доступ к закрытым архивам. Поэтому Александр Иванович поделился в основном личными воспоминаниями о тех месяцах, что служил в «Коридоре смерти». Он лишь прорвал информационную блокаду на этом участке исторического фронта. Полное освобождение темы наступило спустя годы, когда крупнейший историк блокады, профессор Валентин Ковальчук, извлек из секретных папок множество цифр, фамилий, приказов, дат, касаемых Шлиссельбургской магистрали, и превратил эти материалы в монографию «Дорога победы осажденного Ленинграда». Монография превратилась в докторскую диссертацию, а еще одна тайна войны перестала быть тайной.

Но вот что любопытно: так называемая широкая общественность на это событие не отреагировала. В среде ученых-историков и военных историков-любителей, само собой, интерес проявили. Так, в результате поисковых работ, проведенных группой энтузиастов в конце 70-х, в Белгороде был найден списанный паровоз с бортовым номером ЭУ 708-64. Тот самый, что 7 февраля 1943 года притащил через «Коридор смерти» на Финляндский вокзал Ленинграда первый состав с продовольствием! Власти области в канун 30-летия полного освобождения Ленинграда прониклись и дали разрешение на вечную стоянку героического паровоза на станции Волховстрой, откуда 5 февраля в 17 часов 43 минуты, согласно маршрутному листу, заполненному

33 КИЛОМЕТРА

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

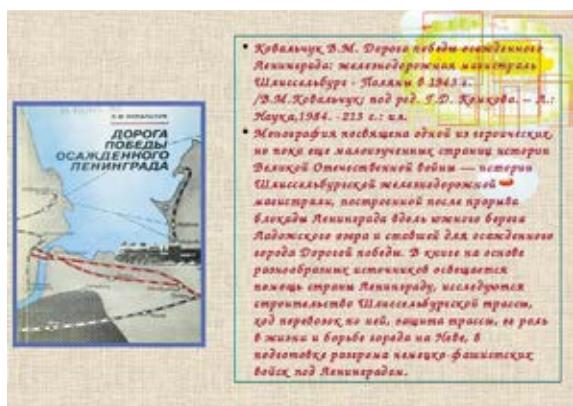
ТЕ, КОМУ ЭТА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ ВЕТКА СПАСЛА ЖИЗНЬ В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ, НАЗЫВАЛИ ЕЕ «ДОРОГОЙ ПОБЕДЫ». ТЕ, КТО ЕЕ СТРОИЛ И ВОДИЛ ПО НЕЙ СОСТАВЫ, – «КОРИДОРом СМЕРТИ».

ВХРАНЯЩЕМСЯ В ЦЕНТРАЛЬНОМ музее Октябрьской железной дороги дневнике блокадного времени, который вел старший инженер, позже заместитель начальника Ленинград-Финляндского отделения движения ОЖД Александр Августынюк, есть страшные в своей трагической простоте записи. «10 декабря 1941 года. Ряд моих сослуживцев съели своих собак. Говорят, вкусно. Да я и сам знаю, так как две недели назад ел собачью котлету». Или: «7 января 1942 года. Приближается гибель... У меня начинают пухнуть ноги. Они как свинцовые, и, для того чтобы пройти до службы (а это в 150 метрах!), требуется много сил... Сегодня заглянул в багажную кладовую на 5-ю платформу вокзала – там набито не менее сотни трупов».

Несмотря на предчувствие, Александр Иванович остался жить. Отчасти благодаря тому, о чем сам же и написал в статье «На Финляндской линии», опубликованной в книге «Октябрьская фронтовая. Воспоминания железнодорожников о работе Октябрьской магистрали в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», которая была из-

Книга В.М. Ковальчука «Дорога победы осажденного Ленинграда: железнодорожная магистраль Шлиссельбург - Поляны в 1943 г. / В.М. Ковальчук под ред. Г.Д. Крикша. — Л.: Наука, 1984. — 223 с., ил.

Монография посвящена одной из героических, но пока еще малоизученных страниц истории Великой Отечественной войны — истории Шлиссельбургской железнодорожной магистрали, построенной после прорыва блокады Ленинграда белльюками бирманской армии и создавшей для голодавших города Дорогу победы. В книге на основе разнообразных источников исследуется путь из страны антифашистской обороны вперед по линии Шлиссельбургской трассы, где передвигались на ней, эвакуированы, на роль жизни и борьбы города на Неве, в недолгие разгары немецко-фашистской войны под Ленинградом.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

главным кондуктором Федором Кудряшовым, он отправился в путь. На станции Петрокрепость во Всеволожском районе той же Ленинградской области (напротив Шлиссельбурга) стоит еще один мемориальный паровоз – Эм 721-83. Он тоже был первым, но на обратном маршруте. Из осажденного Ленинграда – на Большую землю. Его нашли военные ветераны-железнодорожники в городке Малая Вишера. Наконец, в самом Шлиссельбурге, конечной точке 33-километрового «Коридора смерти», и недалеко от станции Поляны, точки начальной, стоят памятники-двойники, установленные в 1972 и 1983 годах. Стелы серого камня с одинаковыми скучными надписями «1943–1944». Здесь после прорыва блокады под огнем врача были построены переправы и ж/д линия, связавшая осажденный Ленинград со страной. Первый поезд прошел на Ленинград 7 февраля 1943 года. Во время войны и сразу после не поскучились на награды строителям, железнодорожникам и солдатам, построившим и защищавшим «Дорогу победы». Сотни человек получили медали и ордена, а главный ее создатель – генерал-директор пути и строительства II ранга Иван Зубков – стал Героем Социалистического Труда. В ноябре 1943-го, за восемь месяцев до гибели в авиакатастрофе после атаки германского истребителя.

Герои магистрали есть, вот только много ли о них знают? Да и о ней самой? Подвиг, совершившийся ежедневно в течение года на 33-километровой узкоколейке, ведущей от станции Поляны через километровую Неву в Ключ-город, так и остался для большинства сограждан «неизвестной войной». А Шлиссельбург, он же Орешек, испокон веку сражавшийся за Россию, чья островная крепость в Великую Отечественную выдержала 500-дневную осаду, как минимум с 2008 года ждет, присвоят ли ему звание «Города воинской славы».

Паровоз
Эу 708-64,
доставивший
7 февраля
1943 года
в Ленинград
по Шлиссель-
бургской маги-
страли первый
состав с продо-
вольствием

Паровоз
Эм 721-83 тянул
в обратный
путь состав
с отливками
оружейных
стволов.
Теперь он стоит
на станции
Петрокрепость

ПРОРВАННОЕ КОЛЬЦО

О восстановлении железнодорожного сообщения с Большой землей в Ленинграде думали и мечтали. Не умаляя достоинств и подвигов зимней автомобильной «Дороги жизни» и снабжения города судами и баржами через Ладогу в летнюю навигацию, надо признать, что эти транспортные возможности были недостаточны. Не говоря уже о количестве грузов, перевозившихся воздушным транспортом. Железнодорожные составы – это совсем другие объемы. Блокированный город нуждался не только в продовольствии. Ему требовалось топливо, лекарства, материалы для восстановления разрушенной инфраструктуры, сырье для работавших несмотря ни на что предприятий. А еще – солдаты, оружие, боезапас, военная техника для обороны. Сегодня – для обороны. А завтра – для наступления! Везли не только в Ленинград. Из Ленинграда тоже везли. Так называемые эвакогрузы, но прежде всего – детей, женщин, больных, раненых. Валентин Ковальчук в своей монографии подчеркивал: «Однако

уже с первых дней существования Ладожской трассы проявились ее слабости и недостатки. Создание этого пути обусловливалось исключительной, небывалой по трудности обстановкой. Сама трасса была чрезвычайной, ее функционирование поддерживалось чрезвычайными усилиями. Зависимость трассы от времени года, метеорологических условий (осенний ледостав и весенне таяние льда, подвижки ледяных полей, штормы и т.п.) не позволила обеспечить необходимую стабильность, надежность, регулярность перевозок. Непосредственная близость вражеских позиций, действия фашистской авиации создавали постоянную угрозу нарушения трассы». Понимали это и в Москве, в Государственном Комитете Обороны (ГКО), председатель которого Иосиф Сталин формулировал задачу для командующего Ленинградским фронтом Михаила Хозина (с октября 1941 по июнь 1942 года) и члена Военного совета фронта Андрея Жданова так: «Вы не должны забывать, что единственное средство добиться надежного и регулярного снабжения Ленинградского фронта и Ленинграда заключается в том, чтобы поскорее, не теряя ни часа, прорвать кольцо противника и пробить себе дорогу».

Попытки «прорвать кольцо» предпринимались неоднократно. В сентябре и октябре 1941-го, в январе и августе-сентябре 1942-го. И всякий раз – неудачно. Германское командование отлично понимало, что стремление снять блокаду никуда не дело и надо ждать очередного

удара. Скорее всего – вновь на сибиринско-шилссельбургском выступе, где войска заблокированного Ленинградского фронта и Волховского фронта, державшего оборону от Ладоги до Ильменя, находились друг от друга в 12–16 километрах. Сил для активного наступления у гитлеровцев из группы армий «Север» не имелось, а резервов от фюрера ждать не приходилось. Немцы завязли под Сталинградом, на Кавказе, под Ржевом. Все – направления стратегических ударов, для успеха которых требовалось солидное преимущество в силах. А откуда его было взять, если во второй половине 1942 года наши войска перемалывали одну вражескую дивизию за другой. Да, огромные потери несла и советская армия. Но она оборонялась, цепляясь за важные рубежи. Немцы же, согласно берлинским директивам, были просто обязаны «переть» вперед. Проще говоря, помочь командующему германскими войсками под Ленинградом генерал-фельдмаршалу Георгу фон Кюхлеру руководитель Третьего рейха ничем не мог. Оставался один выход: уморить защитников города голодом и уничтожить болезнами. А для этого ни в коем случае нельзя было позволить прорвать блокаду. И 12 километров «бутылочного горлышка», упирающегося узким местом в Ладогу, надо было превратить в неприступную крепость. К чему немцы с присущим им педантизмом и приступили. Все, что можно, заминировали, оплели колючей проволокой, упрятали в блиндажи, доты, окопы, норы, укрыли двухметровой высоты и метровой толщины заборами. Нетронутыми остались лишь болота да топи. Уже после войны маршал Кирилл Мерецков, командовавший Волховским фронтом, рассказывал, что у него перед глазами время от времени возникают эти бесконечные болота, залитые водой торфяники и направления вместо дорог.

Операцию прорыва под кодовым названием «Искра» разрабатывали полтора месяца, и к

РИА НОВОСТИ

Эвакуация детей из блокадного Ленинграда. Московский вокзал. Осень 1941 года

1 января оба фронта были готовы ее реализовать. Неготовой оказалась природа. Холода все не наступали, лед на Неве был хлипкий, а болота не думали становиться проходимыми. Метеоусловия изменились только через 10 дней, и 12 января началось наступление. На все про все командующим фронтами Леониду Говорову и Кириллу Мерецкову понадобилась одна неделя. 18 января блокада была прорвана.

Герой Советского Союза
Кирилл Афанасьевич Мерецков

СЕВЕРНАЯ «БОЯРКА»

Среди прочих проектов по организации железнодорожного, да что там – любого снабжения Ленинграда был и такой: соединить западный и восточный берега Шлиссельбургской губы веткой, проложенной в виде железнодорожной паромной переправы. Проект рассмотрели 12 июля 1942 года, а к 31-му он уже превратился в реальность. Баржи вместимостью 1600 тонн потащили в Питер и обратно составы с паровозами. В навигацию таким экзотическим способом на паромах вывезли из Ленинграда по Ладожскому озеру 137 паровозов, 134 тендера и 1622 вагона, доставили в Ленинград 809 груженых вагонов и платформ с танками, оружием и боеприпасами.

В декабре 1942-го появился еще один проект: создание свайно-ледовой железной дороги между двумя берегами губы. Близилась вторая блокадная зима... И начали строить. Дело, однако, продвигалось медленно. Мешали штормы и немецкая авиация. Надо было осилить до 30 километров, а к началу операции «Искра» удалось подготовить только чуть более половины дороги, упирающейся в 18 тысяч вбитых в дно свай. В связи с прорывом блокады ГКО приказал строительные работы в губе прекратить. При-

Герой Советского Союза
Леонид Александрович Говоров

шло время строить железную дорогу по суше.

Сейчас роман Николая Островского «Как закалялась сталь» в школьной программе отсутствует. По причинам не столько творческого, сколько идеологического свойства. Посему для молодых поколений придется кое-что пояснить. Кстати, «ягоды одного с ним поля» – горьковский Данко вкупе с Буревестником – сохранились и, как прежде, зовут вырвать самому себе сердце, если не удастся на кликать бурю. Но – не о революционно-романтической литературе речь. Один из ключевых моментов романа – строительство узкоколейки от села Боярка до Киева. Декабрь 1921 года, холодный и послевоенный. В Киеве топить нечем, а в Боярке – залежи специально заготовленных дров. Есть лишь одно решение проблемы: собрать людей и в считанные дни построить «железку». Сомневаюсь, что решение ГКО было напрямую навеяно опытом героя книги, Павла Корчагина. Но истории довольно похожие. И трудности, и нехватка времени, и активно мешающие делу враги. Обыкновенный человек в обыкновенных обстоятельствах никогда не поверит, что и первое, и второе в принципе возможно. Однако в обоих случаях дело было сделано.

Перед руководителем стройки Поляны – Шлиссельбург поставили задачу: одноколейка должна быть готова за 20 дней. 19 января – начать. 8 февраля – пустить первый поезд. 33 километра пути предполагали также наличие моста через Неву южнее Шлиссельбурга длиной почти полтора километра. Постановлением ГКО разрешалось нарушить все мыслимые и немыслимые правила строительства железных дорог. Лишь одно условие незыблемо – узкоколейка должна выдерживать нагрузки. Равно как и свайный мост над рекой.

Первыми за дело принялись саперы. Мини в районе синявинских торфоразработок закла-

На строительстве
Шлиссельбург-
ской железнодорожной
магистрали

дывали все: и наши, и немцы. В общей сложности землю очистили от 1730 мин, десятков неразорвавшихся бомб и снарядов. Далее к делу приступили 9-я и 11-я военно-железнодорожные бригады. Расчищали полосу для будущего полотна, возводили времянки для личного состава, складов, готовили подъездные пути. Один из строителей блокадной «Боярки» вспоминал, что в перелесках и на болотах снегу было по пояс. А там, под снегом, ноги мокли от вечной, неистребимой воды, не замерзающей никогда. Природные условия для любой стройки были немыслимы. По всем расчетам такой объект потребовал бы в мирное время месяца двенадцать. А тут – три недели без малого. Но это полбеды. Вместе с природой мешали работе немцы. Ведь пробитый в их позициях коридор к Неве в ширину был всего-то 8–10 километров. А дорога строилась примерно посередине. Гитлеровцы не сразу сообразили, что там за-

«Дорога жизни», единственная транспортная магистраль через Ладожское озеро, с 12 сентября 1941 года по март 1943-го связывала блокадный Ленинград со страной

теяли русские. И поначалу только наблюдали. Но когда поняли, что к чему, начали методично обстреливать строительные участки. В небе стали шастать штурмовые эскадрильи.

Строительство прикрывал Ладожский дивизионный район ПВО, уже набивший руку при обороне «Дороги жизни». От вражеских орудий спасала контрабатарейная стрельба двух специальных артиллерийских групп и орудий Балтийского флота общим количеством 145 разнокалиберных стволов. Но все же полностью уберечь стройку от попаданий не удавалось. И едва проложенные прямо по снегу рельсы, без всяких там обязательных в таких случаях отсыпок, «подушек», полос отчуждения и прочих железнодорожных премудростей, приходилось тут же ремонтировать. К слову, собственно строительство дороги началось 22 января, когда были закончены все подготовительные работы. А завершилось, как уже было сказано, 5 февраля. Две недели! Почти по 2 с половиной километра в день! И это – только основная ветка. Но ведь были еще два участка, на которых отстроили разъездные ветви, – на 23-м и 33-м километрах. И еще был мост! Глубина километровой Невы в тех местах – до 6,5 метра. Иван Зубков, опытный ленинградский мостостроитель, предложил строить мост так же, как предполагалось возвести железнодорожную

РИА НОВОСТИ

ветку через Шлиссельбургскую губу: вбить в дно сваи, на них почти над поверхностью воды положить шпалы и рельсы. Никаких корабельных проходов, «быков», антиледоходной защиты. Предполагал, что к тому времени, когда в марте–апреле лед вскроется и пойдет по Неве, уже будет восстановлен старый полноценный мост, разрушенный в самом начале войны. Большие начальники засомневались было, но согласились. Под личную ответственность Ивана Георгиевича. И этот «нетипичный» мост был построен за 12 дней. За 9 суток было вбито 2644 сваи, а в каждый из 12 дней сооружалось по 100 с лишним погонных метров моста.

Когда лед на Неве тронулся, опоры, к всеобщему удивлению, давление торосов и освобождающейся воды выдерживали. Вот только под их ударами иногда смешались на полметра от основной дуги эстакады. Что, впрочем, не мешало поездам проходить туда-обратно. Время от времени повреждения естественного свойства затрудняли, а то и полностью останавливали движение. Так, от постоянных нагрузок и меняющихся температур бывало, что рельсы в стыках расходились по высоте до полуметра. Но на протяжении всей трассы дежурили сигнальщики, которые тут же вызывали ремонтные бригады по 10 человек в каждой. Если 33-километровую трассу строили примерно 10 тысяч человек, то ремонтные группы насчитывали до 3 тысяч личного состава.

Надо отдать должное стратегическому подходу к проблеме ленинградских коммуникаций со стороны военных и гражданских руководителей разного ранга. Едва первая ветка засадила, как тут же приступили к возведению еще одной. 18-километровая резервная дуга должна была пройти чуть севернее основной, ближе к ладожскому берегу. Немецкие минометы дотянулись до нее уже не смогли бы. Да и не всякие орудия могли бы вести прицельную стрельбу.

Доставка
продовольствия
в осажденный
Ленинград

ПОСЛЕ ПЕРВОГО ПОЕЗДА

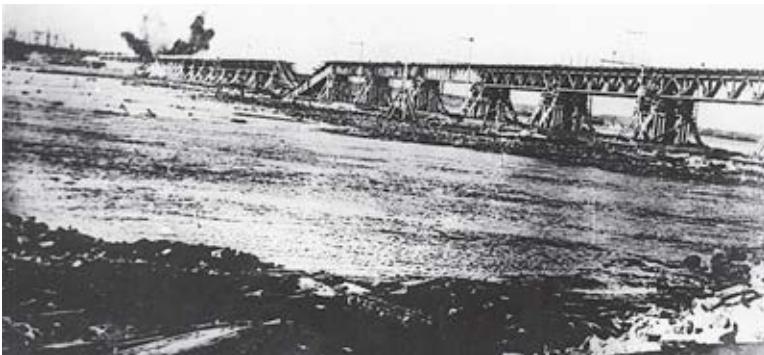
Совсем не простым оказался путь первого поезда в осажденный Ленинград. Он попал под обстрел. Затем сделал вынужденную остановку из-за аварии – замерз рукав подачи воды. К ночи состав, ведомый старшим машинистом Иваном Пироженко из депо «Волховстрой», прибыл на пригородную станцию Новая Деревня. Лишь на следующее утро он оказался на Финляндском вокзале. Дорога в 100 с небольшим километров заняла более полутора суток. Но встреча членов поездной бригады ленинградцами заставила забыть все тяготы пути.

Не сказать, что судьба многих других составов была легче. А их, этих составов, в обе стороны прошло около 6200 за те 13,5 месяца, что трудилась «Дорога победы». Всякое случалось. Например, 3 марта 1943 года артиллерия врага уничтожила

51 вагон поезда №931 на перегоне Липки – Междуречье. Это почти в самом начале рейса. Во время обстрела и ремонта путей пострадали 19 человек, 15 из которых были убиты, а двое пропали без вести. 16 марта того же года погибли и получили ранение 18 человек, безвозвратно было потеряно 44 вагона. За время работы дороги, по данным профессора Ковалчукова, погибло и ранено 285 железнодорожников из 600, составивших специальный отряд – 48-ю паровозную колонну Особого резерва Народного комиссариата путей сообщения (НКПС). Машинистами в нее определяли опытных вожатых, многих из которых отзвали с фронта. А вот помощниками и кочегарами шли молодые необстрелянные люди, в том числе юные ленинградки. Хотя правильно ли это – говорить о ленинградках 1943 года – «необстрелянны»? Как, например, Мария Ивановна Яблонцева, 1924 года рождения. К тому моменту, когда она попала в 48-ю колонну, она уже год отслужила старшим кондуктором на поездах, вызывавших жителей города к берегу Ладоги. У опытных и совсем юных со временем выработалась собственная манера воевать с немцем. У них не было в руках оружия, хотя, согласно приказу ГКО, железнодорожники были приравнены к военнослужащим и носили форму с погонами. Но они – воевали! Машинист Василий Елисеев вспоминал:

Иван Георгиевич
Зубков, руково-
дитель строи-
тельства желез-
нодорожного
пути Поляны –
Шлиссельбург

Разрушение временного моста через Неву на линии Поляны – Шлиссельбург

Так, по крайней мере, утверждал исследователь Валентин Михайлович Ковалчук. А вышеупомянутые цифры – это суммарный результат работы Шлиссельбургской трассы и участков Октябрьской железной дороги, находившихся внутри блокадного кольца. Зато есть сугубо железнодорожная статистика. 150 тысяч вагонов преодолели 33 километра «Коридора смерти».

27 января 1944 года Ленинградская блокада была полностью снята. Хотя путешествовать по трассе Поляны – Шлиссельбург было опасно даже тогда, когда наши войска перешли в масштабное наступление. Писатель Леонид Пантелеев, соавтор знаменитой повести «Республика Шкид», в январе 1944-го ехал из Москвы в Ленинград через Волховстрой и далее – по «Дороге победы». Вот его впечатления: «Поезд идет не двенадцать часов, как бывало, а тридцать шесть. В составе – санитарный вагон с красным крестом на крыше. <...> Поезд до Окуловки (или до Тихвина) идет нормальным ходом, а дальше – ползет, как улитка, по шаткому временному полотну. Самое опасное место – где-то уже возле Шлиссельбурга. Называется «коридор смерти», потому что простреливается с обеих сторон. Коридор очень узкий, несколько сот метров».

Последние поезда-шиллесельбуржцы еще тянулись по трассе, доставляя в измученный город остатки запасов со складов в Волхове, Старой Ладоге и других городах. Первый грузовой поезд по привычному маршруту Ленинград – Москва через Бологое и Тверь отправился в столицу 23 февраля. А 20 марта в 23.55, как положено, тронулась в путь на Первопрестольную пассажирская «Красная стрела». К тому часу минуло десять суток, как Шлиссельбургскую магистраль начали разбирать. За ненадобностью. Победа под Ленинградом уже случилась, победная дорога побежала дальше на запад, и «Коридор смерти» между станцией Поляны и Шлиссельбургом закрывали наглухо. ●

«Мы научились маскироваться, обманывать врага, выходить победителями из труднейших положений. Отправляясь со станции Поляны в сторону Шлиссельбурга, мы знали, что до 30-го километра доедем спокойно: линия здесь тянулась среди высокого леса. Но на 30-м километре спасительный лес кончался, и начиналась поросшая мелким кустарником поляна. Мы действовали так: следя за лесом, набирали высокую скорость, а по выходе на открытое место закрывали регулятор. За это время уголь в топке прожигался так, что не было дыма. Без дыма и пара паровоз шел до следующего километра, где начинался уклон, и состав мчался несколько километров по инерции. Затем приходилось открывать пар. Увидев его, фашисты сразу же открывали огонь. Снова приходилось сильно разгонять поезд, снова закрывать регулятор и какое-то расстояние следовать по инерции. Гитлеровцы, потеряв ориентир, прекращали огонь, пока снова не обнаруживали цель. А машинист без устали повторял свой маневр, играя со смертью». В ноябре 1943 года 28-летний Василий Михайлович был награжден звездой Героя Социалистического Труда. И орденом Ленина соответственно. Уже вторым. Все за эти самые регуляторы на «Дороге победы».

Приказ Гитлера уничтожить Шлиссельбургскую магистраль, отданный им сразу после того, как он узнал, что в Питер прорвался первый поезд с Большой земли, Люфтваффе и артиллеристы пытались выполнить добросовестно. В общей сложности

сти пути разрушались 1200 раз, 28 раз страдали мостовые сооружения и над Невой, и над малыми реками, которые трасса пересекала. Было уничтожено 4 тысячи рельсов, 10 тысяч шпал, 52 стрелки. Случалось, что из-за повреждений движение замирало на двое и более суток. Но выполнить приказ немцам так и не удалось. И с каждым месяцем надеяться на это у них оставалось все меньше оснований. После Сталинградской победы и Курской дуги сомнений в том, на чьей стороне сила, уже не оставалось. Еле держался враг и в окрестностях Ленинграда. Неся серьезные потери, в том числе и в боях за «Коридор смерти». Только частями Ладожского района ПВО были уничтожены 102 германских самолета.

Но самые главные цифры – это количество перевезенных грузов. В некоторых источниках утверждается, что Шлиссельбургская магистраль перебросила в Ленинград 4,4 миллиона тонн продовольствия, оружия, боеприпасов, медикаментов, твердого топлива и других грузов. Это не совсем верно, так как точных цифр по работе именно «Дороги победы» не сохранилось. Или они навсегда недоступны.

Строительство низководного свайно-ледового моста через Неву у Шлиссельбурга

МЭР РИГИ И ЕГО «РУССКОЕ ОРУЖИЕ»

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

ЧТО СКРЫВАТЬ, РУССКОЯЗЫЧНЫЕ РИЖАНЕ В БОЛЬШИНСТВЕ СВОЕМ ГОРДЯТСЯ СТОЛИЧНЫМ ГРАДОНАЧАЛЬНИКОМ, СТАВШИМ В 33 ГОДА ПЕРВЫМ РУССКИМ МЭРОМ В ИСТОРИИ НЕЗАВИСИМОЙ ЛАТВИИ, ДВАЖДЫ ПОБЕДИВ НА ВЫБОРАХ В РИЖСКУЮ ДУМУ. НА ЭТОМ ПОСТУ НИЛ УШАКОВ УЖЕ БОЛЕЕ ШЕСТИ ЛЕТ, НО ПОПУЛЯРНОСТЬ ЕГО НИСКОЛЬКО НЕ УМЕНЬШИЛАСЬ. ПРИ СВОБОДНОМ ВЛАДЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ЯЗЫКОМ РИЖСКИЙ МЭР АКТИВНО ИСПОЛЬЗУЕТ В РАБОТЕ И РОДНОЙ ЯЗЫК – ОН ЧАСТО ВЫСТУПАЕТ НА РУССКОМ В ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ, ОХОТНО ДАЕТ ИНТЕРВЬЮ И ОБЩАЕТСЯ С ГОРОЖАНАМИ ЧЕРЕЗ СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ.

ИМЕННО ЭТО ОБСТОятельство привлекло внимание студентов Балтийской международной академии (БМА), изучивших стратегию и тактику его публичных выступлений. Руководила студенческими исследованиями доктор филологии Любовь Каширина, читающая в БМА основы политического дискурса, но выбор кандидата полностью был за будущими специалистами по связям с общественностью. Самым пер-

спективным и привлекательным объектом для изучения учащаяся молодежь единодушно выбрала нынешнего мэра Риги. Благо исследовательского материала на русском языке бывший журналист чуть ли не ежедневно предоставляет более, чем кто-либо другой на политическом небосклоне Латвии. Грех было этим не воспользоваться! «Для выявления социально-культурных аспектов коммуникаций, применяемых Нилом Ушаковым в массмедиа, наши

Рижский мэр Нил Ушаков не так давно стал папой, поэтому на работу иногда приходит вместе с «помощником» (страница мэра на «Фейсбуке»)

студенты подобрали объемный материал, в основном по его публичным выступлениям, в том числе и в социальных сетях, – рассказывает Любовь Каширина. – На личном сайте мэра Риги в «Фейсбуке» ежедневно публикуются его высказывания по самым разным вопросам, часто они носят неформальный характер, с использованием экспрессивной лексики и других выразительных средств языка, причем как русского, так и латышского. Так что работать с таким живым материалом студентам было легко и интересно. Базовой основой для более детального исследования мы выбрали три наиболее ярких публичных выступления Ушакова, которые связаны с особо значимыми в жизни Латвии событиями, вызвавшими особый общественный резонанс. Одно было посвящено референдуму по статусу русского языка в 2012 году, второе – в связи с трагедией, случившейся в результате обрушения крыши супермаркета и гибелью 54 человек в 2013-м, третье – выборам в Европарламент в 2014 году».

ТАКАЯ ВОТ ВАКХАНАЛИЯ...

– Если оставить в стороне политический аспект и сосредоточиться на лингвистической стороне исследования средств русского языка, используемых рижским мэром, что для него характерно?

– По первой профессии, как вы знаете, Нил Ушаков – журналист, кроме того, его мама была преподавателем русского языка, да и сам он окончил русскую школу, еще до появления каких-либо билингвальных моделей образования, – объясняет Любовь Каширина. – Тем не менее, замечу, это не помешало его уче-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

бе в Латвийском университете, а затем в Дании, где он изучал аналитическую экономику. Мэр Риги прекрасно владеет современным литературным русским языком, он хорошо образован и грамотно использует все ресурсы выразительности родного языка. Это его подлинное «русское оружие». Например, критикуя своих оппонентов, он весьма умело использует лексику с резко отрицательной семантикой, применяя такие выражения: «разгул лицемерия, двуличия, подлости и лжи», «рекорд в своей вакханалии...» К слову, практически всегда требуется объяснение нашим студентам – что такое «вакханалия», они слабо представляют. В выступлениях Ушакова попадается целый ряд ярких, выразительных конструкций, неожиданных гипербол, параллелизм предложений, когда несколько фраз подряд начинаются с одних и тех же слов. Да, конечно, это обычные техники ораторского искусства, но он ими свободно владеет. При этом его живая речь, как правило, всегда проста и понятна для массовой аудитории, он не злоупотребляет книжной лексикой, сложноподчиненными предложениями, используя простые речевые конструкции. Говоря о негативной семантике, можно привести фрагмент из выступления Ушакова по поводу языкового референдума: «...прикрываясь национализмом, они довели страну до уровня самой бедной провинции Европы... а значительная часть из тех, кто остался в стране, живет в беспространной нищете, кстати, касается это и латышей, и русскоязычных. Но зато правящие политики могут позволить себе и сейчас, в 2012 году, говорить о незаконных колонистах, о том, что русские бывают хорошие и плохие, о том, как классно было бы части русских уехать в Россию, и о том, что наших детей нужно ассимилировать». Было отмечено, что Ушаков довольно часто прибегал к так называемой «стратегии кооперации», используя местоимения «мы», «наши», тем самым объединяя

Доктор филологии Любовь Каширинова, стаж работы в сфере образования – тридцать лет

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

себя со своими единомышленниками, также выступающими за русский язык.

– Да, в тот период рижский мэр себя открыто отождествлял с русскоязычной частью общества. Помню, его спросили, зачем он поддержал тот референдум, зная, что шансов на успех нет ни малейших. На это Нил ответил, что бывают ситуации, когда просто нужно быть вместе со своим народом...

– Его должность требует определенной дипломатии, но ведь, выступая на русском языке перед участниками праздничного митинга по случаю 9 Мая 2015 года, он вновь применяет тактику «кооперации» не только в ее лексико-грамматическом смысле. Сначала он поясняет, почему он сам отмечает День Победы, говорит о своих дедах – ветеранах войны, вспоминает рассказ бабушки об оккупации на Украине, где на ее глазах расстреляли семью односельчан. Он говорит простым, понятным языком, без политического пафоса, вновь и вновь прибегая к местоимению «мы»: «День Победы мы отмечаем 9 мая, потому что мы гордимся своими дедами, прадедами, которые победили самое страшное зло, которое было на свете, – нацизм. И всегда будем гордиться. Потому что для нас именно ветераны являются единственным примером – как прожить жизнь правильно. Скажем им спасибо – за то, что спасли тогда. Из-за того, что учили нас сейчас. С Днем Победы, Рига!»

И «ФЕЙСБУК» ВАМ В ПОМОЩЬ!

– Что-то получается слишком уж благостная картина. Но в последнее время все чаще можно услышать и упреки в адрес главного рижского защитника интересов русских граждан. С его приходом резко возрос процесс закрытия русских школ. По-прежнему никто не готовит учителей для русских школ, но об этой проблеме публично просто не говорят. Нет у вас ощущения, что наши мэр начал как-то стесняться своей «русскости»?

– Нет, у меня такого ощущения не сложилось. Безусловно, мэр Риги представляет интересы той части русскоязычных жителей, которые хотят жить по настоящему в демократическом обществе, где никого не будут ни притеснять, ни ассимилировать. Если судить по его выступлениям, то мы видим, что по мере возможностей он все же старается противостоять переводу образования на госязык. Нил Ушаков неоднократно подчеркивал и подчеркивает, что выступает за создание политической силы, в которой бы на равных правах выступали русскоязычные жители Латвии и латыши.

– Любовь, как вы считаете, что привлекает в нем русскую молодежь, вот ваших студентов например, помимо умения красиво говорить?

– Рижский мэр – современный молодой человек приятной, рас-

полагающей наружности, он говорит с молодежью на одном из языков, в социальных сетях у него тысячи друзей, большую часть которых тоже составляют молодые люди, часами зависающие в Интернете. Кстати, он призывает свою аудиторию активно подключаться к соцсетям, напрямую писать в «Твиттер» ему и в Рижскую думу. Если пишут по-русски, он отвечает на том же языке, хотя официально в Латвии требуется отвечать на вопросы граждан только на государственном языке. В зимний период, например, глава Рижской думы активно обсуждал на «Фейсбуке» систему «снежных билетов» для автоводителей, собирая отзывы российских туристов о посещении Риги, выставляя их на своей страничке. Или вспомним его январский шуточный конкурс в сетях – «Как выбрать премьера» в условиях массового дезертирства политиков, когда предлагалось устроить среди кандидатов массовые соревнования по игре «камни-ножницы-бумага». Отклик среди молодежи был огромный!

Такая открытость импонирует, он для них – свой. Думаю, им нравится, когда Нил без оглядки на чины, свободно критикует тот клан, к которому он сам принадлежит. Вот, допустим, такой фрагмент из Ушакова как пример выразительности русского языка: «Мне до омерзения стыдно, что и я принаследжу к категории людей, которые зовутся политиками...» Да, мы понимаем, что это политические речи, но надо отметить, что в его выступлениях всегда присутствует искренность. Для русской аудитории это очень важно. Кроме того, многие положительно оценивают и инициативы молодого мэра, его активное и деятельное участие в жизни города. Даже в микрорайонах, в которых традиционно проживает большей частью русскоязычное население, мы видим, как многое поменялось – появились новые парки, школьные стадионы, преобразились улицы и дома.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Рижский градоначальник для рекламы Риги привлек даже думских котов Муриса и Кузю – чтобы корм отрабатывали

ПРИВЕТ ОТ КУЗИ И МУРИСА!

На зимних каникулах в Риге, несмотря на политические и экономические кризисы, можно было увидеть много туристов из России, которых Нил Ушаков лично приглашал, в том числе и через социальные сети. Удачной была его находка с думскими котами Кузей и Мурисом, которые от имени рижан тоже приглашали россиян в латвийскую столицу на новогодние праздники. «И они приглашают вас снова к нам в гости, – написал он в своем «Твиттере» после праздников. – По предварительным данным, более 50 процентов туристов в Риге были из России. Прирост минимум 10 процентов. Дружба – это всегда хорошо. Так кризисы преодолевать легче».

– В отличие от рижского мэра, учившегося в русской школе, ваших студентов можно назвать полноценными «жертвами школьной реформы 2004 года». Вы чувствуете разницу между поколениями?

– Да, разница очень существенная, и мы это ощущаем. 60 процентов предметов нынешние русскоязычные студенты латвийских вузов изучали в школе не на родном языке. И уровень образования у них примерно настолько же хуже, чем у тех, кому повезло окончить школу без билингвальных экспериментов. С грустью надо признать, что у большинства наших студентов реально снизился словарный запас, по сравнению с их предшественниками, часто в их речи проскаивают конструкции латышского языка. Иногда обычные русские слова вызывают у ребят недоумение. Например, мало кто из них правильно поймет фразу – «и швец, и жнец, и на дуде игрец». Не знают, ни кто такой швец, ни кто такой жнец...

– Что, по-вашему, может им помочь сохранить русский язык в такой ситуации?

– Только осознание, что русский язык действительно великий и могучий и его ресурс

Нил Ушаков на «Фейсбуке» поместил блиц-репортаж об открытии рижского киоска на рождественской ярмарке в Москве с участием С. Собянина

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

знаний просто несоизмерим с другими национальными языками. Для знающих русский язык открывается столько великолепной литературы – художественной, научной, профессиональной! А какая прекрасная, богатейшая библиотека в БМА, сколько уникальных современных изданий в расположеннном здесь же Русском центре фонда «Русский мир», с которым наша академия сотрудничает более пяти лет! Если прибегнуть к этому источнику знаний, язык удастся не только сохранить, но и расширить его и развить. Это понимание мы, русские филологи, которые в Латвии являются не только носителями языка, но и его главными хранителями, и пытаемся донести до своих студентов. Увы, с каждым годом наша миссия становится все сложнее и сложнее. Выпускники школ, где литература преподается на русском языке, изучают ее в катастрофически усеченном объеме. Скажем, Тургенева – только «Отцы и дети». О других его произведениях практически уже мало кто имеет представление, не читали ни «Дворянское гнездо», ни «Вешние воды», не говоря уже о чудной лирике писателя. Из остальных русских класси-

ков – в лучшем случае тоже по одному-два романа: Пушкин, Толстой, Чехов, Достоевский, Булгаков, Серебряный век – на этом список русской литературы для большинства выпускников практически исчерпывается. Они понятия не имеют о Василии Шукшине, что до слез больно и обидно, разве что девушки вспомнят, что это муж Шукшиной, которую по телевидению показывают! Мы ругаем телесериалы, но они хоть в какой-то степени могут заполнить этот вакuum. Посмотрели мои студенты недавно «Тихий Дон», теперь даже стали спрашивать, кто такой Шолохов и что он еще написал...

УЧИСЬ, СЫНОК, МЭРОМ БУДЕШЬ!

– Да, если и дальше так пойдет, вам уже не придется исследовать особенности русской речи следующего мэра или другого яркого латвийского политика, вряд ли они будут красиво изъясняться на русском языке...

– Похоже, все к тому идет. Меня как педагога больше всего волнует нынешнее школьное образование, с которого и начинается разрушение основ русского языка. Как специалисту с тридцатилетним стажем работы в

сфере образования мне совершенно понятно, что для освоения национального языка ребенку совсем необязательно изучать на нем физику или химию. Для этого вполне достаточно уроков по языку, к тому же у нас в Латвии есть еще и живая языковая среда. На родном языке школьник гораздо быстрее сможет постичь сложные науки, тогда он помимо языка будет хорошо знать сам предмет и многое сможет добиться в жизни. Владея языком, но не зная предмета, карьера мэра вряд ли им грозит... К сожалению, выдавливание русского языка из всех сфер жизни в Латвии прогрессирует. Если еще лет пять назад билингвальное обучение внедряли только с пятого класса, разрешая русскоязычным малышам учиться на родном языке, то сейчас это делается уже с младших классов. Моя внучка учится во втором классе в русской школе, но многие предметы они изучают билингвально, осваивая терминологию на двух языках. Например, на уроке природоведения знакомятся с планетами Солнечной системы. Даже на родном языке второкласснику сложно понять, что такое отражающий и излучающий свет, а ребенок должен это рассказать на латышском! Естественно, у русских детей вдвое больше времени уходит на уроки, тут уж не до чтения русской литературы. Беда еще и в отсутствии подготовки преподавателей для русских школ. В Латвии готовят только филологов-словесников. Пока мы еще держимся на педагогах-предметниках старшего поколения, но лет через пять все точные предметы в латвийских школах будут преподаваться только на латышском языке. Тихой сапой русское образование в нашей стране сходит на нет. Без всяких революций и демонстраций... Поэтому пусть уж студенты изучают выразительные средства речи у русского мэра Риги. Пока такая возможность у них еще есть.

ТРЕНИРОВКА СВОБОДОЙ

АВТОР

ЛЮБОВЬ РУМЯНЦЕВА

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ТРЕХКОМНАТНАЯ КВАРТИРА НА ОКРАИНЕ ПЕТЕРГОФА. В НЕЙ ЖИВУТ ДВЕ ДЕВУШКИ И ДВА ПАРНЯ. ОНИ ХОДЯТ В МАГАЗИНЫ, КАЖДЫЙ ДЕНЬ НАВОДЯТ ЧИСТОТУ, ГОТОВЯТ ОБЕДЫ И УЖИНЫ – ДЕЛАЮТ СОТНИ ДЕЛ, КОТОРЫЕ МЫ С ВАМИ ПРИВЫКЛИ СЧИТАТЬ ЕЖЕДНЕВНОЙ РУТИНОЙ. НО ДЛЯ НИХ ЭТО НЕ РУТИНА, А НАСТОЯЩЕЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ. ВЕДЬ ОНИ НИКОГДА ПРЕЖДЕ НЕ ЖИЛИ САМОСТОЯТЕЛЬНО.

...д

ВЕРЬ МНЕ ОТКРЫВАЕТ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Он говорит: «Надеюсь, вы ненадолго» и уходит в ванную. Как потом я узнала, это был Володя – его расстроил визит журналистов, ведь он лишний раз напоминает ему, что жить в тренировочной квартире остается совсем недолго. Я прохожу на кухню незамеченной, из-за шума пылесоса никто

не слышит моих шагов. Пылесосит Дина – сегодня ее очередь заниматься уборкой. За столом сидят Маша и Ольга – два педагога, живущие в квартире посменно. Сейчас как раз Маша «сдает» вахту, а Ольга «принимает». Заглядываю в комнаты – в женской застала Юлю у зеркала, она наводит красоту перед приходом гостей. В мужской комнате на окне рассада, на тумбочке – фотографии со спортив-

ных поединков и зачехленная гитара. Есть еще и общая комната – там все собираются на занятия, играют в шашки, что-то обсуждают и там же спят ночью дежурный педагог.

В 10 утра жизнь в квартире уже кипит: хотя у ее жителей нет жесткого графика, как в интернате, но мало кто подолгу валяется в кровати, ведь на каждый день есть целый список необходимых дел.

– Нужно составить список продуктов и сходить в магазин, нужно прибрать свою комнату и места общего пользования, приготовить еду, помыть посуду, – перечисляет куратор проекта «Тренировочная квартира» благотворительной организации «Перспективы» Надежда Сота. – Кроме того, у каждого из ребят есть свои занятия. Володя работает санитаром в больнице, Андрей – грузчиком, у Дины несколько раз в неделю занятия физкультурой и компьютерной грамотностью, для которых она ездит в интернат, Юля – волонтер в школе «Динамика». Каждый из ребят сам составляет свой график, распределяет время и продумывает дела. В интернате такого не было, и это одна из многих вещей, которым им предстоит научиться.

«БОЯЛИСЬ ПОДХОДИТЬ К ПЛИТЕ»

Интернат, о котором говорит Надежда, – это психоневрологический интернат №3 для людей с множественными нарушениями, где Юля, Дина, Володя и Андрей провели большую часть своей жизни. Юля и Дина передвигаются в инвалидной коляске. Дине трудно разговаривать. Володя и Андрей – высокие и спортивные парни, но с трудом умеют читать и не всегда ориентируются в окружающем мире. Им всем от 30 до 35 лет, они взрослые люди, но до недавнего времени все они были обречены на жизнь в четырех стенах интерната, не имея возможности вести собственное хозяйство и распоряжаться собой. Адаптация таких людей к самостоятельной жизни не входит в задачи государственных учреждений, поэтому большинство подопечных интерната просто не знали элементарных вещей, знакомых каждому из нас с детства: что продукты через какое-то время портятся, что котлеты жарят из фарша, который надо смолоть, что уборку делают каждый день, а за воду, электричество и газ надо платить. Неудивительно, что даже в тех случаях, когда молодым инвалидам государство выделяло отдельное жилье, они зачастую неправлялись с «самостоятельным плаванием» и возвращались в привычный для них мир интерната. Лишь в этом году благотворительной организации «Перспективы» (все желающие помочь проектам этой организации, в том

Куратор
«Тренировочной квартиры»
Надежда Сота помогает Юле делать прическу перед фотосъемкой

– Пока прошла только половина срока их жизни в квартире, но я явно вижу прогресс, – говорит Надежда Сота. – Например, Юля боялась подходить к плите. Она сначала категорически заявила, что никогда до нее не дотронется. Дина с плитой была в лучших отношениях – она в интернате подрабатывала в кафе, поэтому умела готовить. Мальчики тоже не знали, как плитой пользоваться. Первое время готовили в мультиварке и в микроволновке. Но постепенно страх ушел, и теперь все умеют готовить, причем не только яичницу и макароны, но и жарить котлеты, лепить пельмени, печь пироги!

числе и «Тренировочной квартире», могут узнать подробности на сайте perspektivy.ru – Прим. ред.), благодаря их совместным с руководством интерната усилиям, удалось найти средства для создания тренировочной квартиры – места, где в течение четырех месяцев ребята учатся жить самостоятельно. Аренду квартиры оплатил спонсор, а сделать ее уютной и симпатичной помогли неравнодушные петербуржцы – после брошенного в соцсетях клича многие отдали для тренировочной квартиры домашнюю утварь, от пледов до занавесок, и бытовую технику – тостер, микроволновку, мультиварку. Проект рассчитан на три года, поэтому тренировку свободой должны успеть пройти восемь смен по четыре человека. Юля, Дина, Володя и Андрей – первая смена, поэтому учатся не только они, но и педагоги и кураторы.

Педагог Ольга играет с Юлей и Андреем в шашки – и проигрывает

«СПЕЦИАЛЬНО НЕ СПЕШИМ НА ПОМОЩЬ»

Самостоятельная жизнь научила Дину говорить нет, что очень радует ее учителей.

– Людям, с детства живущим в казенных учреждениях, в принципе трудно говорить нет, они привыкли со всем соглашаться, чтобы быть «хорошими», – объясняет Надежда Сота. – Дина сначала безропотно соглашалась делать по хозяйству все, о чем ее просили, а потом вдруг сказала: «Нет, сегодня я не хочу готовить обед, пусть Юля делает». И это большой прогресс для нее.

– Дина вообще молодец, настоящий электровеник! – добавляет педагог Ольга Колесникова. – Из-за спастического синдрома лицевых мышц каждое слово ейдается с огромным трудом. Но раньше она и не утруждала себя попытками разговора – в основном мычанием и жестами объясняла, что ей нужно. Но теперь она старается все свои просьбы проговаривать. А иногда мы в этом ей «помогаем» – специально «не понимаем» ее жестов, ждем, когда она скажет словами. Это может показаться издевательством, но потом заметно, что ежедневные речевые тренировки идут ей на пользу.

– Мне Дина как-то даже рассказала о себе – как у нее в интернате распухла десна, ей ее разрезали, и она этого никогда не забудет, – говорит педагог

Маша. – Меня поразила эта история из уст девушки, которая обычно ограничивалась только «дай», «завяжи» и «помоги».

Главное, чему за это время научились сами педагоги, – это терпению. Ведь их задача – научить ребят самостоятельности, а это иногда даже психологически очень сложно.

– Иногда приходится специально не замечать просительный взгляд Дины, когда она хочет, чтобы я надела ей ботинки, – говорит Ольга. – Я знаю, что она может это сделать сама. Раз может – пусть делает.

– Приходится привыкать к медленному ритму, – объясняет Надежда. – Да, они могут искать рецепт блюда в Интернете полчаса, хотя у меня на это уходит две минуты. Да, они будут полдня собираться в магазин. Конечно, мне проще помочь и сделать самой. Но на самом деле это плохая «помощь». И все чаще они уже не просят ее. «Мы сами», – говорят девочки и месяят тесто своими руками.

«ВЕДУТ СЕБЯ КАК МАЛЕНЬКИЕ ДЕТИ»

Пока мы разговариваем на кухне с педагогами, Володя (тот самый неприветливый парень, который открыл мне дверь) собирается на улицу. Девочкам-соседкам он говорит, что идет «ложиться в больницу». Куратор, услышав этот разговор, идет к Володе и девочкам «разбираться».

– На самом деле Володя идет в поликлинику, на прием к терапевту, потому что он был простужен, – объясняет Надежда, возвращаясь. – Я объясняла ему и девочкам разницу между больницей и поликлиникой, которую они, оказывается, не знали.

– В некоторых вопросах ребята ведут себя как маленькие дети, – говорит Ольга. – Мы с Андреем и Диной на прошлой неделе ездили на поезде в Новгород. Я купила билеты на всех. Когда мы приехали, Андрей долго не мог понять, зачем ему отдавать деньги за билеты, которые он уже использовал и которые ему больше не нужны!

Отношения с деньгами – вообще отдельная тема. И отдельный ежедневный урок. В интернате никому из молодых людей почти не приходилось иметь дела с финансами – большую часть своей пенсии они отдавали, получая взамен жилье, питание и одежду. Но во время проживания в тренировочной квартире они сами вольны распоряжаться своим скромным доходом.

– В интернате редко выпадает возможность попасть в магазин, поэтому первые дни ребята «сметали» все с полок и хвастались, что «закупились на месяц вперед», – вспоминает Ольга. – Дина, помню, купила несколько пачек пельменей на 2 тысячи рублей – и самых дорогих, и самых дешевых. Сейчас она уже гораздо серьезней относится к покупкам,

Дина с Ольгой играют в «Дженгу». Для Дины эта игра – не способ убить время, а урок на внимательность и аккуратность в движениях

Напоминания для жильцов на холодильнике – не забыть сделать винегрет, купить мангал для выезда на шашлыки и другие

внимательно изучает состав, пытается соотносить цену и качество. Андрей сначала не хотел платить за Интернет, ведь «он им так редко пользуется». Это тоже урок: за возможность иметь доступ к какой-либо услуге ты должен ежемесячно вносить абонентскую плату. Еще один важный аспект самостоятельной жизни – вчитываться в документы, которые тебе дают на подпись.

– Ребята зачастую подписывают все, что им дают, не глядя, – говорит Надежда. – Юле привезли новое кресло, она тут же подписывает бумагу, а я ее специально путаю: «А теперь по этой бумаге кресло будет принадлежать мне! Ты только что дарственную подpisала». Она пугается, но зато начинает серьезней относиться к документам.

Это осложняется тем, что некоторые из ребят пока еще плохо читают и не всегда могут понять прочитанное.

– Например, Володя – начинающий музыкант, играет на гитаре, ходит в музыкальную школу, – говорит Маша. – Я стала искать тексты, которые ему могут быть интересны, вчера тренировали чтение на биографии Земфиры.

ЕЖЕДНЕВНЫЙ ЭКСТРИМ КОЛЯСОЧНИКА

В жизни ребят появились развлечения – поездки в торговые центры, на выставки, боулинг, путешествия. В интернате подопечных тоже иногда вывозили «развлечься», но там об их предпочтениях никто не спрашивал – едет группа инвалидов в театр, значит, и ты едешь в театр, хотя ты сам бы больше хотел побывать на концерте. Теперь свой досуг ребята могут планировать самостоятельно – с учетом своих желаний, возможностей, количества денег. Володя вернулся из поликлиники уже в гораздо более хорошем настроении – он с удовольствием рассказал о том, как недавно отправился в первое самостоятельное путешествие в Москву. Все сам – поиски билетов, жилья, план прогулок по городу. Волонтеры из «Перспектив» только помогли организовать

встречу на вокзале, чтобы неопытный путешественник не потерялся в столице.

– Перед поездкой Володя очень волновался, даже хотел уже сдавать билеты, – рассказывает Надежда Сота. – Но зато приехал домой настоящим «победителем»: если не знал, куда идти, то спрашивал у полицейских, и те, к их чести, ему спокойно все объясняли.

– Я видел Кремль, гулял по Красной площади, – гордо говорит Володя. – Обязательно съезжу в Москву еще.

Андрей, наслушавшись рассказов своего соседа по комнате, тоже мечтает о поездке в столицу. Хотя Кремль в Великом Новгороде его тоже впечатлил. Для девочек, которые могут передвигаться только в инвалидных колясках, перспективы путешествий не столь радужны. Для любой поездки им нужен сопровождающий – а иногда и не один.

– Петергоф (не говоря уж о Петербурге) не приспособлен для колясочников, – с горечью говорят волонтеры. – Каждый поребрик для Юли и Дины – непреодолимое препятствие. Даже поход в магазин превращается в серьезное испытание: окрестные аптеки не оборудованы пандусами, приходится ехать далеко, в «доступную» аптеку. Иногда приходится на коляске ехать вдоль проезжей части, потому что нет возможности «залезть» на тротуар. Это настоящий экстрем. Еще и машины сигналят, мол, давайте, пошевеливайтесь! Юля, например, боится садиться одна в автобус – она понимает, что без чужой помощи не справится,

а ведь неизвестно, что за люди попадутся ей на пути. Хотя Юля очень легко находит общий язык с прохожими. Гуляя во дворе, она наладила контакт с местным дворником, иногда он даже заходит в магазин по ее просьбе. Дине сложнее, ведь ее речь незнакомые люди могут и не понять, а она может растеряться и от волнения говорить еще хуже.

– Меня уже на улицах узнают, – улыбается Юля. – Я мусор выбрасывать вышла, ко мне прохожие подбегают, помогают донести до мусорного контейнера. И говорят: «Мы вас по телевизору видели, у вас где-то здесь тренировочная квартира».

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ К СВОЕМУ ЖИЛЬЮ

Впереди у жильцов квартиры еще много приятных планов – Юля копит деньги, чтобы с размахом отметить свой день рождения, запланирован общий выезд на шашлыки, поездки в город, покорение новых кулинарных вершин, празднование «выпускного». Но все ребята понимают, что эта квартира – не всегда и уже летом им придется вернуться обратно в интернат.

– Я очень переживала, не хотела сюда переезжать, – вспоминает Юля. – Мне так страшно было... Даже плакала. Теперь-то я тут своя. И птичкам моим тут нравится (У Юли есть питомцы – попугайчики и кенарь. – Прим. авт.). Буду снова плакать, теперь – уже когда возвращаться придется. Андрей рассказывает, что он «нагренировался» и готов жить самостоятельно.

Володя учится играть на гитаре. Сейчас его коронный номер – «Мой рок-н-ролл» от группы «Би-2»

– А что, готовить я умею, убираюсь, счета оплачиваю, – перечисляет он. – Конечно, надо работу найти другую. Одному жить мне нравится, не скучно будет. Хотя хорошо бы жить не одному, а с девушкой...

Больше всех скорое возвращение в интернат волнует Володю – одна мысль об этом портит ему настроение. Он уже готов покупать мебель для своей будущей квартиры, планирует ремонт и цвет обоев.

– Я уже через полгода буду жить сам, – убежден он. – Вот квартиру дадут – и сразу перееду. Правда, мне не хочется жить в Петергофе, лучше на юге Петербурга, на Ленинском проспекте... Там мои подруги живут, я ездил к ним в гости.

На самом деле все не так просто, и путь к собственной квартире предстоит еще неблизкий. Сначала всем ребятам нужно пройти психолого-медицинско-педагогическую комиссию, на которой они предстанут перед специалистами и будут доказывать, что они в состоянии жить сами. Если комиссия даст добро, то инвалид имеет право обращаться в жилищный комитет местной администрации и просить предоставления жилья без очереди. Юле повезло – она уже прошла комиссию, и даже будущая квартира ей нашлась в рекордные сроки. Остальным еще рано радоваться – иногда с предоставлением своего жилья чиновники тянут годами.

– Конечно, когда мы составляли списки будущих жильцов тренировочной квартиры, то включали туда тех, у кого есть шансы на самостоятельную жизнь, – объясняет директор программы «Взрослые вне семьи» благотворительной организации «Перспективы» Аделия Захарова. – Иначе это было бы бессмысленно и жестоко – показать им другую жизнь и навсегда обратно вернуть в интернат. Да и навыки, приобретенные за месяцы самостоятельной жизни, быстро теряются. Но ребятам, конечно, придется какое-то время подождать, прежде чем у них появится свой дом. ●

НОВГОРОДСКОЕ ЖИТИЕ

БЕСЕДОВАЛ

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

25-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ПЕРВОЙ НАХОДКИ БЕРЕСТЯНОЙ ГРАМОТЫ УЧАСТНИКИ НОВГОРОДСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ОТМЕЧАЛИ В ДАЛЕКОМ 1976 ГОДУ.

САМЫМ НЕОЖИДАННЫМ ПОДАРКОМ археологам стало монументальное полотно «Житие Новгородской экспедиции», на котором образы археологические смешались с образами средневековыми. Торговая сторона Новгорода, сбитая из досок база экспедиции, академика Янина с интересом слушают современные и древние новгородцы – узнать о находках вынырнула даже Несси из затопленного раскопа; у столовой, подбоченясь, стоит местная повариха – гроза молодых археологов; прибывшая в ладье дружины землекопов скрестила лопаты и ложки; по тропинке бредет с корзиной очередного «урожая» находок руководитель полевой лаборатории Елена Рыбина… Об археологии Новгорода мы и поговорили с Еленой Александровной – ныне профессором кафедры археологии исторического факультета МГУ и бессменным участником Новгородской экспедиции с 1962 года.

– Новгородская экспедиция – самый масштабный археологический проект нашей страны. Интересно, что в дореволюционной России раскопали множество курганов, а к Новгороду даже не прикоснулись. Почему советские археологи решили взяться за Новгород, кто был автором этой идеи?

– До революции древнерусские города почти не исследовались, изредка проводились раскопки отдельных памятников архитектуры, например Десятинной церкви и Золотых ворот в Киеве, или раскапывались небольшие участки. Сохранилась «Записка» графа Алексея Сергеевича Уварова, сыгравшего большую роль в становлении отечественной археологии. Он писал о необходимости раскопок в Суздале, отмечая при этом «ненадежность новгородской почвы для открытия важных русских древностей». Теперь мы знаем, как глубоко он заблуждался!

Планомерная городская археология началась, по существу, с 1932 года, когда Артемий Владимирович Арциховский заложил раскоп в Славенском конце – одном из трех древнейших концов Новгорода. Интерес к Новгороду зародился у него еще в гимназические годы. В 1929 году Арциховский провел раскопки в Новгородской окруже, а спустя три года вернулся в Новгород основательно подготовленным, с хорошо продуманной программой раскопок. Общей задачей экспеди-

ФОТО АВТОРА

ФОТО АВТОРА

ции было изучение Новгорода как одного из важнейших русских феодальных городов. Археология – это ведь не просто собирание предметов, это – добывание источников по истории страны. Существующие письменные источники – летописи, договоры, разного рода акты – фиксируют официальную сторону жизни. Из них мы ничего не знаем о повседневной жизни в Средневековье, о том, чем занимались тогда люди, какова была планировка города... Оказалось, многие проблемы в истории Средневековья могут быть решены с помощью археологии.

С тех пор, за исключением военных лет, раскопки в Новгороде ведутся постоянно, и в будущем году экспедиция будет отмечать свое 85-летие.

– А сами горожане интересовались раскопками, понимали, что происходит?

– В послевоенные годы местные жители не просто интересовались, они были основной рабочей силой – землекопами. В разрушенном войной городе люди искали всякую возможность заработать. На Неревском раскопе работало около

Помещение кафедры археологии МГУ. Портрет Артемия Арциховского между бюстами древних новгородцев, сделанными по реконструкции черепов методом Герасимова

Первые масштабные археологические раскопки в Новгороде. На заднем плане стоит Артемий Арциховский. 1932 год

трехсот человек. Кстати, первую берестяную грамоту нашла местная жительница Нина Акулова. В 1960-е годы жизнь в Новгороде наладилась, желающих работать на раскопках становилось все меньше, возникла проблема нехватки рабочей силы. И тогда на смену взрослым пришли школьники и студенты-историки, у которых была обязательная археологическая практика. Активными участниками раскопок стали именно новгородские школьники. Сменилось уже несколько поколений, и нередко на раскопе работают дети тех, кто когда-то работал в экспедиции.

Новгородцы нередко помогали археологам. Сообщали, например, о ведущихся несанкционированных земляных работах. Были случаи, когда жители приносили найденные ими берестяные грамоты. Так, в 1975 году при устройстве забора для Водоканала работник обнаружил берестяной свиток и тут же принес его на базу экспедиции. Этот свиток содержал три листа бересты, на двух из которых было написано завещание.

Для интересующихся раскопками новгородцев Арциховский в конце каждой недели устраивал «археологические пятницы». На базе экспедиции под открытым небом он рассказывал о находках за прошедшую неделю. Мы до сих пор такие «пятницы» проводим. В последнее время, правда, для горожан устраиваем только одну встречу в конце сезона. Как при Арциховском, так и в наши дни «пятницы» собирают множество местных жителей.

– Разрушенный после войны Новгород для археологов, наверное, открывал уникальные возможности?

– Довоенный Новгород, как и в Средневековье, был деревянным, и после войны в городе сохранились только три дома. Каменные постройки представляли собой руины, было много пустырей, и выбирать место для раскопок можно было сво-

ИЗ АРХИВА НОВГОРОДСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

бодно. Но раскопать весь город было невозможно. А тем временем город застраивался, и, конечно, культурный слой с древностями исчезал бесследно. В Новгороде тогда работал историк Сергей Николаевич Орлов, который принимал участие в раскопках и понимал, что при строительстве утрачивается ценнейший источник. В течение многих лет во время строительных работ он вел наблюдения и фиксировал мостовые средневековых улиц, что позволило составить план средневекового Новгорода практически со всеми улицами. В те годы вопрос об охране культурного слоя еще не стоял, хотя его ценность как важнейшего источника по средневековой истории сознавалась всеми археологами. Только во второй половине 60-х годов, когда в стране развернулось активное движение за сохранение культурного наследия и было создано Всесоюзное общество охраны памятников, пришло понимание того, что культурный слой также требует охраны. В 1969 году по инициативе археологов во главе с будущим академиком Яниным горсовет Новгорода принял беспрецедентное постановление «Об охране культурного слоя». Согласно этому документу, любым земляным работам, связанным со строительством или прокладкой коммуникаций в пределах древнего города, должны предшествовать археологические исследования. А через год постановление об охране культурного слоя древнерусских городов было принято на государственном уровне.

– Профессия археолога считается загадочной. Как становятся археологами?

– Приходят к нам на кафедру, учатся. Конечно, приходят люди, понимающие, что это не денежная профессия, – энтузиасты, которых влечет древность. Устроиться на работу сейчас сложно. Но в целом за 77 лет существования кафедры профессию археолога получили 778 человек. И почти половина из них стали кандидатами наук, каждый седьмой – доктор наук.

– Очень высокий результат – особенно на фоне вузов, более половины выпускников которых вообще не работают по специальности. А как вы пришли в археологию?

– Я гуманитарий по своей природе, интерес к истории у меня был со школы. Учительница истории убедила меня поступать на истфак МГУ. Поступила, но об археологии не думала. А после первого курса была обязательная археологическая практика, и нашу группу отправили в Гнёздово (комплекс древнерусских памятников под Смоленском. – Прим. ред.). Экспедицией руководил Даниил Антонович Авдусин, который увлек меня и многих моих сокурсников археологией.

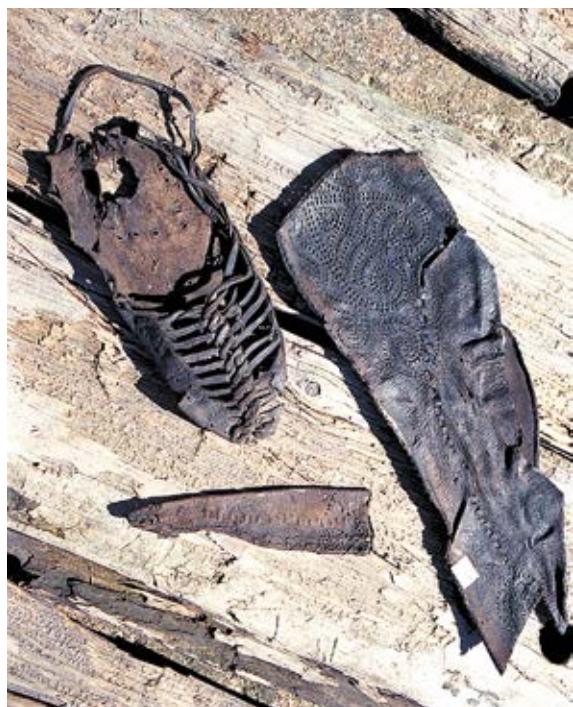
– Картина «Житие Новгородской экспедиции» изображает будни на раскопках весьма романтически. Так ли это было? И как менялось это «житие» в разные времена?

ИЗ АРХИВА НОВГОРОДСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Руководитель
раскопа
на Ярославовом
дворище
Борис Колчин
учит работать
с нивелиром.
На заднем плане
стоит будущий
академик Янин.
1947 год

– Романтическими я бы их не назвала, а картина действительно замечательная. Ее создали две талантливые студентки МАРХИ – Татьяна Арзамасова и Ольга Долгова. Несмотря на всю условность и приемы шаржа, на картине очень точно изображены и Торговая сторона с храмами, и устройство археологической базы, и персонажи легко узнаваемы. Одним словом, на этой картине запечатлена вся жизнь экспедиции. Несколько лет назад мы издали небольшую книгу воспоминаний участников Новгородской экспедиции начиная с 1937 года. Вот по этим воспоминаниям легко прослеживается, как со временем менялся быт экспедиции, а что оставалось неизменным. Больше всего менялись жилищные условия. Когда я в 1962 году впервые приехала в Новгород, мы жили в частном доме на чердаке. Спали на деревянных топчанах, на матрасах, набитых сеном. Сейчас, конечно, это трудно представить. Позд-

ИЗ АРХИВА НОВГОРОДСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Обувь древних
новгородцев –
поршень
и голенище
сапога

ИЗ АРХИВА НОВГОРОДСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Картина «Житие Новгородской археологической экспедиции. Год 1976-й».

Размер
3 метра в длину и 1,5 метра в высоту.

Авторы картины – студентки МАРХИ Татьяна Арзамасова и Ольга Долгова,

работавшие в тот год чертежницами на раскопе (изображены крайними слева)

нее для проживания студентов стали арендовать школьные классы, пустовавшие во время летних каникул. Последние десятилетия участники экспедиции живут в студенческом общежитии.

А неизменными в экспедиции оставались энтузиазм в работе, обязательные экскурсии по городу и его окрестностям, студенческие капустники, розыгрыши, непременный юмор и экспедиционный фольклор, который передается из поколения в поколение. Кстати, вышли два издания экспедиционных песен и стихов.

– Количество находок в Новгороде уже превышает 150 тысяч. Возможно ли по ним реконструировать быт новгородца XI, XII, XIII веков?

– Сто пятьдесят тысяч – это только индивидуальные находки, каждая из которых фиксируется отдельно, заносится на план, фотографируется и включается в описи находок. Помимо того есть массовые находки. Например, обломки керамики ежегодно исчисляются десятками тысяч, а за все годы раскопок это миллионы. Конечно, мы теперь хорошо знаем набор предметов, характерных для каждого столетия, и можем реконструировать устройство дома, набор посуды и хозяйственной утвари, украшения женщин, обувь и многое другое. Но пока это все разрозненно. Для создания более или менее полной картины городской жизни нужен комплексный подход. К сожалению, научных работ такого плана крайне мало. Да и сложное это дело – помимо энциклопедических знаний требуется еще некое откровение, творческий талант.

– Можно хотя бы представить типичный дом средневекового Новгорода?

– В полном виде средневековый дом новгородца можно представить по сохранившимся деревянным избам, которые собраны в музее деревянного зодчества «Витославлицы». Планировка и устройство дома не менялись веками. В избе стояла печь, из мебели – лавки, стол. А при раскопках мы обнаруживаем лишь нижние венцы срубов, фрагменты мебели, развалы печей. За годы раскопок исследованы тысячи разнообразных построек, частоколов, различных дворовых настилов. Новгородское строительство изучено очень подробно: выявлены типы построек, установлены размеры домов, исследованы их конструктивные элементы. Дома строились из сосны или ели. Размеры построек варьировались от совсем маленьких, четыре на четыре метра, до сравнительно больших пятистенных срубов. Находки мебели в доме очень редки и фрагментарны, к тому же по обломкам не всегда можно опознать их назначение, но по тому, что сохранилось, можно представить, как выглядела обстановка в том или ином доме. Например, в прошлом году на одном из раскопов были найдены большие фрагменты лавок, украшенные резным орнаментом. Значит, хозяин дома был не лишен эстетического чувства.

– Известный искусствовед Игорь Грабарь писал, что грубоватая архитектура древнего Новгорода соответствует идеалу местных жителей – добрых вояк, не склонных к особым изяществам...

– Действительно, долгое время новгородская храмовая архитектура не привлекала внимание искусствоведов. Считалось, что, в отличие от белокаменных владимирских соборов, стены которых покрыты богатой резьбой, новгородские церкви просты, приземисты и почти не содержат декора.

Однако нужно иметь в виду, что вплоть до войны новгородские храмы имели облик, который создавался в течение нескольких столетий в результате многочисленных перестроек и переделок. От первоначального вида оставались только стены, а реальные пропорции были нарушены в результате нарастания культурного слоя. После войны началось восстановление новгородских храмов, большинству из них был придан первоначальный облик, характерный для новгородской архитектурной школы XIII–XV веков. Вокруг стен был расчищен культурный слой, и новгородские храмы обрели присущую им изначально гармонию.

Что касается декора, то строительным материалом для храмов был красноватый известняк-ракушечник, не приспособленный для резьбы. Декоративные элементы в виде розеток, крестов, бегунков выкладывались на стенах из кирпича. Так что чувство гармонии и красоты было совсем не чуждо новгородцам. Особенно это стало понятно при раскопках, когда были найдены предметы прикладного искусства в виде каменных резных иконок, нарядных украшений из кости и металла и богато украшенных резьбой бытовых предметов. Казалось бы, зачем украшать орнаментом, утратившим ужеsemantic значение, рукояти ножей, ложек, ковшей, различные детали саней и многое другое. А насколько гармоничны и совершенны по своему виду не имеющие украшений инструменты! Наконец, упомяну о находке двух больших фрагментов деревянных колонн, найденных в слое XI века. Эти колонны содержат великолепный резной орнамент в виде стилизованных растений, а в круглых кляймах изображения кентавра и птицы, аналогичные тем, что находятся на стенах владимирских соборов. Только колонны были созданы, по крайней мере, в первой половине XI века, а храмы во Владимире построены в XII столетии.

– Как выглядел типичный новгородец? Какую одежду носил, что у него было в карманах и были ли вообще карманы?

– Ну, карманы – довольно позднее изобретение, XIV–XV веков. От одежды мы находим только маленькие фрагменты тканей. А вот обувь очень много и самых разных типов. Наиболее распространенными были поршни. Кроились они из цельного куска кожи и по форме напоминают лапти. К слову, классических лаптей из лыка новгородцы не носили. Помимо поршней горожане носили кожаные сапоги и полусапоги. Есть также туфли – название условное, как их называли новгородцы, неизвестно. Передняя часть туфель в большинстве своем украшена прорезным орнаментом, расшитым цветными нитками. Несомненно, такая обувь принадлежала женщинам или подросткам. Также немало находок нарядных туфель маленьких детских размеров. Вот, кстати, штрих к картине новгородского быта – не лень было для самых маленьких детей делать такую сложную нарядную обувь.

Елена Рыбина
с находкой
нательного
креста. 1990 год

**– Что можно сказать о мелких личных вещах?
Копоушками, например, новгородцы пользовались?**

– Самые массовые находки – гребни. Их тысячи, самых разных размеров и форм, использовавшихся не только для головы, но, вероятно, и для бороды. Копоушки для меня предмет-загадка – сложно представить, чтобы этими металлическими и костяными предметами удобно было уши чистить. Тем более что бытовали копоушки только в XI–XII веках, затем они исчезают. Очень много женских украшений – стеклянные и янтарные бусы, стеклянные браслеты и многочисленные привески, перстни, браслеты из меди, свинца, олова, латуни. Украшения из драгоценных металлов мы находим очень редко. Почему? Неужели боярские жены и дочери не носили золотых и серебряных украшений? Конечно, носили, просто их старались не терять, а бережно хранили. К личным вещам относятся и культовые предметы – разнообразные языческие амулеты, христианские нательные кресты, подвески с изображениями святых.

– На факультете вы читаете курс «Новгородское вещеведение». Что это такое?

– Этот курс посвящен обзору и характеристике находок, которые сами по себе являются бес-

ИЗ АРХИВА НОВГОРОДСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

деревообрабатывающего ремесла широко была распространена металлообработка. Самыми разнообразными предметами представлены кузнечное, литейное, ювелирное ремесла. При этом для обработки железа и цветных металлов были свои специальные инструменты. Большим количеством находок представлено прядильно-ткацкое ремесло и сапожно-кожевенное. Помимо обуви из кожи изготавливались ножны и разнообразные футляры, кошельки, рукавицы, мячи для игры, обрядовые маски. Существовала в Новгороде и обработка кости, камня, янтаря.

Не менее важное значение имеют находки для изучения новгородской средневековой торговли. Речь идет только о массовых категориях импорта, которые насчитываются сотнями экземпляров и даже тысячами.

Распределение импортных находок по хорошо датированным строительным ярусам дает возможность проследить направление и, самое главное, динамику торговых связей. В качестве примера расскажу о южном направлении, где главным торговым контрагентом Новгорода был Киев. Массовые товары, поступающие в Новгород по днепровскому пути, исчисляются тысячами (шиферные пряслица) и сотнями (амфоры и грецкий орех) экземпляров. Оказалось, их хронологические графики совпадают. Доставка этих товаров начиная с X века постепенно увеличивается, достигая максимума в середине XII века. Но на рубеже XI–XII веков происходит заметное сокращение всех товаров южного направления. Когда я это обнаружила, захотелось найти причину. И она оказалась традиционной для торговых связей во все времена. В конце XI – начале XII века происходит обострение политической борьбы между новгородским боярством и киевским князем. К концу XI столетия Новгород окреп экономически и не желал мириться с властью киевского князя. В эти десятилетия новгородцы впервые изгоняют неугодного им князя и приглашают своего кандидата. Точно так же в это время в Новгороде появляется свой местный посадник из числа бояр, а не присланый из Киева. В отместку Новгороду была объявлена торговая блокада, и на какое-то время торговое движение по днепровскому пути прекратилось, что и нашло отражение в археологических материалах. Помимо находок об этом свидетельствует и берестяная грамота №424, датированная началом XII века. Текст ее весьма красноречив и информативен: «Грамота от Гюргия к отцу и к матери. Продавши двор, идите сюда в Смоленск или в Киев: дешев здесь хлеб. Если же не пойдете, то пришлите мне грамотку, как вы живы-здоровы». Видимо, в Новгороде был голод, и сын, беспокоясь о судьбе родителей, зовет их к себе на юг, где дешевый хлеб. Но почему этот дешевый хлеб не везли в Новгород, где его можно было продать по выгодной цене? Ответ очевиден – потому что была торговая блокада. Кстати, случаи торговой блокады Новгорода не раз отмечались летописцами.

Елена
Александровна
читает
берестяную
грамоту,
пролежавшую
в земле почти
тысячу лет

Студенты
исторических
факультетов
разных вузов
работают
на раскопе
в Новгороде

ценным историческим источником. Новгородская вещевая коллекция – явление уникальное. Массовые, хорошо датированные находки дают представление о самых разных сферах городской жизни, которые не отражены в письменных источниках. Ремесло, торговлю и промыслы, которые были основными занятиями средневековых горожан, можно изучать только по археологическим находкам. Для ремесла это – набор инструментов и различные приспособления (литейные формы, наковални и т.д.), сырье, заготовки, бракованные изделия. Ремесленных инструментов собрано уже более 2 тысяч. Самые массовые среди них – инструменты для обработки дерева: топоры, тесла, скобели, струги... И это не случайно. Ведь дерево сопровождало средневекового человека всю жизнь – от колыбели до гроба. Из дерева строился дом, делалась мебель, посуда, хозяйственная утварь и многое другое. Помимо

ИЗ АРХИВА НОВГОРОДСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

– О распространении грамотности среди новгородцев широко известно. А есть ли берестяные грамоты, написанные жителями деревень?

– Встречаются грамоты боярских управляющих в деревнях. Можно сказать, что на селе хотя бы один какой-нибудь ключник умел писать. Говорить о грамотности основной массы крестьян оснований пока нет.

– Бересту для письма новгородцы обрабатывали особым образом? Или же просто шли к дровнице, когда нужно было написать послание, и сдирали нужный кусок коры?

– Бывало, видимо, по-разному. Есть грамоты, береста для которых явно специально заготовлена: снята лишняя кора, сбоку имеются прорези – предположительно, для нанизывания на прутки сразу нескольких заготовок. Встречаются также грамоты из очень грубой бересты, с наростами – видно, что человек просто содрал кору и стал писать. Для обучения детей нередко использовался материал вторичного использования – дно старого берестяного короба, например. Первая грамота знаменитого мальчика Онфима с грамматическими упражнениями и рисунками написана как раз на таком донышке.

– Почему новгородцы не уничтожали свои письма?

– Ну, если бы они уничтожали всё, мы бы ничего не знали о жизни и языке Древней Руси. К счастью, многие письма новгородцы просто выбрасывали, иногда теряли, но чаще все-таки старались уничтожить. В основном их разрывали на продольные полоски, которые мы и находим в большом количестве. Но иногда бересту с текстом старательно разрезали поперек, и тогда от каждой строчки оставались три-четыре буквы, недоступные для чтения. В среднем только одна из пяти грамот сохранилась целиком, четыре пятых от всех находок – это обрывки. А есть и прямые указания об уничтожении текста. В 1998 году было найдено рекордное количество берестяных грамот – 92 экземпляра, из которых только 9 были целыми, остальные – обрывки. Содержание большинства из них касалось судебных дел. А в одном обрывке было написано: «пощепати грамоту». Ее автор велел адресату после прочтения грамоту «пощепати», то есть разодрать. Так что новгородцы стремились сохранять в тайне свои дела. В связи с этим очень любопытны целые грамоты, содержащие военные донесения. В этих текстах нет имен ни автора, ни адресата. Например, в грамоте №590 XI века в центре длинного берестяного листа содержится короткая запись: «литва встала на королеву».

– Каков язык берестяных грамот? Все ли они написаны по-русски? Или есть находки на других языках либо намеки на дохристианскую письменность Руси?

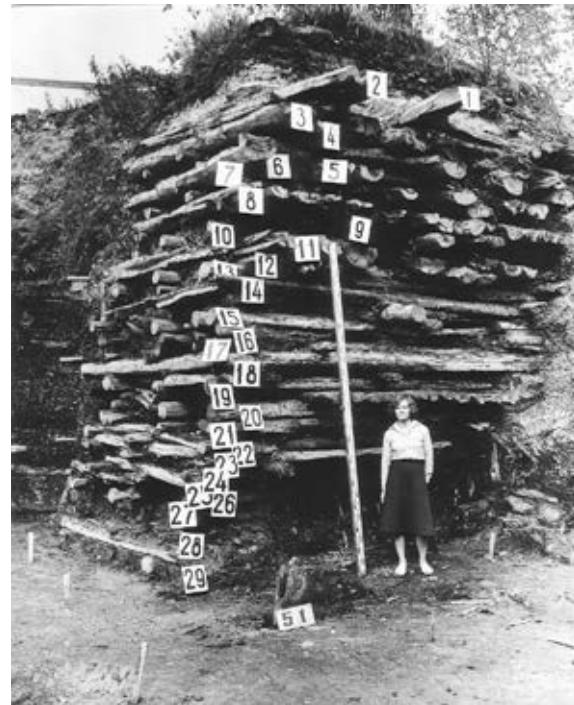
ИЗ АРХИВА НОВГОРОДСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Академики
Валентин
Янин и Андрей
Зализняк
с нетерпением
ждут, когда
Елена
Александровна
откроет для
прочтения
только что
найденную
бересту

– Говорить о дохристианской письменности нет никаких оснований. Что касается иноземных текстов, то среди берестяных грамот есть четыре текста на других языках: карельском, латыни, греческом, нижненемецком. Берестяная грамота на карельском языке относится к XIII веку. Эта находка на триста лет удручила карельскую письменность, которая до того датировалась XVI веком. Грамота на нижненемецком языке относится к первой половине XI века. Ученых из Германии она очень заинтересовала – в Европе на бересте не писали, использовали восковые таблички – церы.

– В Новгороде ведь тоже писали на церах, они использовались параллельно с берестой?

– Нет, не параллельно. Цер в Новгороде найдено всего 14 экземпляров, грамот – 1080. Церы

ИЗ АРХИВА НОВГОРОДСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Елена Рыбина
у яруса
деревянных
мостовых
на Троицком
раскопе.
1983 год

ФОТО АВТОРА

в Новгороде использовались для обучения письму, и примеров тому немало. На внешней стороне церкви XIV века тщательно вырезана азбука, на торце одной из церквей XII века также вырезана часть азбуки. К числу учебных относится и знаменитая Новгородская псалтирия, найденная в 2000 году и датированная после тщательного исследования рубежом X–XI веков, то есть временем принятия христианства в Новгороде. На трех залитых воском деревянных табличках последовательно были записаны 75-й и 76-й псалмы и с некоторым промежутком последние стихи 67-го псалма. Очевидно, это и был первый учебник в Новгороде. С появлением первых навощенных табличек и началась письменность в Новгороде. Однако вместо массового изготовления таких табличек

для разного рода записей стали использовать бересту. Найденную Новгородской псалтирии академик Янин назвал своим вторым звездным часом после находки берестяных грамот.

– *Своего рода отголосок романтического периода великих археологических открытий...*

– Я бы сказала, что романтический период у нас не прекращается. Я своим студентам всегда говорю, что в Новгороде классической археологической романтики нет: полевого лагеря, палаток, пения у костра по вечерам. Зато у нас романтика научного поиска. Найти грамоту, открыть ее, прочитать, понять – это ни с чем не сравнимые ощущения. У меня вообще нет иммунитета к новизне. Я по-прежнему испытываю восторг от каждой новой грамоты или какого-нибудь деревянного фрагмента, который, может быть, внешне ничем не примечательный, но начнешь его изучать – и он оказывается частью, скажем, древнего музыкального инструмента.

– *Последние годы экспедиции еще дают какие-то качественно новые находки или же сейчас идет только количественное пополнение уже известного материала?*

– Конечно, вещевая коллекция ежегодно пополняется хорошо известными предметами материальной средневековой культуры, и это тоже очень важно, потому что массовость находок дает представление о времени и степени распространенности той или иной категории, о том, как менялись форма вещей и технология их изготовления. Сама по себе статистика находок тоже является хорошим источником.

Однако буквально каждый год мы находим что-то качественно новое: изделия, которые прежде никогда не находили в Новгороде, но аналогии им известны в других регионах, или новую форму уже известного предмета. И, наконец, почти ежегодно находятся предметы, назначение которых мы не можем понять и объяснить. Между прочим, проблема атрибуции находок – одна из самых больших. Даже целиком сохранившиеся предметы нередко остаются для нас загадкой, не говоря уже о бесчисленных фрагментах и обломках. Разгадка некоторых предметов длится годами, а иногда и десятилетиями. Так было со знаменитыми деревянными «цилиндрами», которые оказались пломбами для запечатывания мешков с данью. Другой пример: только спустя 27 лет после первой находки своеобразные металлические крышечки были надежно атрибутированы как оправы складных стеклянных зеркал.

С особым нетерпением мы ждем новых берестяных грамот, потому что каждая грамота не просто послание из глубины веков, а источник для изучения истории и истории древнерусского языка. Найдка каждой грамоты – событие, которому радуются все, не исключая наших знаменитых академиков – Янина и Зализняка. ☩

СВИДЕТЕЛИ АПОКАЛИПСИСА

АВТОР

ЛАДА КЛОКОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ЛЕТОМ 2014 ГОДА В ХОДЕ РАСКОПОК В ГЕОРГИЕВСКОМ СОБОРЕ СВЯТО-ЮРЬЕВА МОНАСТЫРЯ, ЧТО ПОД НОВГОРОДОМ, ПО ФРАГМЕНТАМ ФРЕСОК БЫЛА ВОССТАНОВЛЕНА НАДПИСЬ НА ОДНОЙ ИЗ СТЕН ХРАМА. В НЕЙ ГОВОРИЛОСЬ О СМЕРТИ И ПОГРЕБЕНИИ НОВГОРОДСКОГО АРХИЕПИСКОПА АНТОНИЯ В 1232 ГОДУ. ТОГО САМОГО, КОТОРЫЙ В НАЧАЛЕ XIII ВЕКА ПОБЫВАЛ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ И ОСТАВИЛ ПОТОМКАМ В «КНИГЕ ПАЛОМНИК» ПОДРОБНЕЙШЕЕ ОПИСАНИЕ ЦАРЬГРАДА НАКАНУНЕ ЕГО РАЗГРАБЛЕНИЯ В 1204 ГОДУ ВОИНАМИ ЧЕТВЕРТОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА. ИМЕННО ЭТО СОБЫТИЕ МНОГИЕ ИСТОРИКИ ВОСТОЧНОЙ ЦЕРКВИ НАЗЫВАЮТ «МАЛЫМ АПОКАЛИПСИСОМ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ».

Ряд исследователей уверены, что и анонимная повесть «О взятии Царьграда от фряг» также принадлежит перу Антония, в миру – Добрыни Ядрейковича. Эти произведения древне-

русской литературы подарили и российским, и западным медиевистам новые подробности о Четвертом крестовом походе. А он был самым удивительным из всех крестовых походов: крестоносцы, давшие обет освободить Иерусалим, захваченный в 1187 году султаном Египта и Сирии Саладином, до Палестины вообще не дошли.

Окончание. Начало см.:
«Русский мир.ru» №4 и 5 2016 года.

Заказав венецианцам корабли, на которых рыцари собирались добраться до Святой земли, крестоносцы не смогли их оплатить полностью. И тогда у похода появился злой гений – 90-летний слепой дож Венеции Энрико Дандоло, предложивший дьявольский план: в качестве расплаты крестоносцы должны помочь покорить город Зара – один из стратегических пунктов для венецианских купцов в Адриатике. В 1202 году христианская Зара была разграблена. Папа римский Иннокентий III немедленно отлучил всех участников штурма от церкви, и крестоносцы, вспомнив об обете, решили-таки двинуться в Палестину. Вот тут-то в лагере и появились послы короля Германии Филиппа Швабского с предложением помочь вернуть византийский трон Исааку II Ангелу и его сыну Алексею. В 1195 году Исаака сверг его родной брат, Алексей, ослепивший императора и заточивший его вместе с сыном в тюрьму. Но царевичу Алексею удалось бежать к Филиппу Швабскому, женатому на его родной сестре, Ирине. Прибывший в Зару царевич обещал щедро наградить крестоносцев за помощь: подчинить греческую церковь Риму, выплатить 200 тысяч ма-

рок серебром, присоединиться к крестовому походу на Иерусалим с 10 тысячами солдат, а также ежегодно оплачивать содержание 500 рыцарей в Святой земле. И крестоносцы, превратившиеся в наемников, вновь согласились. И вот в июне 1203 года у стен Константинополя появилась крестоносная армада. Осада Царьграда продлилась недолго: 18 июля 1203 года император Алексей III под покровом ночи бежал из города. Имперские чиновники, обнаружившие, что василевс исчез, отправились в тюрьму к свергнутому Исааку II. Его снова возвели на престол, и он послал за царевичем Алексеем. Однако сначала к Исааку явились послы крестоносцев, изложившие ему обещания его сына. Услышав их, император потерял дар речи, но деваться было некуда: он дал слово выполнить условия сделки. Лишь после этого царевич смог встретиться с отцом. 1 августа Исаак II и его сын Алексей IV были провозглашены соправителями.

Крестоносцы расположились в пригородах Константинополя. Уходить они не собирались до тех пор, пока Ангелы с ними не расплатятся, а сумма в 200 тысяч марок по тем временам была невообразимо огромной. Ангелы смогли выплатить рыцарям лишь 86 тысяч, после чего начали насилино изымать золотую и серебряную церковную утварь и отправлять ее на переплавку. Обстановка накалялась, участились стычки между горожана-

ми и крестоносцами. А Исаак II и Алексей IV, будто подливая масла в огонь гнева, обязали состоятельных граждан вносить пощертования для погашения долга. 1 декабря 1203 года в Константинополе начался бунт. Одновременно лидеры Четвертого похода выдвинули Ангелам ultimatum: либо они выполняют условия договора, либо крестоносцы «сделают все возможное, чтобы получить причитающееся им». Это была открытая угроза. Послы покидали тронный зал императорского дворца под оскорбления вельмож. «Так началась война», – резюмирует в «Завоевании Константинополя»

Георгиевский собор Свято-Юрьева монастыря, в котором было найдено граффити о смерти Антония Новгородского

Свято-Юрьев мужской монастырь

участник событий, маршал Шампани Жоффруа де Виллардуэн. В январе 1204 года толпа горожан собралась у собора Святой Софии и потребовала избрания нового императора. Выбор пал на молодого аристократа Николая Каннавоса, который был объявлен василевсом против своей воли. Алексей IV вновь обратился за помощью к крестоносцам, прося изгнать Каннавоса. В обмен он предложил передать рыцарям Влахернский дворец – резиденцию византийских императоров! Этот шаг решил судьбу Ангела. Группу заговорщиков возглавил аристократ Алексей Дука по прозвищу Мурзул. В ночь с 27 на 28 января дворцовая стража арестовала Алексея IV в его же спальне и бросила в темницу. Там же оказался и Николай Каннавос.

Став императором Алексеем V, Мурзул потребовал от крестоносцев, чтобы они в течение недели убрались с земли ромеев. Крестоносцы же потребовали от Мурзуфла восстановить на престоле Алексея IV – а как бы иначе они получили обещанное? После чего оба томившихся в тюрьме императора – и Алексей Ангел, и Николай Каннавос – были убиты. Старый Исаак II скончался еще раньше.

Теперь столкновение было неизбежно. В марте 1204 года дож Дандоло и лидеры похода Бонифаций Монферратский, Балдуин Фландрский, Людовик де Блуа и Гуго де Сен-Поль предусмотрительно заключили соглашение о разделе будущих трофеев, договорились о выборе правителя и распределении земель и титулов.

Штурм Константинополя начался 9 апреля 1204 года. Город пал через четыре дня. Мурзул бежал из Царьграда. Горожане избрали императором опытного воина – Константина Ласкариса, но он стал третьим василевсом, сбежавшим из столицы за последние десять месяцев. И вот великий город оказался во власти крестоносцев: началось ужасное разграбление Константинополя.

«ТОТ, КТО ДОСЕЛЕ БЫЛ БЕДЕН, СТАЛ БОГАТ»

Впервые за восемьсот лет враги хозяйничали на улицах столицы. Масштабы бедствия представить трудно. Фантастические сокровища Большого императорского дворца были разграблены. Даже бронзовая кровля была сорвана с крыши, а мраморные плиты дворцовых полов выломлены. Знаменитая Боспорская цепь, закрывавшая проход из пролива Босфор в Мраморное море, была демонтирована и отправлена в палестинскую Акру. Латиняне разрушили и ободрали мрамор с Золотых ворот Константинополя – триумфальной арки, возведенной еще при Константине Великом. Большой ипподром был разграблен, украшавшие его великолепные бронзовые статуи пущены на переплавку. В печь отправились и другие шедевры – бронзовые скульптуры Афины Паллады и Геры на форуме Константина, статуи Париса Александра и Афродиты, статуя Фортуны на Золотых воротах, конная статуя Теодориха Великого... Не избежала печальной участи и статуя Капитолийской волчицы, хранившаяся как священный символ в Риме и перевезенная в IV или VI веке в Константинополь. Так что сегодня в Капитолийских музеях Рима мы видим лишь античную копию знаменитой скульптурной группы...

Крестоносцы грабили Царьград три дня. Как писал в «Завоевании Константинополя» Жоффруа де Виллардуэн, «с тех пор, как стоит мир, не было столько захвачено ни в одном городе. Тот, кто доселе был беден, стал богат». В столице царили огонь, хаос и смерть. Женщин насиловали, мужчин истребляли, кровь текла по улицам и площадям. «Распаленные боем меченосцы, жаждущие убийства, облаченные в броню и вооруженные копьями, лучники, кичливые всадники, что лают словно Цербер и дышат как Харон, грабили храмы, растаптывая святыни, круша утварь, сбрасывая на пол священные иконы Христа и Его Пресвятой Матери и всех

В Капитолийских музеях Рима сегодня можно увидеть лишь копию знаменитой Капитолийской волчицы. Оригинал был переплавлен крестоносцами в 1204 году на монеты

святых, от века ему богоугодивших», – сообщает очевидец событий, византийский историк и богослов Николай Месарит.

В монастыре Пантократора и в церкви Святых Апостолов не пощадили даже саркофаги византийских императоров: они были вскрыты и разграблены. Святая София лишилась своих золотых и серебряных украшений, икон и святых реликвий. Изумительный алтарь, сделанный из золота и серебра, был разбит и переплавлен. Из главного константинопольского храма были украдены даже огромные Царские двери, сделанные, по преданию, из древесины Ноева ковчега и окованые серебром. «...Ворвались фряги в Святую Софию, и ободрали двери, и разбили их, и амвон, весь окованный серебром, и 12 столпов серебряных, и 4 киотных; и тябло разрубили, и 12 крестов, находившихся над алтарем, а между ними – шишки, словно деревья, выше человеческого роста, и стену алтарную между столпами, и все это было серебряное. И ободрали дивный жертвенник, сорвали с него драгоценные камни и жемчуг, а сам неведомо куда дели. И похитили 40 сосудов больших, что стояли перед алтарем, и паникади-

ла, и светильники серебряные, <...> и бесценные праздничные сосуды», – сообщает автор «О взятии Царьграда от фряг».

Практически все церкви и монастыри города подверглись осквернению и разграблению. «А прочие церкви в городе и вне города и монастыри в городе и вне города все разграбили, и не можем ни их перечесть, ни рассказать о красоте их. Монахов и монахинь, и попов обокрали и некоторых из них поубивали, а оставшихся греков и варягов изгнали из города», – говорится в повести «О взятии Царьграда от фряг». Причем грабили церкви и монастыри не только рыцари и простые пехотинцы, но и священники, отправившиеся в Четвертый крестовый поход. Об этом рассказывает, к примеру, один из его участников – аббат эльзасского монастыря Мартин, со слов которого Гунтер Парисский записал «Историю завоевания Константинополя»... Захваченный Царьград стал столицей новой Латинской империи, созданной завоевателями. Правда, просуществовала она недолго – всего лишь до 1261 года, когда византийский император Михаил VIII Палеолог вернулся город ромеям. Кстати, судьбы лидеров Четвертого крестового похода по стран-

ному стечению обстоятельств сложились трагически. Первым главой Латинской империи крестоносцы избрали в 1204-м графа Балдуина Фландрского, но новый император вскоре попал в плен к болгарскому царю Калояну и умер в тюрьме в 1205 году. В том же году пали в бою Гуго де Сен-Поль и Людовик де Блуа. Бонифаций Монферратский погиб в битве с болгарами в 1207 году. Энрико Дандоло скончался в 1205 году в Константинополе и был похоронен в Святой Софии. Как только греки вернули себе Царьград, останки Дандоло были выброшены на съедение псам...

ПЛОДЫ ПОБЕДЫ

Когда сегодня туристы любуются собором Святого Марка в Венеции, немногие из них вспоминают о том, что большая часть прекрасных рельефов, украшающих стены церкви, была вывезена из Константинона после Четвертого крестового похода. Когда они застыгают в изумлении перед Пала д'Оро – чудесным золотым алтарным образом в соборе Святого Марка, – ведомо ли им, что эти две с лишним сотни чудесных миниатюр были украдены венецианцами из монастыря Пантократора в Царьграде? А велико-

Дворец дожей и собор Святого Марка в Венеции

лепная четверка бронзовых коней – «квадрига Святого Марка», украшающая вход в собор? И она была доставлена сюда после разграбления Константинополя. Так же как и красно-коричневые фигуры воинов, увенчанных диадемами, на южном фасаде собора. Это – знаменитые порфировые тетрапхи, некогда украшавшие колонну Константина Великого, установленную еще при его жизни. Они были сорваны венецианцами с памятника и увезены после взятия Царьграда...

Рассказывают ли гиды сегодня в Париже туристам, по какой причине была построена чудесная готическая часовня Сент-Шапель? Говорят ли о том, что при разграблении Константинополя крестоносцы присвоили все самые значимые христианские святыни, хранившиеся в храме Богородицы Фаросской? Именно здесь находились части Святого Креста, Терновый венец, Святое Копье, Святая Трость, один из Святых Гвоздей, Багряница и Погребальные пелены Спасителя (Туринская плащаница), Мандилион, Святое Чрево... В 1247 году император Латинской империи Балдуин II про-

Многое из того, что сегодня украшает собор Святого Марка, было похищено в Константинополе

дал французскому королю Людовику IX захваченные святыни. И вот для их хранения в самом сердце Парижа, на острове Сите, и была возведена Сент-Шапель. Но в 1793 году революционное правительство приказало изъять реликвии и часть из них передать для изучения в Парижскую Национальную библиотеку. Остальное было

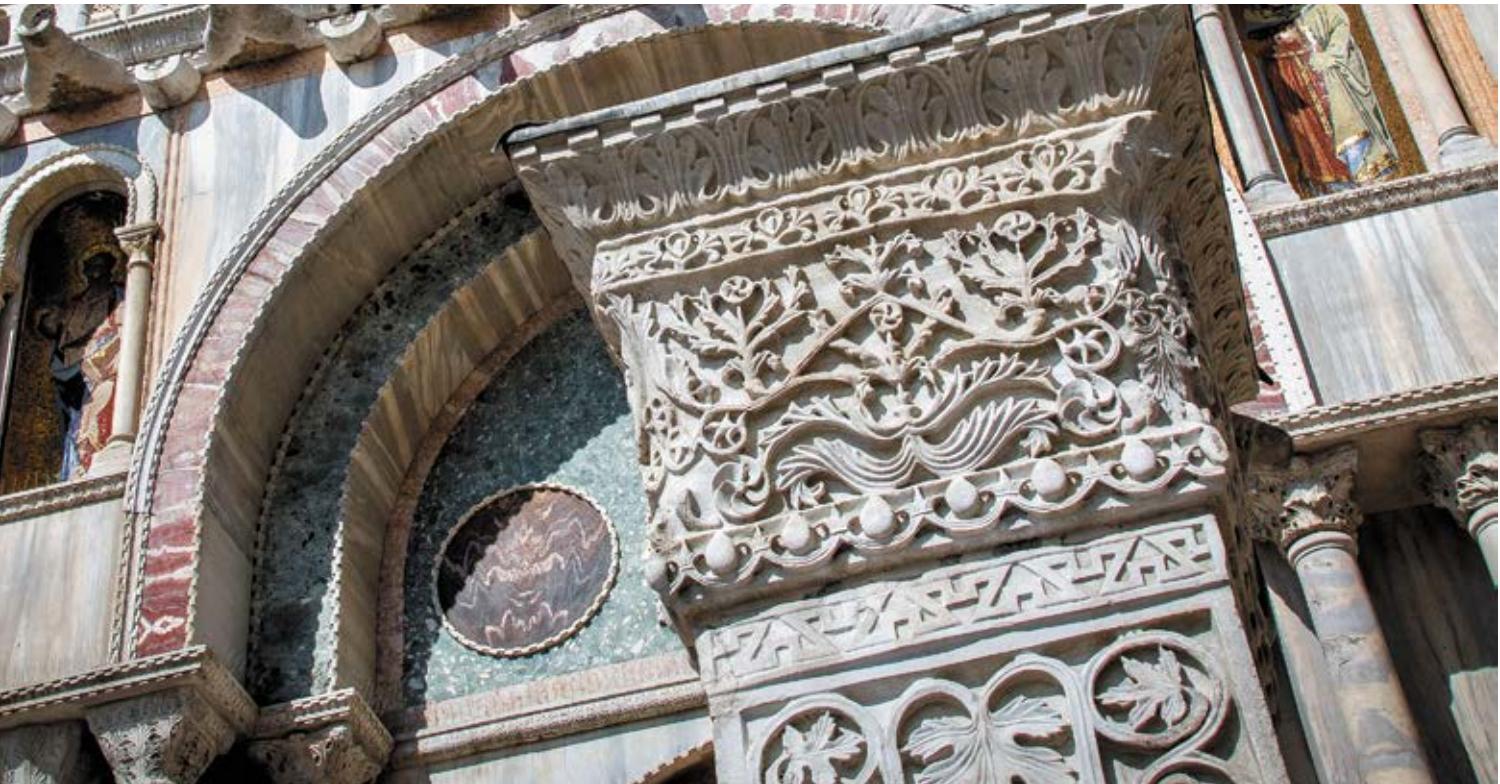
выброшено на помойку и бесследно исчезло... Только Терновый венец позже был передан в собор Парижской Богоматери, где и хранится по сей день... Паломники, стекающиеся в собор Амьенской Богоматери, дабы поклониться мощам святого Иоанна Предтечи, должны быть благодарны рыцар-

Терновый венец Иисуса Христа хранится сегодня в сокровищнице Нотр-Дам-де-Пари – в золотом реликварии в виде шара, поддерживающего ангелами (в центре)

рям Четвертого крестового похода. Это они ограбили легендарный Студийский монастырь Константиноополя, где хранилась часть главы Иоанна Крестителя... То же чувство признательности должны испытывать и те, кто раз в двенадцать лет отправляется в туринский собор Иоанна Крестителя, чтобы увидеть знаменитую Туринскую плащаницу. Она пропала в 1204 году после разграбления Константиноополя. Историки считают, что почти полтора века Плащаница хранилась у рыцарей ордена тамплиеров, поскольку в 1353 году граф Жофруа де Шарни, потомок приора тамплиеров Нормандии, сожженного вместе с магистром ордена Жаком де Моле, объявил о том, что владеет ею. В 1452 году внучка графа Жофруа – Маргарита де Шарни – продала Плащаницу герцогу Савойскому. С того времени она хранилась в соборе французского города Шамбери, а в 1578 году была перенесена в итальянский Турин... Часть бесценных реликвий пропала сразу после разгра-

Так называемое Копье Судьбы – «двойник», но не копия Святого Копья – хранится сегодня в императорской сокровищнице в Хоффбурге (Вена)

бления Константинополя и не найдена до сих пор. В их числе, например, Багряница Христова, Керамион и Линтеон (пояс Христа). А что же случилось с одной из главных святынь – Святым Копьем? Его следы теряются после разгро-

ма 1204 года и впервые появляются лишь в 1403 году. Посол кастильского короля Руи Гонсалес де Клавихо утверждал, что видел тогда Святое Копье в константинопольском храме Иоанна Предтечи: тонкий и острый железный

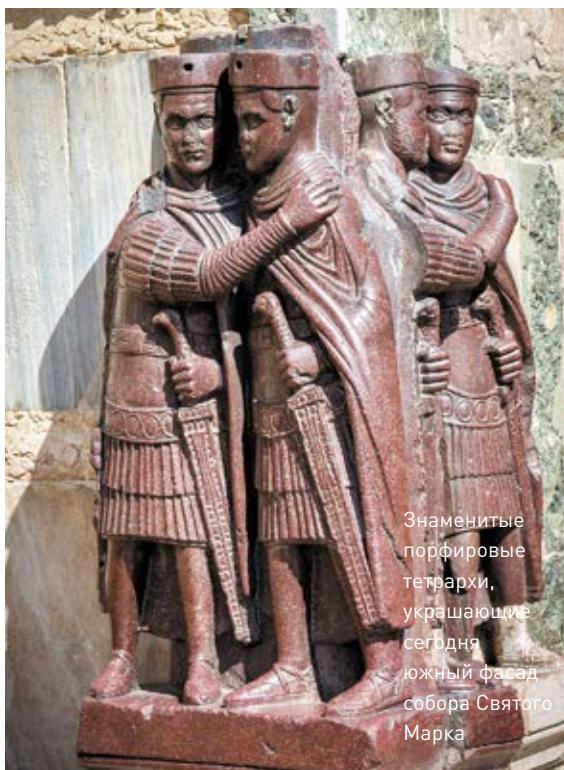
Роскошная колонна, украденная венецианцами из церкви Святого Павла в Константинополе

наконечник был прикреплен к покрытой золотом дощечке. На конце острия виднелись следы крови, которая казалась свежей... Если верить де Клавихо, то остается предположить, что Копье было спрятано или утеряно во время захвата Константинополя турками в 1453 году. А в императорской сокровищнице Хоффбурга в Вене находится всего лишь «двойник» Святого Копья с вставленными в него частичками одного из Гвоздей Креста Спасителя – то самое Копье Судьбы, за которым так рьяно охотился Гитлер...

Мощи святых, реликвии, несметные сокровища – все это в огромных количествах перекочевало из Константинополя в Европу после 1204 года. Составить хотя бы приблизительный перечень того, что было уничтожено, утеряно и вывезено из Цариграда – просто невозможно. «Книга Паломника» Антония Новгородского дает лишь относительное представление о том, что досталось крестоносцам, но и этого довольно для того, чтобы поразиться масштабам грабежа...

Погребальные пелены Спасителя (Туринская плащаница, фрагмент), хранившиеся в церкви Богородицы Фаросской

Знаменитые порфиревые тетрапхи, украшающие сегодня южный фасад собора Святого Марка

ИЗ ЦАРЬГРАДА В НОВГОРОД

Подробно рассказав о виденном в Константинополе, Добрыня Ядрейкович, по традиции древнерусских писателей, ничего не говорит о себе. Так что его судьбу можно восстановить лишь фрагментарно.

Неизвестно, в каком точно году Добрыня вернулся в Новгород. Ясно лишь, что после возвращения он принял постриг в Хутынском монастыре. И здесь начинаются загадки.

Первая Новгородская летопись под 1211 годом сообщает, что «пришел, прежде изгнания Митрофания, архиепископа, Добрыня Ядрейкович из Царьграда и привез с собою Гроб Господен, а сам пострижеся на Хутине у Святого Спаса; и волею Божиего возлюби и князь Мстислав и все новгородцы, и послаша и в Русь ставится; и приде поставлен архиепископ Антоний». Понятно, что вряд ли все перечисленные в этой записи события случились в один год. Тем более что проложное житие святителя Антония (а наш герой был канонизирован в 1439 году в лице святителей. – Прим. авт.) уточняет, что после пострига Добрыни не кто иной, как сам преподобный Варлаам Хутынский – основатель и настоятель Хутынского монастыря – передал ему игуменство. Заметим, что преподоб-

ный – один из самых почитаемых на Руси святых: неслучайно на иконе, висящей над главными воротами Спасской башни Московского Кремля к ногам Спасителя припадают лишь Сергий Радонежский и Варлаам Хутынский. Но дело в том, что Варлаам Хутынский скончался в 1192 году, с чем согласно и Житию святого, так что не очень понятно, как он мог передать еще не принявшему постриг Добрыне игуменство? В Житии Варлаама Хутынского о смерти его сообщается следующее: «В последней беседе своей он с отеческой любовью убеждал их (ионоков) не ослабевать в подвигах поста и молитвы, оберегать душу свою от всяких дурных помыслов, но жить так, чтобы каждый день быть готовыми к смерти. «Всерью вас, прежде всего, в руки Божии, – сказал он братии, – блестителем же душ и телес ваших оставляю игумена Антония, который сейчас находится в Иерусалиме». По дару прозорливости Преподобный увидел приближающегося к обители Антония. Преподобный Варлаам с благословением вручил ему свое стадо и мирно скончался в 6-й день ноября 1192 года». Правда, во второй и третьей Новгородских летописях утверждается, что Варлаам Хутынский родился в 1156 году и прожил 86 лет,

и в таком случае он никак не мог скончаться в 1192 году...

Большинство исследователей склоняются к тому, что архиепископом Новгорода Антоний стал в промежутке между 1210 и 1212 годами. Предыдущий глава новгородской кафедры, Митрофан, был изгнан горожанами и отправлен на поселение в Торопец. Почему новгородцы так ополчились на своего владыку – до подлинно неизвестно. То ли его подозревали в поддержке посадника Дмитрия Мирошкинича, расправу над семьей которого новгородцы учинили в 1207 году. То ли архиепископа винили в страшном пожаре, опустошившем Новгород в 1211 году. Как бы то ни было, но архиепископу даже не дали оправдаться, решение веча поддержал и княживший тогда в Новгороде Мстислав Мстиславич Удатный, позже ставший князем Галицким. В итоге новым владыкой был избран Антоний. Его отправили в Киев, где митрополит Матфей без возражений (хотя Митрофан был низложен незаконно. – Прим. авт.) рукоположил его в епископы.

Владыка Антоний возглавлял новгородскую кафедру до 1218 года – до того момента, когда поддерживавший его князь Мстислав Мстиславич окончательно покинул Новгород и отправился в Галич. После чего не в меру

Варлаамо-Хутынский монастырь. Именно здесь принял постриг Добрыня Ядрейкович, став игуменом Антонием

разошедшиеся новгородцы сменили одного князя за другим. Дошла очередь и до архиепископа. И вновь нам точно неизвестно, за что вече ополчилось на владыку, и уж совсем непонятно, почему решило призвать... изгнанного ранее архиепископа Митрофана! Причем решение это было принято в тот момент, когда Антоний отправился в поездку по епархии. Известие о том, что он смешен с кафедры, а владыкой вновь стал Митрофан, застало Антония в Торжке. Но он все же вернулся в Новгород и поселился в Спасо-Нередицком монастыре. Поняв, что ситуация зашла в тупик и в Новгороде не могут быть одновременно два архиепископа, вече и князь отправили обоих судиться в Киев – к митрополиту Матфею. Тот решил вернуть новгородскую

кафедру Митрофану, а Антония отправил епископом в только что созданную Перемышльскую епархию. Спустя три года Митрофан скончался, но новгородцы, вместо того чтобы призвать Антония, решили возвести на владычную кафедру инока Хутынского монастыря Арсения. Митрополит Киевский его не рукополагал, так что новгородской епархией правил чернец. Что уж творилось в головах у новгородцев – неведомо, поскольку, когда в 1226 году Антоний вернулся домой после захвата Перемышля венграми, его встретили с распостертыми обятиями и возвели на кафедру. Но в 1228 году Антоний сам отказался от поста и удалился в Хутынский монастырь. Неудавшийся владыка Арсений воспользовался этим, вернулся

в Новгород и занял палаты архиепископа. Народ возмутился: Арсения выволокли на площадь и избили, спастись от гнева новгородцев ему удалось, лишь спрятавшись в Святой Софии. Со всеми этими событиями горожане связали погибший из-за непогоды урожай и бросились умолять Антония вернуться на кафедру. Так Антоний в третий раз вернулся на новгородскую кафедру и «сидел два лета». В марте 1229 года Антоний заболел и онемел, так что новгородцы решили приставить к нему двух знатных бояр в качестве помощников – Якуна Моисеевича и Никифора Щитника. Но вскоре стало ясно, что Новгороду нужен новый архиепископ. В 1229 году владыкой был избран Спиридон, а Антония отпустили на покой в Хутынский монастырь. Здесь он и скончался в октябре 1232 года и был похоронен в Мартириевской паперти Софийского собора...

ПОСЛЕДНЯЯ ЗАГАДКА АНТОНИЯ НОВГОРОДСКОГО

Сегодня в Софийском соборе Новгорода хранится большой воздвигнутый крест с частицей Животворящего Древа Креста Господня, привезенной Добриной из Константинополя. На кресте том надпись: «Господи, помози рабу своему Антону архиепископу Новгородскому, давшему крест Святой Софии». Помимо частицы Животворящего Древа Антоний привез из своего паломничества ризы Феодора Стратилата, мощи Власия Севастийского, часть камня от гроба Иоанна Богослова, мощи великомученицы Варвары. А также, как утверждает первая Новгородская летопись, «Гроб Господен». Историки до сих пор спорят, о чем идет речь в этой записи: имелась ли в виду так называемая мера Гроба Господня (мерная лента, соответствующая размерам реального Гроба Господня. – Прим. авт.) или подразумевалась часть настоящей погребальной плиты Гроба Господня? Серьезные аргументы имеются у каждой из спорящих сторон, но загадка пока так и остается загадкой...

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРОРЫВ И ТУПИК

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

В НОЧЬ С 3 НА 4 ИЮНЯ 1916 ГОДА НА ВОЛЫНИ, В ГАЛИЦИИ И НА БУКОВИНЕ НАЧАЛОСЬ НАСТУПЛЕНИЕ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА РУССКОЙ АРМИИ. ГРЯНУЛО МНОГОМЕСЯЧНОЕ СРАЖЕНИЕ С ГЕРМАНСКИМИ И АВСТРО-ВЕНГЕРСКИМИ ВОЙСКАМИ, ИЗВЕСТНОЕ ПЕРВОНАЧАЛЬНО КАК 4-Я ГАЛИЦИЙСКАЯ БИТВА И ЛУЦКИЙ ПРОРЫВ. ПОЗДНЕЕ И НЫНЕ – КАК ПРОРЫВ БРУСИЛОВСКИЙ.

Э

ТО НЕ ИГРА СЛОВ.

Это борьба смыслов.

14 ноября 2007 года

в Петербурге на перекрестке Шпалерной и Таврической улиц был торжественно открыт «полупамятник» генералу от кавалерии Алексею Брусилову. Это вовсе не ёрничество и не оговорка. Один из создателей скульптуры, архитектор

Станислав Одновалов, на церемонии так и сказал представителю Санкт-Петербургского церковного вестника «Вода живая»: «Этот памятник необычный, не бюст и не скульптура в полный рост, а полуфигура». Сознательно или нет, но мастер вместе с соавтором, скульптором Яном Нейманом, попали в точку. Хотя, думается, все-таки по

творческому наитию. Потому как затем господин Одновалов уверенно заявил: «Здесь мне хотелось показать тяжелое, несчастное время – 14 миллионов наших людей полегло...»

По общепринятым данным, суммарные потери Русской армии в Первой мировой войне – безвозвратные боевые и небоевые – составили 2,254 миллиона. Многие исследователи склонны эту цифру уменьшить. И не без оснований. Безвозвратные потери мирного населения подсчитать невозможно. И не только в России, но и в других странах – участницах Первой мировой. Во времена войны шло масштабное переселение людей, рухнула рождаемость, после – менялись границы государств. Можно лишь говорить о такой категории, как «убыль населения». В России к 1918 году она составила, по некоторым данным, 5 миллионов человек, включая погибших и умерших солдат.

Уже ясно, что одно из крупнейших сражений Первой мировой войны с участием русской военной силы все еще не за-

Взятие Галича русскими войсками под командой генерал-лейтенанта А.А. Брусилова, награжденного за это дело Георгием 4-й степени. Хромолитография

кончено. Идут непрекращающиеся, но уже бескровные, бои между военными специалистами, историками, «диванными» стратегами, идеологами и прочими неравнодушными. Кто-то бьется в них за победу, кто-то – за правду. Точно так же не утихают жаркие баталии и вокруг самого полководца: его человеческих качеств, политических убеждений и – главное – профессиональных достижений. На той же самой церемонии открытия памятника в то время председатель комитета по культуре администрации Санкт-Петербурга, а ныне директор ГМП «Исаакиевский собор» Николай Буров подвел такой итог: «Брусиловский прорыв, благодаря которому известен генерал Брусилов, был гениальным, но его бездарно загубили политики той эпохи. Брусилов, на мой взгляд, великий русский человек». По поводу последнего тезиса спорить бессмысленно: действительно – великий. Акакиев Башмачкиных командовать фронтом, насчитывающим сотни тысяч людей, не назначают. Несколько важнейших открытий военного свойства, о которых речь пойдет ниже, Брусилов совершил. И реализовал. Но вот по поводу виновников «загубленного прорыва» можно и нужно спорить. Его погубили не столько политики,

сколько генералы. В том числе и сам Алексей Алексеевич.

Спор по поводу наступления Юго-Западного фронта (ЮЗФ) летом–осенью 1916-го можно затеять содергательный, а можно и, что называется, на ровном месте. Например, по поводу даты. Сам Брусилов в книге «Воспоминания» пишет, что артподготовка началась в 3 часа ночи 4 июня (нового стиля). Ему вторят историк-эмигрант Антон Керновский и участник событий полковник Генерального штаба Евгений Месснер. Один из первых советских исследователей Первой мировой, генерал от инфантерии Андрей Зайончковский, считал, что артподготовка началась 3 июня. А ведь Андрей Медардович – также участник «Прорыва», командовал 30-м армейским корпусом 8-й армии ЮЗФ. Туманнее остальных писал генерал-лейтенант Николай Головин: «4 июня 4 армии Юго-Западного фронта начали свои атаки». Артподготовку в штабе фронта придумали для каждой из четырех армий особенную. На одних участках она длилась всего 6 часов, на других – аж 45. В полосе наступления 8-й армии генерала от кавалерии Алексея Каледина – 29. Дальше любители арифметики сами могут начать счет и убедиться в результате, что все четыре армии начать наступление в один день попросту не могли.

СНАЧАЛА – ПЛАН!

На совещании в Шантанье в марте 1916-го союзники по Антанте договорились ударить вместе: французы с англичанами на Западном фронте, русские – на Восточном. По мелочам «западники» в который раз постарались объегорить Николая II и его Ставку. Русская армия, согласно договоренности, должна была начать наступление 15 июня, а ее коллеги – двумя неделями позже. Смысла? Надо было посмотреть, что там получится у русских. Начнут давить – так и мы подключимся. Нарвутся на крупные неприятности – отсидимся в обороне. Объяснения такому поведению подкинули немцы, начавшие наступление под Верденом 21 февраля. Переговоры в Шантанье шли, когда германская машина, основательно буксая, все-таки сумела въехать в главные форты Верденской линии обороны французов. Союзники, безусловно, были осведомлены, что вопреки общим ожиданиям Русская армия сумела восстановиться после «Великого отступления» 1915 года и, перезимовав, была готова нанести немцам и австрийцам серьезный, если не решающий удар.

Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал А.А. Брусилов и командующий 8-й армией генерал А.М. Каледин опрашивают нижних чинов в период боев на реке Стырь. Август 1916 года

Странно, что весьма толковая разведка германского, а стало быть, и австро-венгерского Генерального штаба пришла к ровно противоположному выводу. Там были всерьез уверены, что после драмы 1915 Российская армия к энергичным действиям не способна. Общую точку зрения стратегов Тройственного союза высказал немецкий генерал-майор фон Штольцман, командавший германской армейской группой, противостоящей русскому ЮЗФ вместе с австрийцами: «Возможность успеха русских исключена!» Причем эти слова относились не только к перспективе наступления нашей армии на юго-западе, но и к шансам на всех участках 1200-километрового фронта. В некоторой степени эта уверенность толкнула немцев на кровавую авантюру под Верденом, а с австрийцами сыграла куда более злую шутку. Убежден-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ная в том, что русские армии в наступление не пойдут, Вена решила покончить с деморализованными постоянными неудачами в бесчисленных битвах на пограничной реке Изонцо итальянцами. На основании той же убежденности германцы решили в 1916 году разобраться на Западном фронте, а уж вялых русских оставить на десерт.

Размышляя о Первой мировой войне, мы в основном смотрим на те успехи и ошибки, что совершила наша сторона. Но помимо правильных решений принимали ошибочные, а то и откровенно бесполковые решения и наши противники. Объяснять итоговое поражение Центрального союза только материальным преимуществом стран Антанты и преимуществом в живой силе было бы крайне наивно. 15 мая 1916 года австрийцы начали активную наступательную операцию в Доломитовых Альпах на провинцию Трентино с целью прорваться в северо-восточные долины Италии – к Венеции, Вероне и Милану. В случае успеха они полагали, что Итальянское королевство выпадет из войны и два десятка освободившихся дивизий можно будет перебросить на Восточный фронт против русских. Но что еще важнее – поднимется боевой дух австро-венгерской армии, который по многим причинам к середине 1916 года оставлял желать лучшего. Опосредованно победа решила бы и проблему вступления в войну колебавшихся Румынии и Греции на стороне Четверного союза. Но для успеха наступления в Южном Тироле требовались дополнительные силы. И Австро-Венгрия сняла с русского фронта самые боеспособные соединения. Это произвело на простых солдат и строевых офицеров неизгладимое впечатление. И так преисполненные страха перед «русским медведем», они почувствовали себя будущими жертвами. Что уж говорить о прибывших на смену новобранцах!

Но неординарные вещи происходили параллельно и в русской Ставке. В марте начальник штаба

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Заседание
Ставки
Верховного
главнокоманду-
ющеого. Могилев.
14 апреля
1916 года

Артиллеристы
возле орудия
в годы Первой
мировой
войны

Главковерха, генерал от инфантерии Михаил Алексеев, доносил государю, что «совокупность действий войск при современных условиях, как показывает опыт на французском и наших фронтах, указывает, что едва ли можно рассчитывать на выполнение в один прием глубокого проникновения в расположение противника, хотя за ударными корпусами была бы поставлена вторая линия корпусов». В апреле командующие Северо-Западным и Западным фронтами, генералы Алексей Куропаткин и Алексей Эверт, высказались против масштабного наступления, призывая к пассивной обороне. Их позиция не понравилась императору, остававшемуся верным курсу на сохранение политических обязательств перед союзниками, и Алексееву, в то время еще остававшемуся вер-

ным курсу государя. Поэтому-то начальник штаба начал совещание с того, что сказал: «Западный фронт, которому будет передан общий резерв и тяжелая артиллерия, находящиеся в распоряжении Ставки, начнет свой главный удар в направлении на Вильно. Северо-Западный фронт начнет наступление с северо-востока также на Вильно, помогая Западному фронту. Он также получит часть тяжелой артиллерии и часть резерва. Юго-Западный фронт должен держаться сначала оборонительно, и перейдет в наступление лишь тогда, когда обозначится успех двух первых фронтов...» Остро требовался человек с альтернативным предложением. Им и стал Брусилов. Так как стратегический план предполагал, что главный удар будет нанесен по немецким группировкам севернее белорусского Полесья и в Прибалтике с целью выхода к германской границе, главком ЮЗФ выступил с таким предложением: «Я твердо убежден, что мы можем наступать... Я считаю, что недостаток, которым мы страдали до сих пор, заключается в том, что мы не наваливаемся на врага сразу всеми фронтами, дабы прекратить возможность пользоваться выгодами действий по внутренним операционным линиям. И поэтому, будучи значительно слабее нас количеством войск, он,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

фронт должен был начать наступление первым. Западный фронт собирался подключиться только через неделю. В случае быстрого прорыва обороны противника – а Брусилов на это рассчитывал – атакующим войскам неизбежно потребуются серьезные резервы. Восполнить потери, сменить уставшие части, усилить натиск... Невольно закрадывается мысль, что командующий был согласен идти в наступление на любых условиях. Лишь бы – идти! Для эскадронного командира весьма похвально, но командующий фронтом – это уже другой уровень ответственности.

Несмотря на уступчивость Брусилова в вопросе о резерве, Ставка от собственной же позиции отказалась и перевела на ЮЗФ в апреле–мае пехотную, две стрелковые и две конные дивизии. Этим и объясняются разнотечения в источниках, комментирующих численность войск ЮЗФ. По данным исследователя Сергея Нелиповича, к моменту наступления Брусилов располагал уже силой в 603 184 штыка и 62 836 шашек. В резерве находились 223 тысячи человек обученного запаса и 115 тысяч безоружных бойцов. Дефицит винтовок все еще скрывался. В войсках находилось 2480 пулеметов, 2017 орудий полевой и тяжелой артиллерии, 2 бронепоезда, бронеавтомобили, 20 авиационных отрядов и 2 бомбардировщика «Илья Муромец». Суммарная численность четырех австрийских и одной немецкой армии, противостоявших Брусилову, – 592 330 в пехоте и 29 764 в кавалерии, 757 минометов, 107 огнеметов, 2731 орудие полевой и тяжелой артиллерии, 8 бронепоездов, 11 авиационных дивизионов и рот. Как видно, тоже без дела не сидели. В мае 1916 года противник не мог не заметить, что русские затеваю что-то серьезное. Вот только не могли понять, где именно.

Одна из шаблонных версий – наступление было назначено Ставкой почти на месяц раньше, чем запланировали в Шантийи, только потому, что австрийцы

пользуясь своей развитой сетью железных дорог, перебрасывает свои войска в то или иное место по желанию. В результате всегда оказывается, что на участке, который атакуется, он в назначенное время всегда сильнее нас и в техническом, и в количественном отношениях. Поэтому я настоятельно прошу разрешения и моим фронтам наступательно действовать одновременно с моими соседями; если бы, паче чаяния, я даже и не имел успеха, то, по меньшей мере, не только задержал бы войска противника, но и привлек бы часть его резервов на себя и этим могущественным образом облегчил бы задачу Эверта и Куропаткина».

О Брусилове знающие его люди говорили разное. Но что касается таких качеств, как энергичность, убежденность, напористость и упрямство, все во мнении были едины. Да, он был именно таким. Но только ли одним характером была обусловлена активность Брусилова 14 апреля в Ставке? Ведь плох тот командующий, что собирается атаковать полумиллионным фронтом в расчете только на внезапность, доблесть войск и русский авось. На самом деле идея плана появилась в штабе 8-й армии ЮЗФ еще в ноябре 1915 года благодаря подполковнику Петру Махрову. Это он разработал план удара на Луцк.

Идея Ставкой была отвергнута, но сами бумаги и карты, строго по Воланду, не сгорели. Именно эти наработки использовал Брусилов в апреле–мае при подготовке к наступлению. В той с позволения сказать дискуссии победил Брусилов. Спустя 10 дней на свет появилась директива Ставки, предписывающая наступление всем трем фронтам. Главный удар должен был нанести Западный фронт, вспомогательные – Северо-Западный и Юго-Западный. Аргументировалось это в первую очередь тем, что севернее Полесья преимущество Русской армии в живой силе было два к одному. Против 600 тысяч немцев (данные начальника Генерального штаба Второго рейха Эриха фон Фалькенхайна) могли пойти в бой 1220 тысяч русских. На юге превосходство было условным: 512 тысяч Брусилова против 441 тысячи австрийцев и германцев. К тому же противник имел громадное превосходство в тяжелой артиллерии.

Итак, Алексей Алексеевич настал на своем видении плана кампании. В свою очередь, Ставка, согласившись с участием ЮЗФ в наступлении, оговорила, что дополнительных резервов фронт не получит. И Брусилов согласился. Тут-то и возникает первый серьезный вопрос к главкому. Согласно плану, его

крушили итальянцев в Южном Тироле со страшной силой, и из Рима пришла слезная просьба короля Виктора-Эммануила III сделать хоть что-нибудь. Николай II, само собой, обнадежил коллегу. Но первопричина переноса сроков была в том, что сильно потрескивали кости французов в «Верденской мясорубке». Случись что с войсками славного генерала Жозефа Жоффра, и немцы быстренько перевезут «мясорубку» на восток. Сыграли роль и разведданные, показавшие, что австрийцы качественно ослабили свои силы в Галиции, отправив отборные дивизии добивать итальянского генерала Луиджи Кадорна.

В мае планы наступления пересмотрели еще раз. Недостаток снарядов подвиг к тому, чтобы Северо-Западный фронт генерала Куропаткина ограничился демонстрациями под Ригой и надежно оберегал правый фланг соседнего, Западного фронта. Тогда же возник конфликт между Алексеевым и Брусиловым. Начальник штаба Главковерха настаивал на том, чтобы ЮЗФ атаковал академически. То есть надо было выбрать направление главного удара, собрать там мощный кулак – и рвать оборону противника, выходя ему во фланги и тыл. Брусилов же собирался ударить четырьмя армиями одновременно: 8-й – на Луцк, 11-й – на Броды и Львов, 7-й – на Галич и Станислав (ныне – Ивано-Франковск), 9-й – на Черновцы. Прорывать фронт Брусилов собирался на 20 участках. И это – новаторство. О том, что самым предпочтительным направлением было Луцк – Ковель – Брест, помимо Алексея Алексеевича знали считаные единицы. Рассказывали, что эту информацию Брусилов отказался открыть самой императрице, когда она неосторожно поинтересовалась военными секретами. План наступления выглядел рискованным, но оригинальным. Однако он оставался планом прорыва. А вовсе не фронтовой операции стратегического значения. И тут уместно задать второй вопрос: что собирался Бру-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Начальник штаба
Верховного
главнокоманду-
ющего генерал
М.В. Алексеев
(в центре)
и командующий
Юго-Западным
фронтом генерал
А.А. Брусилов
(справа).
1917 год

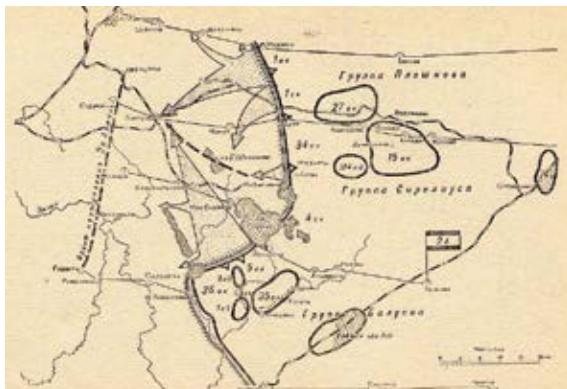
силов делать дальше, после того как фронт будет прорван? Где предполагалось остановиться для перегруппировки сил? Какие рубежи надо было взять к исходу кампании-1916? Будапешт? Вену? Краков? Варшаву? Похоже, Брусилова такой постановкой вопроса никто из вышестоящих не озадачивал. Да и он сам не слишком озадачивался. Равно как и его северный сосед – главком ЗФ Эверт. Не говоря уже о заевшем в Пскове Куропаткине. Хорошей тому иллюстрацией – слова генерала Алексеева, обозначавшие стратегический замысел Ставки и фронтов: «Суть в том, чтобы при последовательных, подготовленных атаках выполнить прорыв, нанести противнику потери и разбить основательно часть его войск». Ну, и каковы же критерии успеха или неуспеха операции? «Основательная часть» – это сколько? Отсутствие стратегической конкретики и привело впоследствии к полярным оценкам того, что принято называть Брусиловским прорывом. Оценкам сугубо pragmatическим, военным, не пропитанным идеологией «белых», не простивших Брусилову службу в РККА, и идеологией «красных», поднявших генерала на щит по той же причине.

НА КРЫЛЬЯХ УСПЕХА

В заслугу Брусилову, начальнику штаба фронта Владиславу Клембовскому, командующим армиями надо поставить то, как здорово войска были подготовлены к наступлению. Прорыв, вернее, прорывы готовили полтора месяца. По ночам на передовой рыли новые траншеи, что позволило приблизиться к первой оборонительной линии врага на 100–200 метров. В тылах шли ежедневные тренировки пехоты. Артиллеристы аккуратно пристреливались одиночными выстрелами, чтобы противник чего не заподозрил. Инженерные части обеспечили командование наблюдательными пунктами, а пушкарей – скрытыми огневыми позициями. Хорошо поставленная разведка позволила обеспечить офицеров подробными картами и планами участков атаки. Все эти меры обеспечили успех на первом этапе наступления. Кроме того, была освоена новая тактика атаки – «перекатами». Доселе все шли в атаки на укрепленные позиции плотным строем, отчего несли большие потери и теряли темп при взятии чужих линий обороны. Брусилов решил действовать по-другому. Сначала на линию

обороны обрушивался короткий по времени, но мощный по силе «огненный вал». Артиллерия била не по квадратам, а по пристрелянным заранее батарейным позициям, пулеметным гнездам, командным пунктам, блиндажам, чем подавляла ответный огонь. Затем в атаку шли четыре волны пехоты, каждая в 150–200 метрах от другой. Так как атака начиналась с близкого расстояния, то за 20–30 секунд передовые волны накатывались на ошарашенные огнем пушек первые линии траншей. Третья и четвертая волны, не задерживаясь, катились к следующему рубежу обороны. Линейным пехотинцам помогали ударные группы «гренадер», шедшие первыми и забрасывавшие блиндажи и окопы гранатами. Позади волны работали команды «чистильщиков», добивавшие или бравшие в плен оставшихся в живых врагов. Эта метода, внедренная Брусиловым, использовалась на европейском театре военных действий в 1917–1918 годах и даже во время Второй мировой войны.

Успех пришел быстро. Описывать в деталях, в какой день, на каком участке фронта, какая часть, на какое количество километров продвинулась, не стоит. Есть довольно много специальной литературы, где все изложено подробно. Час за часом. Верста за верстой. В общих чертах результаты удара четырех армий таковы. Уже 7 июня войска 8-й армии взяли Луцк. Фактически без боя. После того как линии обороны австрийцев были взломаны по фронту шириной в 70–80 километров, противник побежал в тыл всей массой. По свидетельству генерал-квартирмейстера штаба армии генерал-майора Николая Стогова, «толпа безоружных австрийцев различных частей бежала в панике через Луцк, бросая все на своем пути». Соседняя, 11-я армия, располагая ограниченными возможностями, сумела прорвать фронт только на одном участке и немного вклинившись в австро-германскую оборо-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ну. Парадокс в том, что армия генерала Сахарова шла в наступление, имея на 2,5 дивизии меньше, чем оборонявшийся противник. Куда удачливее оказались южные 7-я и 9-я армии. Командарм-7 Щербачев атаковал лихо. Чтобы прорвать оборону, он на участке в 7 верст шириной сосредоточил 48 тысяч человек при плотности огня на километр фронта – 21 ствол. Результат был достигнут к исходу 7 июня. Командарм-9 Лечицкий рвался к Черновцам, которые он и взял 18 июня, после чего встал у румынской границы. Только за первые 10 суток прорыва его армия взяла в плен 38 тысяч австрийцев. Начиная с 10 июня дивизии ста-

План
Брусиловского
наступления

Алексей
Алексеевич
Брусилов
(1853–1926)

ли выдыхаться. А 15-го числа на Ковельском направлении, куда пыталась наступать порядком уставшая 8-я армия Каледина, появились отборные германские части.

Через четыре дня после начала прорыва в Берлине состоялось совещание военачальников, на котором было принято решение срочно сформировать ударную группировку под Ковелем. Этот крупный железнодорожный узел отдавать русским было нельзя, да и вообще – пора переходить в контрнаступление. Только с французского фронта на восток были оперативно переброшены 24 дивизии. Вене приказали вернуть с итальянского фронта лучшие полки. Вследствие чего, кстати, 16 июня прекратилось наступление в Трентино. И Фалькенхайн, и фельдмаршал Гинденбург, командовавший германскими войсками на Восточном фронте, наконец осознали, что их линию обороны на востоке накрыл не вспомогательный удар, воспринимавшийся ими как широкая разведка боем, а нечто большее. Ну а что Брусилов? Ошеломившие врага успехи стоили его армиям немало крови. За первую неделю наступления потери приблизились к цифре в 100 тысяч. В 8-й армии, в три дня осуществившей собственно Луцкий прорыв, убыло из строя 33 500 человек. Алексей Алексеевич и рад был бы продолжать, но силы кончились, а резервов – тех самых резервов! – не оказалось. К тому же странную игру затеяла Ставка на пару с генералом Эвертом. Немцам куда труднее бы пришлось, начини наш могучий Западный фронт наступление в означенные сроки – 10–11 июня. Но Эверт тянул, Ставка не настаивала. Перенесли на 17-е, затем еще. В конце концов ЗФ зашевелился в районе Барановичей, но случилось сие только 2 июля, когда превратить «Прорыв» в стратегический успех стало уже крайне затруднительно. ●

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Окончание следует.

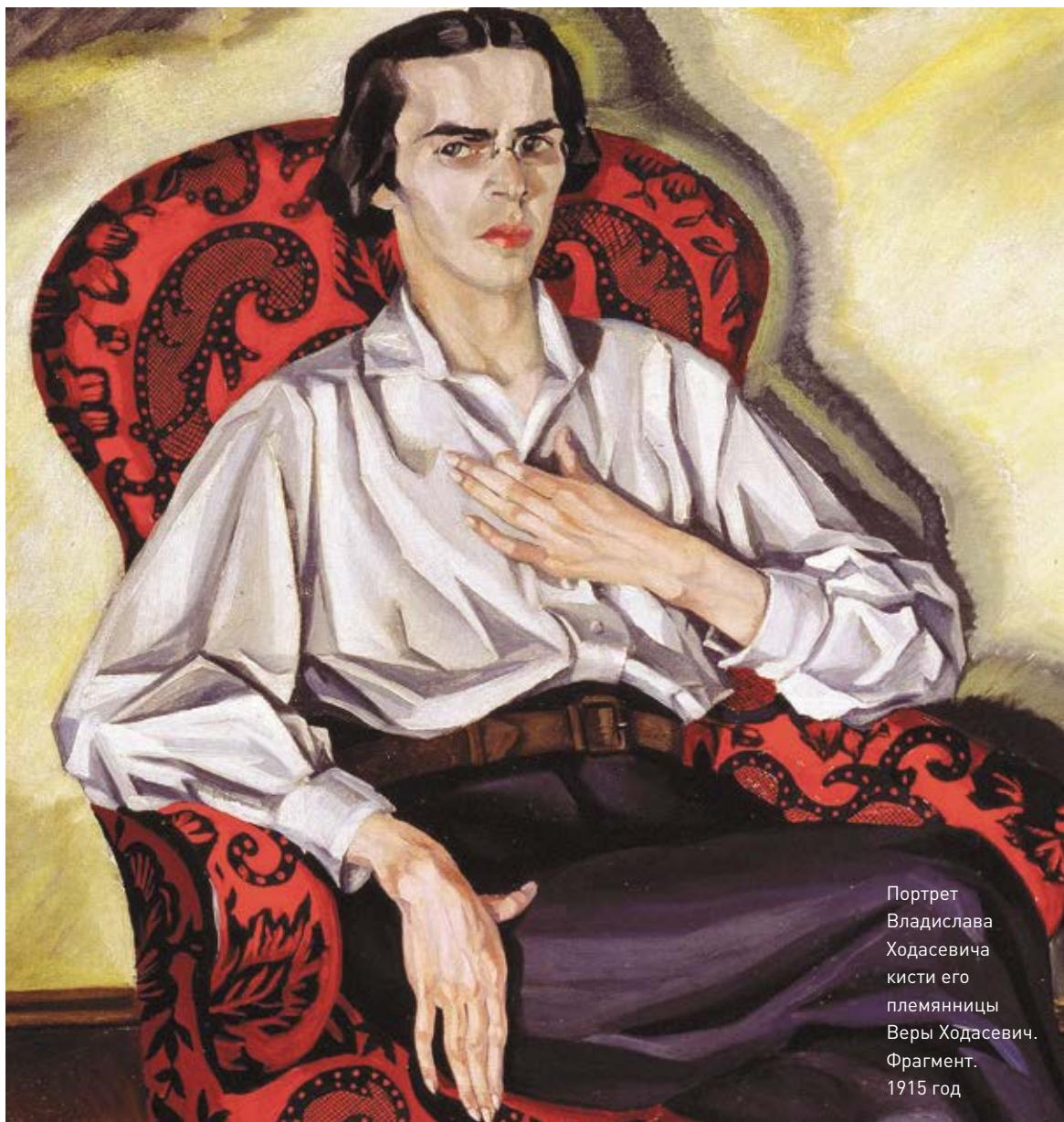
«ВСЕЗНАЮЩИЙ ЗМЕЙ»

АВТОР
ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

ОДНИ ИСКРЕННЕ СЧИТАЮТ ХОДАСЕВИЧА ГЕНИЕМ, ДРУГИЕ, ТАК ЖЕ ИСКРЕННЕ, – ПОЭТОМ ВТОРОГО РЯДА. НО ЗАМЕРЯТЬ ГЕНИАЛЬНОСТЬ И ВПИСЫВАТЬ ЕГО В РЯДЫ – БЕССМЫСЛЕННОЕ ЗАНЯТИЕ: ОН ВСЕГДА СТОИТ В СТОРОНЕ, БЛЕСТЯ ОЧКАМИ, СО ВЗГЛЯДОМ ВНИМАТЕЛЬНЫМ И БЕСПОЩАДНЫМ, И, КАЖЕТСЯ, НАБЛЮДАЕТ ЗА СВОИМИ ЧИТАТЕЛЯМИ И ИНТЕРПРЕТАТОРАМИ ТАК ЖЕ СКЕПТИЧЕСКИ, КАК И ЗА СВОИМИ СОВРЕМЕННИКАМИ И ЗА САМИМ СОБОЙ.

Ф

ЕЛИЦИАН ХОДАСЕВИЧ, отец поэта, происходил из древнего литовского дворянского рода Масла-Ходасевичей, но сам дворянином не был и земель не имел. Мать, Софья Брафман, дочь Якова Брафмана, крещенного в православие еврея, воспитывалась в католическом пансионе и была крещена в католичество, в католичество крестили и маленького Владю. Дома у Ходасевичей говорили по-польски и по-русски. Отец

начинал как художник, однако, вероятно, не отличался большим талантом. Со временем он оставил живопись и занялся фотографией: держал сначала в Туле, а потом в Москве фотографический салон, затем – магазин фотопринадлежностей.

Владислав Ходасевич был шестым и самым младшим ребенком в семье; первенец, Михаил, был старше его на 21 год. Мама старалась приобщить мальчика к польской культуре: «По утрам, после чаю, мать уводила меня в свою комнату. Там, над кроватью, висел золотой образ Божьей Матери Остробрамской. На полу лежал коврик. Став на колени, я по польски читал «Отче наш», потом «Богородице», потом «Верую». Потом мама рассказывала мне о Польше и иногда читала стихи. То было начало «Пана Тадеуша». Трудно сказать, чувствовал ли себя Ходасевич поляком, евреем, русским – для него была важнее самоидентификация по культуре, а не по крови. Он мог напомнить о своем еврействе, слыша антисемитские высказывания; он переводил с польского, которым прекрасно владел, – но что для него была родина? «России – пасынок, а Польше – // Не знаю сам, кто Польше я. // Но: восемь томиков, не больше – // И в них вся родина моя». Восемь томиков, которые Ходасевич увез в эмиграцию, – это собрание сочинений Пушкина. Пасынок, апатрид, эмигрант – он везде чужой, кроме литературы. Родился он очень слабым и едва не умер после рождения. Всю жизнь оставался худым и очень много болел. Биограф поэта Валерий Шубинский упоминает, что от малыша отказались несколько кормилиц – не жилиц; взялась его кормить крестьянка Елена Кузина. Два года перед гимназией он посещал частное училище Валицкой, где, по собственным словам, поражал учительниц прилежанием и добронравием. Именно в это время он всерьез увлекся чтением – особенно поэзией. С одним из своих любимых поэтов, Аполлоном Майковым, он даже увиделся летом

Влада Ходасевич с отцом.
Начало 1890-х годов

Москва.
Третья мужская
гимназия
на Большой
Лубянке

1896 года, когда гостил у дяди на даче, и даже прочитал ему наизусть его знаменитых «Ласточек». Два поэта, старый и будущий, серьезно говорили о чем-то минут десять – но о чем, Ходасевич не запомнил. Мальчик и сам скоро начал писать стихи. Первое, написанное в 6-летнем возрасте, посвящалось старшей сестре:
Кого я больше всех люблю?
Ведь всякий знает – Женичку.
Затем настал черед подражательной лирики. Сам Ходасевич

Владислав
Ходасевич
на даче Багри-
новских летом
1899 года. Под-
пись на обороте
(сверху слева на-
право): «Сестра
Оля, бонна Дора,
Маша, на руках
у нее сестра
Катя, сестры Таня
и Наташа, Петя
Шепелев, Валя
Ходасевич, Влада
Ходасевич»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

в своих воспоминаниях «Младенчество» говорит о «томных стихах», в которых «неизменно фигурировали такие поэтические вещи, как ночь, закат, облака, море (которого я никогда не видел) и тому подобное» и констатирует: «Моя «поэзия» явно носила оттенок салонный и бальны, сам же я казался себе томным, задумчивым и несчастным юношем, готовым умереть от любви и чахотки». Кроме того, он пытался писать драмы. Осенью 1896 года Владислав начал учиться в Третьей московской гимназии. Преподаватели в гимназии были сильные, некоторые из них были серьезными литераторами и поэтами. Гимназические годы – это и обильное чтение, и летние дачные балы, и первые влюбленности, и друзья. Одноклассником Ходасевича в гимназии был Александр Брюсов, брат поэта; с Брюсовым-старшим Ходасевич познакомился еще 11-летним мальчишкой. Классом старше учился Виктор Гофман, поэт, который повлиял на становление Ходасевича как литератора. Стихотворец он был куда менее одаренный, но печататься начал раньше, еще в гимназии, к Брюсову был вхож как поэт, а не как товарищ младшего брата. Ходасевич вспоминал долгие разговоры с Гофманом, чтение стихов, своих и чужих: «Сколько говорено было в те часы! Ведь какие времена были! В те дни Бальмонт писал «Будем как Солнце», Брюсов – «Urbi et orbī. <...> Читали украдкой и дрожали от радости. Еще бы! Весна, солнце светит, так мало лет нам обоим, – а в этих стихах целое откровение».

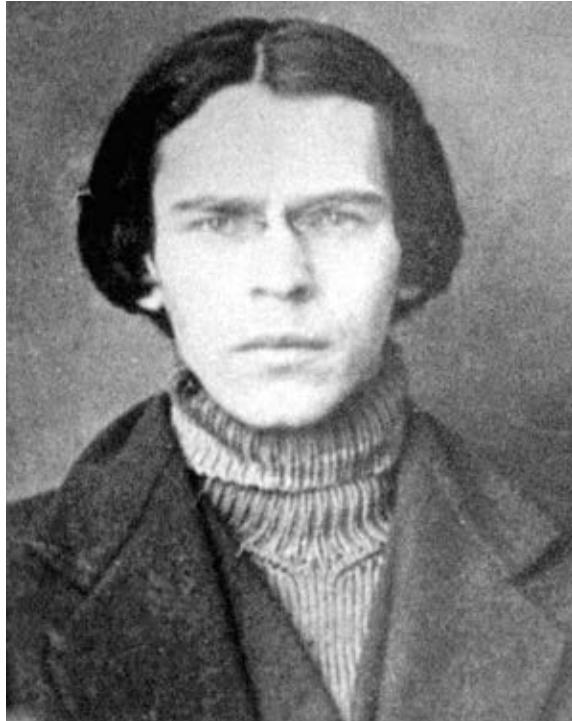
МОЛОДОСТЬ

В 1902 году, когда Владиславу было 16 лет и он учился в седьмом классе гимназии, его отец разорился. Старшие дети уже были взрослыми. Владю взял к себе в семью старший брат, Михаил, который в это время уже был известным московским адвокатом. Михаил относился к Владе как к своему ребенку – да, собственно, по возрасту вполне мог быть его отцом; Владю очень любила маленькая Валя, дочь Михаила.

В 1904 году – знаменательном для символизма: в этот год начал выходить брюсовский журнал «Весы» – Ходасевич окончил гимназию со сплошными четверками и тройкой по немецкому и поступил на юридический факультет Московского университета, где уже отучились его братья. В этом же году Ходасевич впервые получил приглашение к Брюсову на одну из его «сред». Вскоре он начал печататься, но не у Брюсова в «Весах», а у Сергея Соколова (псевдоним Сергей Кречетов) в альманахе «Гриф», «Грифом» же опубликован и его первый сборник стихов, «Молодость».

После первого курса он бросил юриспруденцию и два года отучился на историко-филологическом факультете. В 1907 году его отчислили за невнесение платы за обучение. Он восстанавливаясь два раза, его два раза отчисляли – словом, высшего образования он так и не получил. Да и университет в эти годы лихорадило из-за революционной бури, прокатившейся по стране.

Ходасевич некоторое время работал у брата Михаила секретарем, но вскоре стал зарабатывать литературными гонорарами. Он начинал как литературный критик и печатался уже с 1905 года – сначала в «Искусстве», потом в «Золотом руне», потом в «Перевале». Он дышал тяжелым, густым, насыщенным поэзией и мистикой воздухом Серебряного века. Сам он тоже увлекался символами, совпадениями,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В.Ф.Ходасевич
в годы
Гражданской
войны. Около
1918–1921 годов

мистическими знаками. Однако лирика его пока мало предвещает будущего Ходасевича – «желто-серого, полуседого и всезнающего, как змея». Пока это очень обыкновенная подражательная лирика, ученичество у символистов. Сейчас в его стихах полным-полно повторов, темнот и мистических предчувствий («И будет долго, долго слышен // Во мгле

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Сергей
Алексеевич
Соколов
(псевдоним
Сергей Кречетов;
1878–1936),
поэт-символист,
основатель
и главный
редактор
издательства
символистов
«Гриф»
(1903–1914)

последний – скорбный плач.
// Я жду, я жду. Ко мне во мраке // Идет невидимый палач») и символистских двухчастных эпитетов через дефис: прозрачно-белые, розово-странные, холодно-весенний... Здесь пока совершенно неразличим его собственный поэтический голос – такие стихи мог бы написать в эти годы любой поэт среднего ряда. Но чем больше Ходасевич растет как поэт – тем меньше в его стихах пустозвонности и темноты, тем они строже, собранней, тем больше в них конкретики, точных деталей. Возможно, этому литературному взрослению способствовало и человеческое взросление Ходасевича, и первая серьезная драма в его жизни.

НЕРАВНЫЙ БРАК

В 1904 году Ходасевич познакомился с 17-летней красавицей Мариной Рындиной, а в следующем году женился на ней. Это был неравный брак: он – безденежный студент на иждивении брата, она – богатая наследница. Брат дал письменное согласие финансово содержать юного мужа, родители дали согласие на брак: и жених, и невеста еще не достигли совершеннолетия. На свадьбе Брюсов был посаженым отцом жениха, а Соколов – шафером. Вторая жена Ходасевича, Анна Чулкова, рассказывала со слов мужа, что Марина Рындина была большой причудницей: одевалась только в белое или черное, часто носила на шее ручного ужа вместо ожерелья; летом, когда молодые супруги жили в имении Мариной, утром рано вставала и в одной рубашке и жемчужном ожерелье носилась на лошади по окрестностям: «И вот однажды, когда Владя сидел с книгой в комнате, выходящей на открытую террасу, раздался чудовищный топот, и в комнату Марина ввела свою любимую лошадь».

Ходасевича угнетала его финансовая зависимость. Литератур-

ные заработки были случайными, он пытался подзаработать картежной игрой, это ему тоже не особенно удавалось. Брак распался через два года: Марина Рындина ушла к Сергею Маковскому, будущему издателю «Аполлона», и обвенчалась с ним в 1911 году. Чтобы церковный развод и последующий брак Мариной стал возможен, Ходасевич признал измену, придумав «Настеньку» (имя взял из «Белых ночей» Достоевского).

Может быть, именно пережитая драма придает его стихам и строгости, и лаконичности, и внутренней глубины:

Я рад, что страсть моя иссякла.
Смотрю с улыбкой из окна,
Как быстро ты проходишь мимо
По скользкой улице, одна.
Я рад, что дождь пошел сильнее
И что, в чужой подъезд зайдя,
Ты опрокинешь зонтик мокрый
И отряхнешься от дождя.

После расставания с Мариной он жил один, пьянился, иногда голодал и много играл в карты. Литературно-художественный кружок с картежной игрой, литературные вечера у писателей и много поденной газетно-журнальной работы, переводы романов польских писателей – вот из чего, собственно, состояла повседневная жизнь Ходасевича в эти годы. А. Тимофеев в 1908 году посвятил молодому поэту статью, в которой оставил его портрет: «Тонкий. Сухой. Бледный. Пробор посередине головы. Лицо – серое, незначительное, изможденное. Только темные глаза играют умом, не глядят, а колют, сиплют раздражительной проницательностью». И в стихах Ходасевича Тимофеев видит, как в личности, две стихии, два начала: «серость, бесцветность, бесплотность – с одной стороны, и грациозно прозрачная глубина, кокетливо тонкая острота переживаний, то грустно смеющаяся, то нежно грустящая лирика – с другой стороны».

В 1911 году из-за болезни легких Ходасевич был вынужден сменить климат и уехал в Италию. Он договорился встретиться в

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Венеции с Евгенией Муратовой, женой искусствоведа Павла Муратова, в которую был влюблен (след этой влюбленности – в стихотворении 1910 года «Прогулка»: «Хорошо с улыбкой думать, // Что царевна (хоть не любит!) // Не забудет ночи лунной, // Ни меня, ни поцелуев – // Никогда!»). «Венеция – город разлук», – написал Ходасевич в очерке об Италии.

В сентябре 1911 года погибла его мать: лошадь понесла, пролетка, в которой ехала Софья Яковлевна, опрокинулась, пассажирка выпала и ударилась головой о фонарный столб. В ноябре умер отец. Этой осенью Ходасевич много думал о самоубийстве.

Анна Ивановна Чулкова (1886–1967), поэт, переводчик. Сестра писателя Г.И. Чулкова, жена В.Ф. Ходасевича

СЧАСТЛИВЫЙ ДОМИК

Может быть, от мрачных мыслей его спасла новая женитьба. Его избранницей стала Анна Ивановна Чулкова-Гренцион, сестра поэта Георгия Чулкова и бывшая жена Александра Брюсова. У нее был маленький сын от первого брака, Эдгар (Гарик), будущий актер Гаррик. Анна Чулкова поселилась вместе с Ходасевичем (обвенчались они только в 1913 году). Чулкова, «маленькая Хлоя» из его стихов, темноглазая красавица, добрая и терпеливая, нежно ухаживала за мужем, когда он болел, терпела его раздражительность и бессонницы. Это был надежный и теплый домашний союз со своей домашней мифологией: в этом доме очень любили мышей. Все началось с песенки о пяти пляшущих мышатах, которую Анна Ивановна пела сыну. Ходасевич называл жену «мышь-бараночник», из домашних историй о мышах выросла целая книжка мышиных стихов. Кажется, нигде больше мы не увидим Ходасевича таким нежным, таким сентиментальным, как в этих стихах.

В самом начале семейной жизни они жили очень бедно. Но постепенно Ходасевич стал зарабатывать все больше. Основным источником денег были критические статьи и переводы – с польского и французского. Строгий критик, он находится в самой гуще литературной жизни, но ни к кому не примыкает, не входит ни в какие группы, не подписывает манифестов – он скорее внимательный наблюдатель и исследователь, чем участник литературного процесса. В критике он сух, сдержан и язвителен – разве что сухость и сдержанность изменяют ему, когда он говорит о Маяковском; знаменитая статья «Декольтированная лошадь», появившаяся уже в эмиграции, совершенно очевидно несправедлива, предвзята и написана, кажется, не чернилами, а кипящей желчью.

Молодость.
Стихи 1907 года
(М., «Гриф»,
1908)

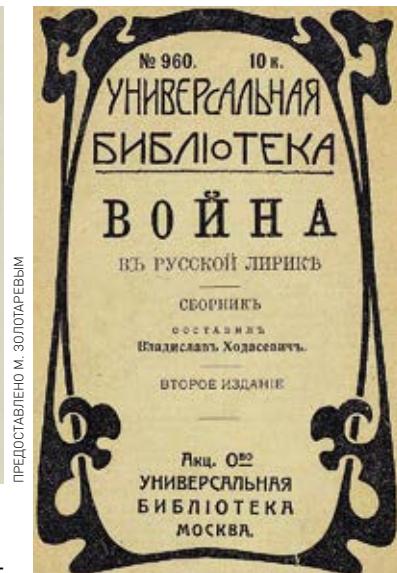
В 1914 году вышла в свет вторая книга стихов Ходасевича – «Счастливый домик». Здесь он конкретнее и строже, чем в первой книге. Здесь – и выше цитированные стихи о дожде, и стихи о царевне, и мышиные стихи, и заключающее книгу стихотворение «Рай», где речь идет об игрушечном магазине – чудесном теплом мире игрушек и зверушек:

Заяц лапкой бьет по барабану,
Бойко пляшут мыши вятером.
Этот мир любить не перестану,
Хорошо мне в сумраке земном!..

Лирический герой засыпает в ожидании, что ему приснится ангел златокрылый...

Идет декабрь 1913 года – на исходе последний мирный год. В сборнике уже есть тревожные ноты – стихотворение «Зима», написанное в том же декабре. Фабричные дымы уподоблены траурным перьям на катафалке, по тротуару бежит фонарщик – юркий бес, и заключается эта картина жутким образом скуки: «О скука, тощий пес, взывающий к луне! // Ты – ветер времени, свистящий в уши мне!»

Счастливый
домик. Вторая
книга стихов
(М., «Альциона»,
1914)

ВЕТЕР ВРЕМЕНИ

Когда началась война, Ходасевич писал в одном из писем, что в Москве «мрачно, но честно» и что эта мрачная честность, когда даже в гости не ходят, как на Страстной, ему нравится. От воинской повинности Ходасевич был избавлен по состоянию здоровья. Многие ушли на фронт, в том числе друг Ходасевича – поэт Муни Киссин. Он служил санитарным чиновником. Бессмысленные будни войны и антисемитизм, с которым ему пришлось столкнуться в Варшаве, где он служил, совершенно расшатали его психику. Ходасевича все это глубоко ранило; известна его фраза о еврейских погромах в Польше: «мы, поляки, уже режем нас, евреев». Именно в эти годы он занимался переводами еврейских стихов – может быть, это своеобразная солидарность с Муной.

Ура-патриотизм военных лет внушал ему отвращение и тоску. «Муничка, здесь нечем дышать», – писал он Киссину. Известие о том, что Муни застрелился, привело Ходасевича в глубокое отчаяние. Анна Ивановна вспоминала: «У Влади опять начались бессонницы, общее нервное состояние, доводящее его до зрительных галлюцинаций, и, очевидно, и мои нервы были не совсем в порядке, так как однажды мы вместе видели Муню в своей квартире». Вскоре он забо-

Сборник «Война в русской лирике»,
составленный В.Ф.Ходасевичем
(М., «Универсальная библиотека»,
1915)

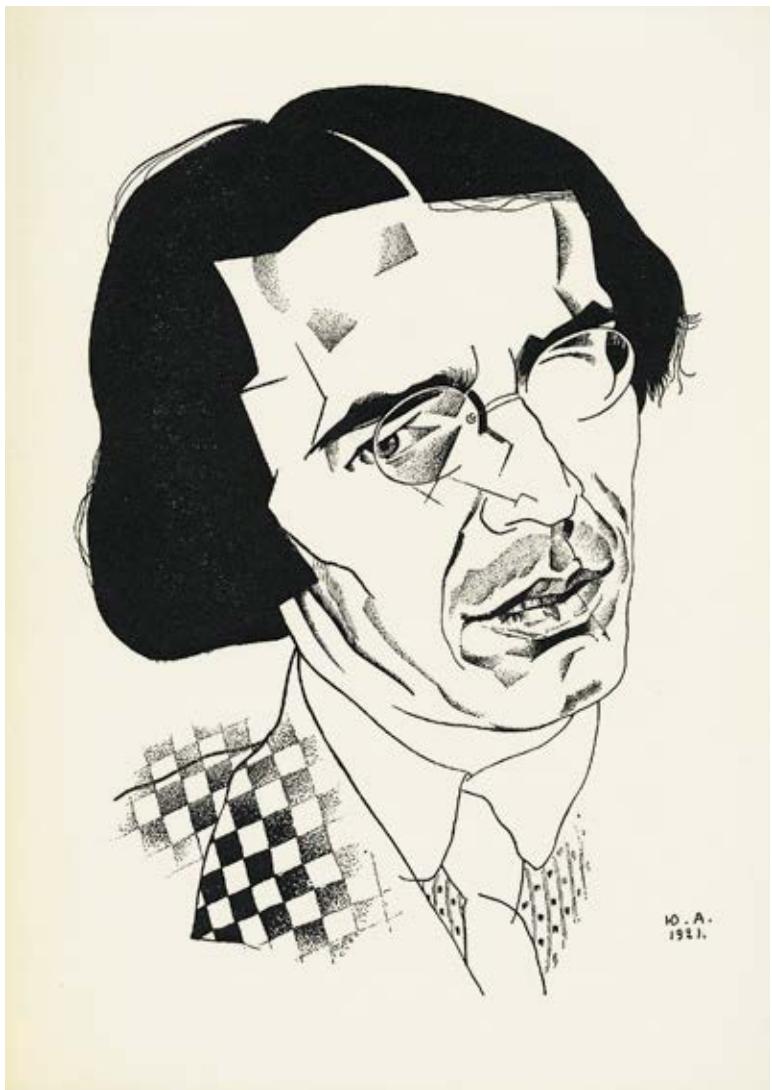
лел: оступился, неловко встал, отчего смеялся один из позвонков. Врачи боялись туберкулеза позвоночника и требовали переезда в более мягкий климат. Ходасевич уехал в Крым. Поселился в Коктебеле, скоро перебрался со снятой квартиры на дачу к Волошину. Туберкулез у него не оказалось, и в Крыму он почувствовал себя гораздо лучше. Вторая его поездка в Крым была омрачена фурункулезом, от которого Ходасевич тяжело страдал и позднее; нарыв на лице даже пришлось вскрывать.

Из Крыма он вернулся в захва-
тиющую революцией Москву. Февральскую революцию встретил восторженно, по свидетельству Анны Ивановны. Октябрьским событиям в Москве посвятил точные и страшные строчки:

Семь дней и семь ночей Москва
металась
В огне, в бреду. Но грубый лекарь
щедро
Пускал ей кровь – и, обессилев,
к утру
Восьмого дня она очнулась. Люди
Повытолзли из каменных подвалов
На улицы.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Владислав
Ходасевич.
Портрет работы
Ю.П. Анненкова.
1921 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Люди похожи на крыс, опасливо выходящих после дождя на улицы, – люди идут узнать, живы ли знакомые. «И не кровью, // Но горькой желчью пахло это утро». Здесь мы слышим скорбный голос нового Ходасевича. И череда утрат, и мировое безумие войны, и революция дали страшный и мощный толчок его лирике. Он уже был сложившимся мастером, автором прекрасных стихов – но только сейчас его голос обретает трагическую мощь.

И ты, моя страна, и ты,
ее народ,
Умрешь и оживешь,
пройдя сквозь этот год, –
Затем, что мудрость нам
единая дана:
Всему живущему идти
путем зерна.

ПЕТРОГРАД
Большевизму он изначально сочувствовал. Поэту Борису Садовскому написал однажды: «Многое в большевизме мне глубоко по сердцу». Соблазна уезжать у

Тяжелая лира.
Четвертая книга
стихов [М.–Пг.,
Госиздат, 1922]

него довольно долго не было. Он собирался честно работать в своей стране. Опасался, что в революционных бурях может погибнуть культура, и в одной из своих первых послереволюционных статей провозгласил лозунг «учить, учить и учить».

После революции Ходасевич жил трудно. Работал в третийском суде, затем в ТЕО – театральном отделе, составлял репертуарные списки для театров. Пытался заработать, участвуя в создании и работе Книжной лавки писателей. Сотрудничал с Пролеткультом, где читал лекции о Пушкине. Затем, получив приглашение Горького участвовать во «Всемирной литературе», съездил в Петроград, где и встретил Горького впервые, занимался делами московского отделения «Всемирной литературы», работал в Книжной палате. Пережил уплотнение – превращение квартиры в коммуналку, переболел тяжелейшим фурункулезом весной 1920 года – жена по-прежнему нежно ухаживала за ним. Решил перебираться в Петроград, куда его звал Горький. Переезд совершился в ноябре 1920 года.

В январе 1921 года Ходасевичи с Гариком поселились в ДИСКе – Доме искусств на Мойке. В Петрограде было холодно и голодно, но «обдисков» – обитателей Дома искусств – слегка подкармливали. Со службой у Ходасевича не заладилось, паек был небольшим. Другие литераторы читали в день по нескольку лекций, за которые получали плату пайком, но еле живой после фурункулеза Ходасевич такой нагрузки не выдержал бы. Тем не менее в ДИСКе была литературная среда, и дышать в пустом, голодном, величественно-строгом городе ему было легче, чем в Москве. И здесь у него была возможность писать – и было желание писать. Стихи, созданные в голодном Петрограде, сложились в сборник «Тяжелая лира», куда вошли некоторые из лучших стихотворений Ходасевича: это и «Не матерью, но тульскою крестьянкой...», и «Пробочка», и «Перешагни»,

перескачи...», и «Ни жить, ни петь почти не стоит...». Часть из этих стихотворений была написана летом 1921 года в литераторской колонии под Порховом в Псковской губернии. Колония, устроенная Чуковским и Добужинским в имении князей Гагариных и соседней усадьбе Новосильцовых, в Холомках и Бельском Устье, нужна была для того, чтобы подкорректировать голодных петроградских литераторов и художников. Формально поездка считалась командировкой, и, чтобы оправдать ее, Ходасевич прочитал лекцию порховской молодежи и поприсутствовал на заседании местного народа, о чем оставил чрезвычайно ядовитые воспоминания (пожалуй, стоит сказать, что организатор колонии, Чуковский, за это лето прочитал в Порхове более 30 лекций). Пребывание в Бельском Устье было омрачено страшными новостями, пришедшими из Петрограда: известиями о смерти Блока и расстреле Гумилева. Ходасевич считал, что он был последним, кто видел Гумилева живым, когда зашел попрощаться перед отъездом; Гумилева арестовали через несколько часов после этой встречи.

«Тяжелая лира» кончается мрачной «Балладой»:

И в плавный, вращательный танец
Вся комната мерно идет,
И кто-то тяжелую лиру
Мне в руки сквозь ветер дает.
И нет штукатурного неба
И солнца в шестнадцать свечей:
На гладкие черные скалы
Стопы опирает – Орфей.

В испуганном литературном мире Петрограда Ходасевич сейчас был одной из самых крупных поэтических величин. Его выступления имели большой успех, его «Тяжелую лиру» прочитали внимательно, а собратья-поэты – ревниво. Но сам он все чаще задумывался об отъезде за границу. Жена уезжать не хотела. В самом конце 1921 года Ходасевич влюбился в молодую поэтессу Нину Берберову – и ощущение молодости, влюбленности и счастья, кажется, совершенно

Групповая фотография литераторов. Сидят слева направо: А. Белый, М.А. Осоргин, А.В. Бахрах, Б.К. Зайцев. Стоят: А.М. Ремизов, В.Ф. Ходасевич, П.П. Муратов, Н.Н. Берберова. Берлин. 1923 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

его захватило. Анна Ивановна, у которой обнаружился туберкулез, в это время уехала из Петрограда в санаторий в Детское Село. Он жил счастливым холостяком, не расставался с Ниной – и ни разу не приехал к жене. Жена, вернувшись из санатория, поняла, что произошло. Следующие несколько месяцев превратились в сплошной кошмар, жесточайшую драму разрыва между людьми, давно и прочно приросшими друг к другу. Ходасевич, и так склонный к нервным расстройствам, устраивал дома тяжелые истерики, писал жене неприятные письма, и только присутствие Нины, ка-

жется, могло привести его в чувство. Он уехал от жены в Москву, в командировку (на самом деле – хлопотать о заграничных паспортах для себя и Нины) – выносить присутствие друг друга было невозможно. В мае они решили расстаться. В июне Ходасевич и Берберова тайком уехали за границу, Анна Ивановна узнала об этом уже после его отъезда и выплакала все глаза.

ЭМИГРАЦИЯ

«Быть вместе и уцелеть», – повторял Ходасевич Нине Берберовой. Конечно, причина отъезда была не только в том, чтобы окончательно порвать с женой. Были причины и более сложные: закончилась большая литературная эпоха, а вместе с ней закончилась и прежняя жизнь. Ходасевич чувствовал в себе разбуженную литературную мощь, большую поэтическую силу – а ей нужна была свобода, новизна впечатлений, погруженность в европейскую культурную жизнь – а культурные связи с Европой в последние несколько лет совершенно оборвались. Литературное пространство в России меняло очертания и начинало схлопываться. Ходасевич понял это одним из первых. Кроме того, судя по некоторым его обмоловкам, начинаящийся нэп раздражал его мещанственной дикостью бескультурья; отъезд в Европу, вероятно, казался возможностью вырваться из абсурда, не иметь дела с советскими чиновниками, с бюро-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В.Ф. Ходасевич.
1930 год

кратией, с самодовольной советской пошлостью.

Дальнейшую его жизнь мы хорошо представляем по воспоминаниям Нины Берберовой, пересказывать или обильно цитировать которые не имеет смысла. Жизнь в эмиграции оказалась ничуть не легче оставленной жизни в России – такая же трудная, бедная, голодная, полная поденной работы. Пошлости здесь тоже было хоть отбавляй – и, может быть, одно из самых страшных стихотворений Ходасевича, *An Mariechen*, – это и есть выражение ужаса перед лицом растлевающей пошлости жизни.

...Уж лучше в несколько мгновений
И стыд узнать, и смерть принять,
И двух истлений, двух растлений
Не разделять, не разлучать.

Именно пошлость – «уродики, уродища, уроды» – один из основных мотивов следующего сборника Ходасевича, «Европейской ночи».

В Берлине Ходасевич и Нина оказались в человеческом море русской эмиграции. Он встретил множество знакомых из прошлой жизни – эти встречи как будто завершали давние сюжеты: здесь был и полубезумный Андрей Белый, и спившаяся Нина Петровская, и Соколов, и Маковский, и Муратов... Но Ходасевич выбрал совершенно другой круг общения: прошлое не манило его. Ближе всех ему оказался уехавший из России Горький, в обществе которого Ходасевич и Нина Берберова провели несколько следующих лет, сначала в Германии, потом в Италии. «Я бы сказала, что перед Ходасевичем он [Горький] временами благоговел – закрывая глаза на его литературнуюдалекость, даже чуждость. Он позволял ему говорить себе правду в глаза, и Ходасевич пользовался этим. Горький глубоко был привязан к нему, любил его как поэта и нуждался в нем как в друге. Таких людей около него не было: одни, завися от него, льстили ему, другие, не завися от него, проходили мимо с глубоким, обидным безразличием», – писала Берберова.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЬЕВЫМ

В.Ф. Ходасевич
и любимый
кот Наль.
Арти. 1931 год

В 1925 году срок действия советских паспортов Ходасевича и Берберовой закончился; советское посольство отказалось их пролонгировать и требовало возвращения в Россию. Он ясно понимал, что возвращаться не следует. Обустраиваться решили в Париже – в статусе беженцев, апатридов. Душевное состояние Ходасевича было очень тяжелым: Берберова пишет, что не могла оставить его больше, чем на час, опасаясь, что он выбросится в окно. Потом на смену этой мысли пришла новая – открыть газ. Он плохо себя чувствовал, тяжело болел. Обостренная чувствительность и нервность дошли до предела – он, кажется, и в самом деле чувствовал и «колющих радио лучи», и ощущал колебания земной коры, когда в Австралии случилось землетрясение. Следующие годы были годами серьезнейшей работы – он написал классическую биографию Державина, создал множество критических статей, – но

время это стало и временем совершенного разочарования в мире, в человеке и в себе самом. Ходасевич – трезвый и усталый сноб, презирающий всех, понимающий цену жизни и смерти, не обольщающийся никакой перспективой вечности.

Да, меня не пантера прыжками
На парижский чердак загнала.
И Виргилия нет за плечами, –
Только есть одиночество – в раме
Говорящего правду стекла.

И стихов он после 1928 года почти не писал. От него, кажется, уходил и смысл, и силы, и здоровье. Держалась только любовь к Нине, но Нина ушла в 1932 году – поняла, что больше не может, что сама начинает разрушаться. Он закончил «Некрополь» – книгу воспоминаний, но за биографию Пушкина браться не стал: понимал, что не хватает сил. Один жить он не смог – скоро женился на очень доброй, религиозной Ольге Марголиной. Она ухаживала за ним, уже совсем больным. Жизнь превратилась в бесконечную боль – и в прямом физическом смысле, и в метафизическом: в Европе зреала война. Он не мог есть, пошелтел, мучился болями. врачи долго не могли диагностировать болезнь, подозревали рак; оперировали по поводу закупорки желчных протоков, но операция не помогла, полагают, что у него в самом деле был рак. Больничные условия были страшными; даже то, как их описывает Берберова, внушает содрогание. Последние дни свои он прожил stoически и умер на следующий день после операции, не приходя в сознание. Ольгу Марголину через несколько лет после его смерти арестовали в оккупированном Париже и отправили в концлагерь, где она и погибла.

И ничего не нужно мне на свете,
И стыдно мне,
Что суждены мне вечно пытки эти
В его огне;

Что даже смертью, гордой,
своевольной,
Не вырвусь я;
Что и она – такой же, хоть
окольный,
Путь бытия. Ⓛ

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

МОСКВА ПУШКИНА

автор

АЛЛА РУДНЕВА

КАКОЙ ИЗ ГОРОДОВ – МОСКВУ ИЛИ ПЕТЕРБУРГ – АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН ЛЮБИЛ СИЛЬНЕЕ? ГДЕ БОЛЬШЕ БЫЛО ДРУЗЕЙ И ВРАГОВ? ГДЕ БЫЛ ЕГО НАСТОЯЩИЙ ДОМ?

Трудно спорить с тем, что Пушкин – «коренной москвич»: он родился в Москве, здесь провел детство, женился, завел свой дом. Здесь жили его друзья: Павел Нащокин, Петр Вяземский, Денис Давыдов. Но, с другой стороны, с 1826 по 1830 год он часто уезжает из Москвы в Петербург, а в 1831-м, забрав жену, уезжает туда на совсем, чтобы спастись от род-

ственников – «моя теща та же тетка», служит, в 34 года получает придворный чин камер-юнкера, «что довольно неприлично моим летам». В Петербурге Александр Сергеевич становится издателем собственного журнала, «Современник», работает и погибает в этом призрачном и холодном городе. Рождение в Москве, смерть в Петербурге... Так кто Пушкин больше – москвич или петербуржец?

ТАМ, ГДЕ «ЦАРСТВОВАЛА ЛЮБОВЬ»

Возможно, стоит взглянуть на эту проблему иначе: а был ли у Пушкина когда-нибудь свой собственный дом? На карте современной Москвы можно насчитать около пятидесяти мест, связанных с Пушкиным (а когда-то было около ста), в Петербурге – около шестидесяти...

Можно только удивляться тому, с какой основательностью москвичи выбирали себе дома, в которых иногда проживали всю жизнь, а иногда – всего несколько месяцев. Интересную особенность отметил Юрий Тынянов в романе «Кюхля»: «Москва росла по домам, которые естественно сцеплялись друг с другом, обрастила домишками, и так возникали московские улицы. Московские площа́ди не всегда можно отличить от улиц, с которыми они разнствуют только шириной, а не духом пространства: также и небольшие кривые московские речки под стать улицам. Основная единица в Москве – дом, поэтому в

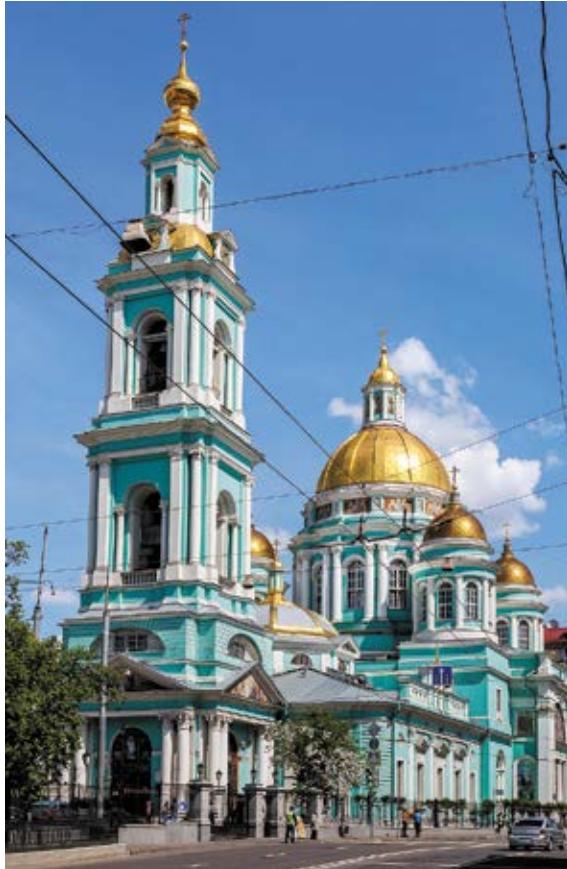
ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Василий Львович Пушкин,
дядя поэта

Москве много тупиков и переулков. В Петербурге совсем нет тупиков, а каждый переулок стремится быть проспектом».

...Ольга Васильевна, бабка Пушкина, продала в 1797 году «свой московский двор со всяким в нем каменным и деревянным строением, с садом, оранжереями и во оных со всякими деревьями, с прудом и во оном с рыбой». Его дед, Лев Александрович Пушкин, дал своим сыновьям блестящее образование, в доме все увлекались литературой, в нем, по выражению Василия Львовича Пушкина, «царствовала любовь».

Лев Александрович скончался, как написано в метрической книге приходской Троицкой церкви, 24 октября 1790 года в своем доме на Божедомке и был похоронен в Донском монастыре. На его плите была выбита такая эпитафия: «Против

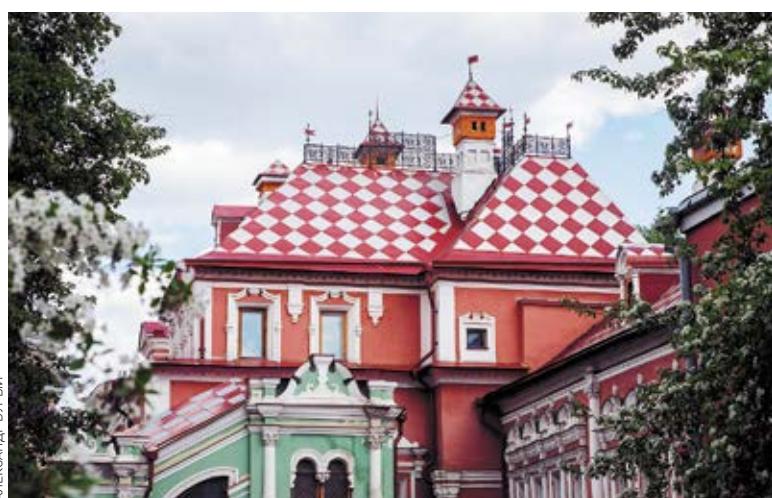
АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

сей надписи погребено тело артиллерии подполковника Льва Александровича Пушкина, который родился 1723 года февраля 17 <...> скончался 1790 года октября 25 дня». Дом деда прошли, и Пушкины своего дома в Москве больше не имели.

Семья переехала поближе к центру города – в Огородную слободу. Дом, в котором родился поэт, – сегодня это район Бауманской, угол Малой Почтовой и Госпитального переулка, – сто-

Богоявленский собор в Елохове. В этой церкви крестили Александра Пушкина

рел во время пожара Москвы, но в маклерских книгах он описан. Исследователь Сергей Романюк разыскал документы в ЦГВИА, в которых говорится, что дом И.В. Скворцова, который снимали тогда Пушкины, располагался на участке общей площадью 1035 квадратных саженей (4695 квадратных метров), где стояли два деревянных одноэтажных строения. Эти два больших жилых дома разделялись садом площадью 264 квадратные сажени (1198 квадратных метров). У задней границы владения стояли четыре хозяйственных постройки – конюшни, амбары, сараи. Но все это не было личной собственностью семьи поэта, за дом они платили арендную плату около 2 тысяч рублей в год. Естественно, Пушкины были помещиками (владели имениями Болдино и Михайловское), им принадлежало около тысячи крепостных, и по традициям того времени семья арендовала дома в Москве, переезжая из одного в другой по мере надобности. За двенадцать лет – до отъезда Александра на учебу в Лицей в Царское Село – семья Пушкина поменяла десять домов. Они арендовали жилье в Большом Харитоньевском переулке, на Молчановке, Поварской и в других местах, которые сегодня застроены многоэтажками и мало напоминают город пушкинского детства. Дома Пушкины снимали вместе с мебелью, «с принадлежностями», и, чтобы понять, как выглядел интерьер дома, можно заглянуть в описание имущества, которая помогает представить его в деталях: 8 «зеркал в золоченных рамках больших», 4 «канапе с чехлами затрапезными простого дерева», 9 «кресел без чехлов», 5 «кресел красного дерева с зелеными фанзовыми подушками и набойчатыми чехлами» и еще 12 «кресел дубовых с подушками российского ковра». Итак, отправив Пушкина учиться в 1811 году в Лицей, семья пережила войну 1812 года в своих имениях, а затем начала арендовать дома в Петербурге, поближе

Дворец
Волковых-
Юсуповых
в Большом
Харитоньевском
переулке.
С 1801 по
1803 год
в деревянном
флигеле этого
дома жила семья
Пушкиных

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

к сыну. Пятнадцать лет, до 1826 года, Александр Сергеевич Москвы не видел, за это время она сгорела и заново отстроилась, а Пушкин стал первым поэтом России. Опальным поэтом. Свой дом у него так и не появился – ни в Москве, ни в Петербурге. Михайловское и Болдино – это родительские вотчины, совместное владение семьи, доходы от которых отец будет делить между всеми детьми. Но всякая зависимость, а тем более материальная, была для Пушкина мучительна. Это для него был большой вопрос, который так и не был им решен до конца...

МОСКОВСКАЯ ЖИЗНЬ

В сентябре 1826 года Пушкин вернулся из изгнания, из Михайловского, в Москву. «Фельдегерь внезапно извлек меня из моего непроизвольного уединения, привезя по почте в Москву, прямо в Кремль, и всего в пыли ввел меня в кабинет императора», – вспоминал Александр Сергеевич. Об этой встрече поэта и императора ходит немало легенд. Николай I в августе 1826 года короновался в Москве и после истории с декабристами искал опору в общественном мнении. Тут Пушкин был весьма кстати. «Счастливая Москва сна-

дом
В.Л. Пушкина
на Старой
Басманной

Вид Подновинского предметства в Москве во времена народного гуляния.
Раскрашенная гравюра Г. Лори с оригинала Ж. Делабарта.
Конец XVIII века

Сергей Александрович Соболевский (1803–1870), близкий друг Пушкина, библиофил и библиограф.

Литография с оригинала М.П. Полторацкой. 1844 год

чала короновала царя, теперь коронует Пушкина», – писали современники. И как Онегина, так и его создателя Москва встречает: *Своей спесивой суетой,
Своими девами прельщает,
Стерляжьей потчует ухой...*

Здесь его ждали старые друзья и новые знакомства. Но возвращаться после встреч и рукоплесканий Александру Сергеевичу было некуда – он ночует у друзей. То у одних, то у других. Чаще всего у Сергея Соболевского – своего московского издателя и библиофила, дом которого уже давно поглотил Новый Арбат.

Пушкина встречают на гуляниях – в Подновинском, на Пресненских прудах, на Тверском бульваре. Тверской бульвар той эпохи – своеобразный «зеленый клуб», устроенный в начале 1796 года, когда окончательно срыли остатки старинной стены и валов Белого города к неудовольствию окрестных жителей, пасших там скот. Высадили березки в четыре ряда, устроили главную аллею. Туда перекочевало главное гуляние, от Кремлевской набережной, где было сырое и неуютно. В хорошую погоду князь Голицын каждый вечер за свой счет освещал Тверской бульвар шкаликами, разноцветными фонарями. Гуляющую публику развлекал роговой оркестр. После пожара 1812 года на Тверском бульваре высадили липы, устроили дорожки, клумбы, выстроили беседку, в которой играл оркестр и где мож-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

но было выпить кофе и чай. Поэт Василий Львович Пушкин, дядя Александра Сергеевича, писал своему племяннику:

*Не веселят меня
веселия столицы...
Ни Пресненские,
ни славный новый сад,
Где можно есть бифштекс,
пить с ромом лимонад
И где встречаются
и дамы и девицы.*

Другие известные гуляния устраивались на Пресненских прудах. Еще в 1806 году начальник дворцового ведомства Петр Степанович Валуев привел в порядок Пресненские пруды, и гулянье там стало очень популярным среди москвичей. Здесь были посажены ивы, которые быстро разрослись. «...Подлые гати заменены каменными плотинами, через кои прорвались кипящие шумные водопады; цветники, беседки украсили сие место, которое обнеслось хорошею железною решеткою. Два раза в неделю музыка раздавалась над сими пру-

дами, стар и мал, богат и убог толпились вокруг них», – вспоминал один из известных русских муаристов, Филипп Вигель. На Пресненские гуляния приходил и Пушкин. Здесь, неподалеку от Пресненских прудов, жили сестры Ушаковы. В старшую, Екатерину Николаевну, Пушкин был влюблен, часто бывал в их гостеприимном доме.

В Москве, прославившейся «ярмаркой невест», Александр Сергеевич впервые задумывается о женитьбе. Он часто посещает балы и праздники, бывает в домах семей, где есть девицы на выданье. Одним из таких хлебосольных домов был дом Марии Ивановны Римской-Корсаковой, вдовы камергера Александра Яковлевича Римского-Корсакова. Он находился на Большой Дмитровке, выходил фасадом на Страстную, ныне Пушкинскую, площадь. Дом был каменный, трехэтажный, с красивыми лепными фризами и фронтом. Парадный подъезд был украшен симметрично рас-

Москва.
Пресненские
руды.
Раскрашенная
литография
О. Леметра
с оригинала
О. Кадоля.
1825 год

положенными вазами. Этот дом, увы, не сохранился, на его месте сегодня находится издательство «Известия».

Семья Римских-Корсаковых была большая: три сына и пять дочерей. Всеми делами ведала хозяйка дома Мария Ивановна. Елизавета Петровна Янькова, оставившая подробные мемуары о жизни дворянской Москвы, вспоминала о ней: «Мария Ивановна была премилая и преображенительная женщина, которая всех умела обласкать и приветить...». Она имела очень хорошее, большое состояние, получала немало доходов, да только уж очень размашисто жила». Князь Петр Вяземский тоже оставил ее выразительный портрет: «Мария Ивановна Римская-Корсакова должна иметь почетное место в преданиях хлебосольной и гостеприимной Москвы. Она жила открытым домом, давала часто обеды, вечера, балы, маскарады, разные увеселения, зимой санные катания за городом, импровизированные завтраки. ... Сама Мария Ивановна была тип московской барыни в хорошем и лучшем значении этого слова». Пушкин называл Корсакову «чрезвычайно милой представительницей Москвы». 26 октября 1826 года Мария Ивановна устроила специально для него вечер, куда она созвала множество гостей.

Пушкин провел в Москве осень 1826 года и почти всю следующую зиму – с 20 декабря по середину мая 1827-го. Много лет спустя князь Вяземский вспоминал: «Особенно памятна мне одна зима или две, когда не было бала в Москве, на который не приглашали бы его (Григория Александровича Римского-Корсакова, сына М.И. Римской-Корсаковой. – Прим. авт.) и меня. После пристал к нам и Пушкин. Знакомые и незнакомые зазывали нас и в Немецкую слободу, и в Замоскворечье. Наш триумвират в отношении к балам отслуживал службу свою наподобие бригадиров и кавалеров св. Анны, непременных почетных гостей».

Дом М.И. Римской-Корсаковой у Страстного монастыря (7-я мужская гимназия).
Фотография начала XX века

ГОСТЕПРИИМНЫЕ ХОЗЯЕВА

В Москве числилось около ста адресов, где бывал Пушкин. Посещал он и Английский клуб (Тверская улица, 21), разместившийся в великолепном дворце генерал-майора Льва Кирилловича Разумовского, многие годы развлекавшего москвичей своими праздниками, спектаклями, концертами и балами. «Едва ли не у него у первого в Москве был зимний сад в доме», – отмечал писатель и журналист той поры Михаил Пыляев. Дом Разумовского почти не пострадал от пожара 1812 года, так как был окружен обширным парком. В 1814 году архитектор А.А. Менелас перестроил здание, объединив его с флигелями. Кстати, «львы на воротах» этого дома, столь характерные для московских барских усадеб, упоминаются в седьмой главе «Евгения Онегина». Членами Английского клуба были по большей части московские сановники, «вельможи, оставившие двор», люди богатые и знатные.

17 июня 1831 года публицист и философ Петр Чаадаев писал Пушкину из Москвы в Царское Село: «Я стал иногда ходить – угадайте куда? – в Английский клуб! Вы мне говорили, что бывали там; я мог встретиться с Вами в этом прекрасном помещении, среди колоннад, так похожих на греческие, в тени прекрасных деревьев».

Пушкин был частым гостем и в доме поэтессы, певицы, княгини Зинаиды Волконской, которая была хозяйкой одного из самых известных литературно-музыкальных салонов в Москве. Ее особняк, располагавшийся по адресу улица Тверская, 14, в конце XIX века был приобретен купцами Елисеевыми. Дом ее, по свидетельству Петра Вяземского, «был изящным сборным местом всех замечательных и отборных личностей современного общества. Тут соединились представители большого света, сановники и красавицы, молодежь и возраст зрелый, люди умственного труда, профессора, писатели, журналисты, поэты, художники. Все в этом доме носило

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Ф.Я. Алексеев.
Вид Тверской
улицы. Справа –
особняк
Зинаиды
Волконской.
1810 год

отпечаток служения искусству и мысли». Она устраивала музыкальные вечера, маскарады, а вот игра в карты строго запрещалась хозяйкой.

Особняк, в котором жила Волконская, был возведен в 1790-х годах известным русским архитектором Матвеем Казаковым. Трехэтажный, с шестиколонным коринфским портиком, изящными решетками балконов, тонко проработанной лепниной – это был настоящий дворец. Широкая трехмаршевая лестница вела на второй этаж. Анфилада парадных комнат завершалась пря-

моугольным двусветным залом с встроенной в него полукруглой колоннадой. Княгиня Волконская украсила дом-дворец на Тверской «оригиналами и копиями знаменитейших произведений живописи и ваяния; а стены комнат своего дома она украсила фресками в стиле различных эпох», – вспоминал один из племянников поэта Дмитрия Веневитинова.

26 декабря 1826 года Пушкин был приглашен на вечер, устроенный в связи с отъездом Марии Волконской в Сибирь к мужу – декабристу Сергею Волконско-

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Английский клуб.
Современный
вид

АЛЕКСАНДР БРЫН

му. Мария Николаевна написала позже в «Записках», вспоминая этот вечер: «Пушкин, наш великий поэт, тоже был здесь... Во время добровольного изгнания нас, жен сосланных в Сибирь, он был полон самого искреннего восхищения: он хотел передать мне свое «Послание к узникам» для вручения им, но я уехала в ту же ночь». В последний раз ей удалось насладиться музыкой, пением профессиональных певцов в доме, где царил культ музыки.

Пушкин не мог не выразить своего восхищения Зинаидой Александровной. Он послал ей поэму «Цыганы», приложив листок со стихами «Княгине З.А. Волконской»:

*Среди рассеянной Москвы,
При толках виста и бостона,
При бальном лепете молвы
Ты любишь игры Аполлона.
Царица муз и красоты,
Рукою нежной держишь ты
Волшебный скипетр вдохновений...*

Так Пушкин прожил в Москве почти год, а затем снова уехал в Петербург, где в одной из лучших гостиниц, трактире Демута на Невском, снял номер. Жить там было незазорно, здесь часто останавливались и Чаадаев, и Вяземский, и Тургенев...

Елисеевский магазин.
Ранее этот дом принадлежал княгине Зинаиде Волконской

СВОЙ ДОМ

В 30 лет Пушкин решил жениться. Он все чаще задумывался о будущем: «Будущность является мне не в розах, но в строгой наготе своей. Горести не удивят меня <...> Всякая радость мне будет неожиданностью», — писал Пушкин приятелю Николаю Кривцову. И просил его: «Пиши мне на Арбат, в дом Хитровой». Почему Пушкин выбрал именно Арбат — улицу, которая уже в его время не считалась, как мы сказали бы теперь, «престижной», в отличие от Молчановки, Спирidonовки или Пречистенки?

Здесь многие дома принадлежали богатеющим купцам, они на первых этажах открывали магазины. Существует версия, что дом Пушкину подыскивал его друг Павел Нащокин, чтобы поэт жил с ним по соседству. Любопытен и другой факт. Сергей Романюк обнаружил в «Маклерской книге Пречистенской части» запись маклера Анисима Хлебникова: «1831-го года Генваря 23-го дня я, нижеподписавшийся Г-н Десятого класса Александр Сергеев сын Пушкин, заключил сие условие <...> в том, что 1-е нанял я Пушкин Собственный Г-на Хитрово дом, состоящий в Пречистенской части второго квартала под №204 в приходе Троицы что на Арбате, каменный Двух этажный с антресолями и к оному принадлежащими людскими службами, кухнею, прачечной, конюшней, каретным сараем, под домом подвал, и там же запасной амбар, в доме с мебелью по прилагаемой описи сроком от выше писанного числа впередь на шесть месяцев, а срок счи-тать с 22-го Генваря и по 22-е ж Июля сего 1831-го Года по до-говору между нами за Две тысячи рублей государственными ассиг-

К.А. Горбунов (?)
с оригинала
П.Ф. Соколова.
Портрет
П.В. Нащокина.
1840-е годы

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

нациями <...> 2-е принять мне, Г-ну Пушкину, дом со всеми его принадлежностями и мебелью по описи <...> 6-е в строениях занимаемых мною Пушкиным включаются комнаты нижнего этажа для жительства Економки и приезду Г-на Хитрова».

В этом документе больше всего поражает основательность описания того, что именно сдается внаем, для того чтобы дворянская семья могла жить в Москве. Помимо второго этажа с неизменной анфиладой комнат аванзал, зал, парадная гостиная, кабинет, а также две спальни и две небольшие комнаты в антресолях. Подробно расписаны, как мы теперь их называем, бытовые постройки: кухня, прачечная, конюшня, каретный сарай. Для того чтобы вести свой дом, оказалось, что нужен и амбар, и подвал.

Завести свой дом означало не только снять квартиру и нанять прислугу, но и наладить быт своих близких, обеспечить их всем необходимым. Все это требовало денег. И нашему гениальному поэту приходилось не только входить в весьма прозаические подробности относительно стоимости арендуемых помещений, сумм, которые надо было

Дом Хитрова на Арбате.
Сейчас здесь Мемориальный музей-квартира А.С. Пушкина

В.Н. Нечаев.
Вид Арбата.
1830-е годы.
Справа – церковь Троицы

выделить на приданое Натальи Николаевны Гончаровой, но и следить за счетами.

Из московских друзей поэта следует особо отметить Павла Воиновича Нащокина. Он жил уже «именно по широкой русско-барской натуре», как писал о нем один из современников. Дом Нащокина – удобный двухэтажный особняк (Гагаринский переулок, 4), где с 6 по 24 декабря 1831 года жил Пушкин. «Дом его такая бестолочь и ерала什

<...> С утра до вечера у него разные народы: игроки, отставные гусары, студенты, стряпчие, цыганы <...> Всем вольный вход». Пушкин просил Нащокина присыпать ему его воспоминания: «Что твои мемории? Надеюсь, что ты их не бросишь. Пиши их в виде писем ко мне. Это будет и мне приятнее, да и тебе легче». Павел Воинович подарил ему знаменитую чернильницу с арапчиком: «Посыпаю тебе твоего предка с черниль-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Чернильница, подобная той, которую П.В. Нащокин подарил А.С. Пушкину

семейственную жизнь и ею порадоваться, – писал Пушкин. – Ведь и я тут участвовал, и я имел влияние на решительный переворот твоей жизни. Мое семейство умножается, растет, шумит около меня. Теперь, кажется, и на жизнь нечего роптать, и страсти нечего бояться. Холостяку в свете скучно: ему досадно видеть новые молодые поколения; один отец семейства смотрит без зависти на молодость, его окружающую. Из этого следует, что мы хорошо сделали, что женились».

Последний раз Пушкин останавливался у своего друга в мае 1836 года в доме в Воротниковском переулке, 12. «Жена его очень мила. Он счастлив и потолстел». «Нащокин здесь одна моя отрада», – писал Пушкин своей жене.

Мы не могли рассказать здесь о домах поэта-партизана Дениса Давыдова, поэта, критика, литератора князя Петра Вяземского, друга-библиофила Сергея Соболевского и многих других близких знакомых Пушкина.

Эту Москву мы потеряли. От известных адресов, домов, где бывал Пушкин, осталась только третья. Дом Соболевского на Собачьей площадке «проглотил» Новый Арбат, на наших глазах дом Римской-Корсаковой был заменен комбинатом «Известия». Знаменитые Пресненские пруды, где во времена Пушкина гуляли москвичи, теперь – на территории Московского зоопарка... «Мы ленивы и нелюбопытны», – писал поэт. И как он был прав! ●

ницей», – писал он поэту накануне нового, 1832 года. А после смерти поэта заказал скульптору И.П. Витали бюст покойного. В январе 1834 года Пушкин узнал о женитьбе Нащокина на

Вере Александровне Нагаевой: «Думаю побывать в Москве, коли не околею на дороге. Есть ли у тебя угол для меня? То-то бы болтались! А здесь не с кем». «Желал бы я взглянуть на твою

Дом
П.В. Нащокина
в Гагаринском
переулке

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

П.И. Челищев.
А.С. Пушкин
и граф
Д.И. Хвостов.
Фрагмент.
Рисунок
карандашом.
1830 год

ПОЛОТНЯНЫЙ И ЗАВОД

АВТОР

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ИЗ ВРЕМЕН ПЕТРА I ВЫРАСТАЕТ ИСТОРИЯ ПОЛОТНЯНОГО ЗАВОДА – ФАМИЛЬНОГО ГНЕЗДА ГОНЧАРОВЫХ. НЫНЕ ОТ ИМЕНИЯ ОСТАЛИСЬ ВЪЕЗДНЫЕ ВОРОТА, БАРСКИЙ ДОМ, ЧАСТЬ КОННОГО ДВОРА, В КОТОРОЙ УСТРОЕНО КАФЕ «ГОНЧАРОВ», ДА ПАРК – ПО ЕГО АЛЛЕЯМ КОГДА-ТО ГУЛЯЛ ПУШКИН. И ЕЩЕ ИСТОРИЯ. ЗАСЛОНЕННАЯ, КОНЕЧНО, ТРАГЕДИЕЙ ДУЭЛИ И СМЕРТИ ПОЭТА, НО САМА ПО СЕБЕ ДОСТОЙНАЯ ПЕРА СОЧИНИТЕЛЯ СЕМЕЙНЫХ САГ...

ИСТОРИЯ ПОЛОТНЯНОГО Завода напрямую связана с созданием русского парусного флота. Паруса – холстина из крепкой конопляной нити – вот что было нужно. В 1718 году по именному указу Петра I измайловскому крестьянину Тимофею Карамышеву велено было построить для парусинного производства заводы в «том месте, где приищет». Тот рьяно взялся за дело и вскоре «приискал» в Калужской губернии, недалеко от Малоярославца, место в излучине реки Суходрев, где, по обилию сырья, можно было бы поставить и парусный завод, и бумажную мануфактуру, которая, по желанию царя, делала бы «бумагу картузную, оберточную и нижнюю пишую...» кото-

рая б была добротою против заморской».

Карамышев взял к себе на завод в приказчики своего племянника Григория Ивановича Щепочкина и калужского купца Афанасия Абрамовича Гончарова. Те быстро освоились, так что в 1732 году заключили с Карамышевым контракт на принятие их в компанию: при этом первый внес в предприятие 5 тысяч рублей, а Гончаров – 15 тысяч. В том же году Тимофей Карамышев умер, а вдова его, вторично выйдя замуж, «от тех фабрик доброхотно отрешилась». В 1735 году компании разделились, и с этих пор имение Полотняный

Завод вместе с мануфактурами и усадьбой целиком стало детищем Афанасия Абрамовича Гончарова, который «парусные полотна привел в такое совершенство и славу, что из Англии именно требовали полотен его фабрик». А бумага его почтилась первою в России.

В 1750-е годы меж двух заводов был выстроен большой двухэтажный дом в стиле ампир, который уже к 1780-м годам был на один этаж надстроен и принял более соответствующий духу времени классический облик. Въезд в усадьбу открывался въездными Спасскими воротами с надвратной церковью над ними; тут же был конный

Редкое
российское
предприятие
может
похвастаться
таким вот
годом своего
основания

двор, надворные постройки и родовая усыпальница. Вокруг выкопаны были пруды и заложен парк. Позже, во времена внука Афанасия Абрамовича, в усадьбе появились многочисленные «забавы», роскошная поварня, но сам Афанасий Абрамович к «забавам» был равнодушен, он превыше всего ставил дело. По его собственному признанию, три раза в его жизни на него изливался золотой дождь. В последний раз это произошло, когда Северо-Американские Соединенные Штаты «отложились» от Англии и штуку парусины, обошедшуюся ему со всеми накладными издержками в 7 рублей, англичане брали по 15–17 рублей, причем платили вперед.

НОВОЕ ДВОРЯНСТВО

Все эти золотые дожди прошли недаром, и к концу жизни Афанасий Абрамович был обладателем 6-миллионного состояния и одним из десяти богатейших людей России. Он создал своего рода промышленную империю, скопая деревни и земли для создания на них парусинных заводов. Всего таких владений было 75 в восьми губерниях: Калужской, Тульской, Орловской, Московской, Рязанской, Владимирской, Нижегородской и Ярославской. Он стал фигурой имперского значения и размаха, которая требовала нового отношения к себе. Уже императрица Елизавета Петровна это поняла и в 1742 году возвела Афанасия Абрамовича «в чин коллежского асессора в ранг майорский». Он стал дворянином. Потомственным. Настоящим...

Слава его была столь велика, что его посетила сама государыня императрица Екатерина II. Тогда, в 1775-м, после Пугачевского восстания, она предприняла большое путешествие по центральным губерниям России с целью ободрить дворянство, удостоверить, что смутным временам конец. Она остановилась в Калуге, но Гончаров ждал ее к себе. К при-

План усадьбы
Полотняный
Завод
XVIII столетия

езду царицы в имении Гончарова несколько комнат на втором этаже были переделаны в «спальню императрицы», повторяющую интерьер спальни в Царском Селе. Екатерина действительно приехала, прошлась по дорожке из лепестков роз, выращенных в гончаровской оранжерее, но ночевать не осталась, попила с хозяином кофе, после чего пожелала сходить на бумажную мануфактуру. И то, что она там увидела, так потрясло ее, что она повелела наградить Гончарова золотой медалью с надписью: «Поставщик ея императорского величества». Гончаров тут же нашелся: после ужина на 31 куверт в Бирюзовой гостиной он подарил ей несколько стопок превосходной бумаги, которую Екатерина отвезла в Петербург.

Возможно, личное знакомство с императрицей помогло ему оформить майорат над Полотняным Заводом. По майорату имение передавалось только от отца к старшему сыну и далее к внуку, правнуку и т.д. Такое имение нельзя было ни продать, ни заложить, ни проиграть в карты. Гончаров понимал, что в ближайших же потомках может таиться опасность и созданная им промышленная империя сгинет без следа, но успел оберечь особым статусом только Полотняный Завод, который был его любимым детищем. Афанасий Абрамович был настолько благодарен Екатерине, что заказал в Берлине бронзовую статую императрицы в образе Минервы, в римском панцире с наброшенной на левое плечо тогой. 200-пудовый памятник высотой свыше 3 метров доставили в Полотняный Завод, но установить не успели: Афанасий Абрамович умер, а Павловская эпоха была нетерпима ко всему екатерининскому. Детали памятника убрали в подвал, где их потом и обнаружил при обстоятельствах, весьма для него пикантных, Александр Сергеевич Пушкин, который называл статую императрицы «медной бабушкой»...

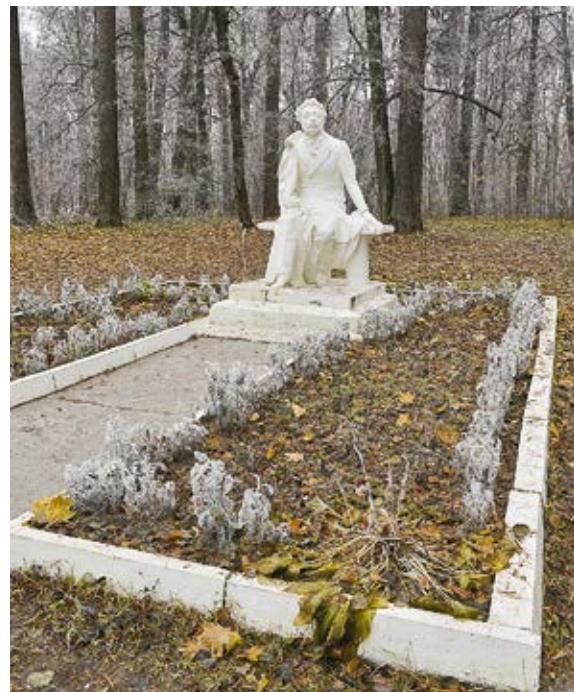
Не беседка
в глубине парка
и не въездные
ворота придают
столько
очарования
старинной
мануфактуре...

ДЕДУШКА-РАЗОРИТЕЛЬ

Афанасий Абрамович, устроив свои земные дела, спокойно отшел в мир иной. Его сын, Николай Афанасьевич, был человеком XVIII столетия и сам готов был продолжать дело отца. Но вот беда: пережил он его всего на полтора года и в возрасте 43 лет умер. Тогда-то из Петербурга

и был вызван очередной прямой наследник – 24-летний Афанасий Николаевич, едва окончивший Пажеский корпус и успевший жениться. В первые годы он даже выказывает себя деятельным хозяином: именно при нем дом был перестроен под новый, классический стиль, парку придан регулярный вид, да и вообще, в деле благоустройства усадьбы, создания театра, рогового оркестра и всяческих «затей» проявил он немало энтузиазма. Но, все более входя в курс дела, он постепенно осознавал, владельцем какого богатства оказался... Зачем еще умножать его, когда можно просто «пожить»? И, постепенно входя во вкус, он начинает «живь». «По природе недалекий и малообразованный, но добрый и гостеприимный, Афанасий Николаевич любил шумную жизнь на широкую ногу. Ворота Полотняного Завода были распахнуты для гостей, они с домочадцами и родственниками задерживались на несколько недель, что и не удивительно: их окружали таким радушием, что хотелось вновь сюда вернуться», – пишет современный исследователь усадьбы В.И. Новиков. Для обслуживания себя, жены и сына он держал 300 человек прислуги. Гончаровские псовые охоты славились на всю Россию.

Со временем Афанасий Николаевич явился в свете обеих столиц, а потом и Парижа. Везде он сорил деньгами – так в ту пору поступали все, у кого эти деньги были. Он был влюблён и непостоянен. Правда, наскучивших любовниц одаривал щедро: домами и целыми вотчинами. В 1815 году старший сын его, Николай Афанасьевич, отец Натальи Николаевны Гончаровой, попытался воспротивиться отцу, который за двадцать лет разорил все гончаровское имение. Но отец, привыкший к жизни праздной и веселой, сына резко окоротил...

К концу жизни «дедушка» растратил 30-миллионное состояние, заложил и перезаложил все имения и владения и окончательно отбился от рук. Когда его любимая внучка, Натали, гостила у него летом в раннем детстве, родителям ребенка приходилось мириться с тем, что в доме вместе с женой, Надеждой Платоновной, проживает еще любовница, мадам Бабетт. А ког-

да Александр Сергеевич Пушкин приехал к «дедушке» просить приданое для любимой внучки, Натали, Надежда Платоновна уже сошла с ума, и «дедушка» попросту одну за другой менял крестьянских девок.

«Дедушка свинья», – писал из Полотняного Завода Александр Сер-

...А история, которая связала великого российского поэта и величайшую русскую красавицу. Детский портрет Натальи Гончаровой

геевич ближайшему другу своих последних лет Павлу Нащокину. – Он выдает свою третью наложницу замуж с 10 000 приданого и не может заплатить мне мои 12 000 – ничего своей внучке не дает». Как известно, мать Натальи Николаевны согласилась на замужество дочери, если Пушкин сам соберет ей приданое в 12 тысяч. Поэт так и уехал из Полотняного Завода несолоно хлебавши: единственное, что предложил ему душка-дедушка, – это переплавить на цветмет заказанный еще Афанасием Абрамовичем памятник Екатерине II и продать как лом... «Дедушка» и сам многократно пытался исполнить этот замысел и знал, что его не так-то легко осуществить. В результате судьба памятника сложилась весьма необычно. В 1840 году новый владелец имения продал памятник представителям дворянства города Екатеринослава (Днепропетровска), где он и был установлен и простоял, несмотря на все революции и сталинские «кампании», до самой войны, когда немцы сняли его (в Берлине же отлит!) и увезли в качестве трофея. И где находится памятник сейчас – неизвестно.

...Незадолго до смерти Афанасий Николаевич отправился в Петербург с единственной

целью – добиться отмены майората на Полотняный Завод, чтобы продать и его. Резкость отказа доконала старого мотовщика: он умер по дороге домой. Крестьяне на дороге встретили тело барина и на руках несли его гроб до самого кладбища. Они души не чаяли в своем добром, любвеобильном, веселом барине. Им и в голову не приходило, что, если бы затея барина удалась, все они были бы проданы и разорены...

«Чистейшей прелести чистейший образец»

Получив дворянство, Афанасий Абрамович Гончаров пышно украсил фамильный герб

И ДЕДУШКА-ИСКУСИТЕЛЬ

«Дедушка», «дедушка». Кто кому дедушка? Ну, разумеется Афанасий Николаевич дедушка всем своим шести внукам, «милым рожицам» – потомкам Николая Афанасьевича и Натальи Ивановны. Но особенно, конечно, он дедушка Натальи Николаевны Гончаровой – и потому, что та была его любимицей, и потому, что стала женой Пушкина. Не стала бы женой Пушкина, вышла бы сразу за Ланского – никто бы ее, генеральшу Ланскую, давно б не помнил. Наталья Пушкина вообще – это удивительно нежная и чувствительная, ранимая красота, которая случилась вдруг, явилась вдруг в перекрестье роковых судеб. Ее дед по материнской линии – Иван Александрович Загряжский, праправнук последнего независимого гетмана Правобережной Украины, Петра Доро-

шенко. Как писала дочь Натальи Николаевны Александра Арапова-Ланская в книге о матери, «Загряжские очень гордились как знатностью своего происхождения, так и влиянием при дворе...». Будущий дед Натальи Николаевны, служа в гвардии, с юных лет отличался своими необузданными выходками, которые в ту пору вообщем были свойственны гвардейцам и обычно сходили им с рук. «Деды» оказались явно испорченными вольным духом екатерининского времени, когда каждый дворянин мог жить себе в удовольствие, и добавили немало перцу в котел судеб, замешанных в этой истории. Чтобы малость остыпенить молодого повесу, родня устроила Загряжскому брак с баронессой Строгановой – в расчете, что ее состояние поправит его расшатанные дела, а влияние умной и добродетельной жены поне-

Восстановление усадьбы после войны, по сути, отдельная книга

многу остынет его. Однако Загряжский увидел в том лишь возможность зажить на широкую ногу, а со временем, чтобы добродетели жены и народившиеся общие дети не слишком докучали ему, он отвез ее в свою подмосковную вотчину – Ярополец. Тем временем полк Загряжского находился в Дерпте, и тут рок рассек его праздную военную жизнь: на одном из балов, которыми лифляндские бароны чествовали русское офицерство, он неожиданно увидел дочь барона Липхарта, Эуфразину Ульрику фон Пессе, отличавшуюся, как говорили, неземной, поистине ангельской красотой. Она была замужем и даже имела дочь, но с мужем жила, как говорится, «в разъезде». Загряжский влюбился в нее без памяти и, умолив друзей ни слова не говорить о том, что сам женат, принял ухаживать за молодой баронессой со всем пылом страсти и опытом искусственного ловеласа. Убедившись, что добился взаимности, он обратился к барону Липхарту, прося руки его дочери. Тот отказал. Но баронесса сама «принадлежала к тем возвышенным, экзальтированным натурам, которые, раз отдавши сердце, неспособны его отобрать». Загряжский стал уговаривать возлюбленную бежать с ним в Петербург, и та сдалась его настояниям. По переходе границы Иван Александрович

разыскал церковь, где его и несчастную Ульрику обвенчали. Так стал он двоеженцем. Между тем ослушание дорого стоило бывшей баронессе Ульрике фон Пессе: в ответ на ее письмо отцу тот ответил, что ребенка, внучку, он, конечно, воспитает, но дочь свою больше видеть не желает. Путь на родину для нее был отрезан. Загряжского, однако, это не смущило, он привез

Афанасий
Абрамович
Гончаров –
основатель
Полотняного
Завода

Во всякую
пору столовая
была местом
умиротворения

молодую жену в Петербург и через некоторое время стал появляться с нею в свете. Общество сначала недоумевало, но потом взирало открыто. Тогда Иван Александрович усадил красавицу-жену в возок и отвез... в свое имение, в Ярополец, к родной жене и детям. «Вы, бабы, какнибудь без меня тут лучше разберетесь», – были, будто бы, его последние слова. С тем он уехал и более никогда не появлялся в Яропольце.

Ульрика фон Пессе была к тому времени на седьмом месяце беременности. К счастью, первая жена повесы-мужа, Александра Степановна, быстро поняла случившееся, приняла обманутую Ульрику и помогла ей родить. Девочку, нареченную Натальей, она ввела в круг своих детей и воспитывала, ничем не выделяя меж ними. После того как через шесть лет несчастная Ульрика фон Пессе умерла от тоски, именно Александра Степановна добилась через свою влиятельную родню, чтобы ее дочь считалась законной дочерью Загряжского и чтобы все права наследования в отношении нее были соблюдены. Как ни странно, Наталья Ивановна – будущая мать Натали и теща Пушкина – при разделе наследства получила фамильную вотчину – Ярополец, где до наших дней сохранилось «Гончаровское имение». Пушкин в Ярополец заезжал, едал домашнее варенье, но вообще-то тещу недолюбливал за скучность. Жизнь – о чем дальше – научила ее сквердности.

БЛЕСК И НИЩЕТА ГОНЧАРОВЫХ

Может показаться, что в повествовании своем мы все безвозвратнее отдаляемся от Полотняного Завода. Но ничего не поделаешь – бурное развитие середины XVIII века, когда именно в усадьбе сосредоточивалась вся жизнь гончаровского рода, давно кануло в прошлое. Почти сорок лет, до 1832-го, в усадьбе безраздельно хозяиничал Афанасий Николаевич, дедушка-разоритель, а события, напрямую связанные с Пушкиным и Натали, события, которые до сих пор занимают историков, развивались на орбитах, весьма далеких от родовых гнезд, откуда явились первоначальные Пушкины и Гончаровы. Впрочем, в музее Полотняного Завода понимают это и внимательно прослеживают пути «птенцов» сих изобильных прежде имений. Наталья Ивановна Загряжская Гончаровой стала по мужу – Николаю Афанасьевичу, единственному сыну дедушки-разорителя. Познакомились они в Петербурге, где Николай Афанасьевич служил, больше для вида, в Коллегии иностранных дел, а Наталья Ивановна, отличавшаяся редкой миловидностью, была своей приемной матерью пристроена во фрейлины к императрице Елизавете Алексеевне, жене Александра I. Любовь Николая Афанасьевича и Натальи Ивановны была взаимна и глубока, и первые годы после женихьбы казались идиллией. Николай Афанасьевич, выросший в Полотняном Заводе, мечтал возродить былой статус имения и, оставив столичную жизнь, вместе с семейством перебрался сюда: он не знал масштабов разорения, но даже когда отец открыл ему всю правду, он, несмотря на всю неопытность в делах, решил поднять майорат. Дедушка-разоритель на несколько лет уехал за границу, а Николаю Афанасьевичу за пять лет упорного труда удалось «залечить все отцовские прорухи». Даже нашествие Бонапарта не смогло поколебать семейного счастья: именно в 1812 году, в дни Бородинской битвы, у Гончаро-

В доме любили и умели музировать

Екатерина II
в обличье
Минервы.
Уменьшенная
копия
исчезнувшей
«медной
бабушки»

вых родился пятый ребенок – Наталья, судьба которой навеки связалась с судьбой Пушкина. О необыкновенной красоте ее, которую современники справедливо сравнивали с «ангельской» красотой ее бабки – баронессы Ульрики фон Пессе, написаны тома. Целые собрания сочинений сопровождают каждый шаг Натали во время надвигающейся дуэли между Пушкиным и Дантеом. Упреки и оправдания, про-

кляния и славословия следуют за нею даже после смерти: как будто связав свою судьбу с таким человеком, как Пушкин, она еще подлежит суду обывателя.

«Чистейшей прелести чистейший образец» – так написал о ней сам Пушкин. И здесь я склонен верить поэту, а не мольве.

«Необыкновенно выразительные глаза, очаровательная улыбка и притягивающая простота в общении, помимо ее воли, покоряли всех. Не ее вина, что все в ней было так удивительно хорошо», – писала Надежда Еропкина, знавшая Натали еще до замужества. – Но для меня так и осталось загадкой, откуда обрела Наталья Николаевна такт и умение держать себя?»

Действительно, откуда? Душка-дедушка, несомненно, обожал младшую внучку, посыпал ей в конвертиках семена редких цветов, но не у дедушки же училась она такту и выдержке? Дед сделал все, чтобы воспитать ее ребенком избалованым и самолюбивым. «Не успевала она выразить желание – как оно уже было исполнено, – писала в книге о матери Александра Арапова-Ланская. – Самые затейливые, дорогие игрушки выписывались на смену не успевшим еще надоест; глаза разбегались и аппетит пропадал от множества разнообразных лакомств; от нарядов ломились сундуки <...> Она росла, словно сказочная принцесса в волшебном царстве!» На шестом

Анфилада комнат, тянущаяся через весь дом, открывается на красивую излучину реки...

году пробудилась она от очарованного сна, вступив в суровую школу. В Полотняный Завод Натали решено было больше не пускать. Она вернулась в родную семью. Маленькая Наталья Николаевна запомнила, как по приезде в московский дом на Никитской мать сняла с нее дорогую шубку – подарок деда – и распорола ее на палантинки и муфты для всех сестер, причем самой Натали достались самые куцые обрезки.

Вот-с: начинали Николай Афанасьевич и Наталья Ивановна свою жизнь красиво, интересно. Но, увы, к моменту вхождения Натали в сознательный возраст эта семейная идиллия распалась. То ли из-за неудачного падения с лошади, то ли из-за резкого разговора с отцом, который грубо отлучил сына от управления Полотняным Заводом, у Николая Афанасьевича стала развиваться душевная болезнь, выражавшаяся в немотивированных вспышках ярости. Поначалу все держалось еще в

каких-то рамках. Но потом эти вспышки стали затрагивать и домашних: однажды он с ножом в руке бросился на двенадцатилетнюю Натали, и только чудо уберегло ее от отцовского безумия. В другой раз несчастный в припадке охватившего его бешенства так изгрыз себе предплечье, на котором был вытатуирован вензель жены, что только прижигание каленым железом спасло его от неминуемой гангрены. Когда же к душевному недугу добавилось неутолимое как пожар пьянство, все полетело под откос: в результате жена, Наталья Ивановна, вынуждена была в московском доме отвести мужу флигель, куда перевела особенно верных слуг, готовых без грубости успокоить барина, а при необходимости и надеть на него смирительную рубашку. Да и сама Наталья Ивановна к моменту, когда Пушкин в 1828 году впервые встретил Натали, давным-давно не была уж той милой

фрейлиной, которую знал когда-то светский Петербург. Десять лет болезни мужа измочалили ее, скучость средств до-канывала ежедневно. Это была женщина, хлебнувшая много горя и разочарования. В довершение ко всему развилась в ней чрезвычайная набожность, которую она старалась привить и детям; странницы и богомолки постоянно жили у нее в доме. При этом из переписки Пушкина известно, что еще девочкой Натали была до глубины души потрясена, увидев мать на медвежьей шкуре у камина в объятиях конюха...

Крики и стоны, какое-то безумное рычание, постоянный бред человеческих отношений, бедность, безумный отец, беспробыветность – и при всем при этом рождается и вырастает «чистейшей прелести чистейший образец»? Как это возможно? Но ведь оказалось возможно – или мы, преклоняясь перед Пушкиным, в этом вопросе не верим поэту?

ПОСЛЕ БУРИ

После смерти Пушкина Наталья Николаевна, стремясь покинуть столицу, вместе с четырьмя детьми приезжает в Полотняный Завод и почти на два года обосновывается в так называемом Гостевом доме, не желая беспокоить нового хозяина имения, которым стал – из-за сумасшествия отца – ее старший брат, Дмитрий, оказавшийся старшим потомком Гончаровых по мужской линии. В свое время он начал служить в Коллегии иностранных дел, был командирован в Персию, где занимался архивом Грибоедова, сохранившимся в английском посольстве. Однако, став владельцем майората, он в 24 года вынужден был выйти в отставку и заниматься запущенным хозяйством, закладными и долгами «дедушки». К тому времени па-

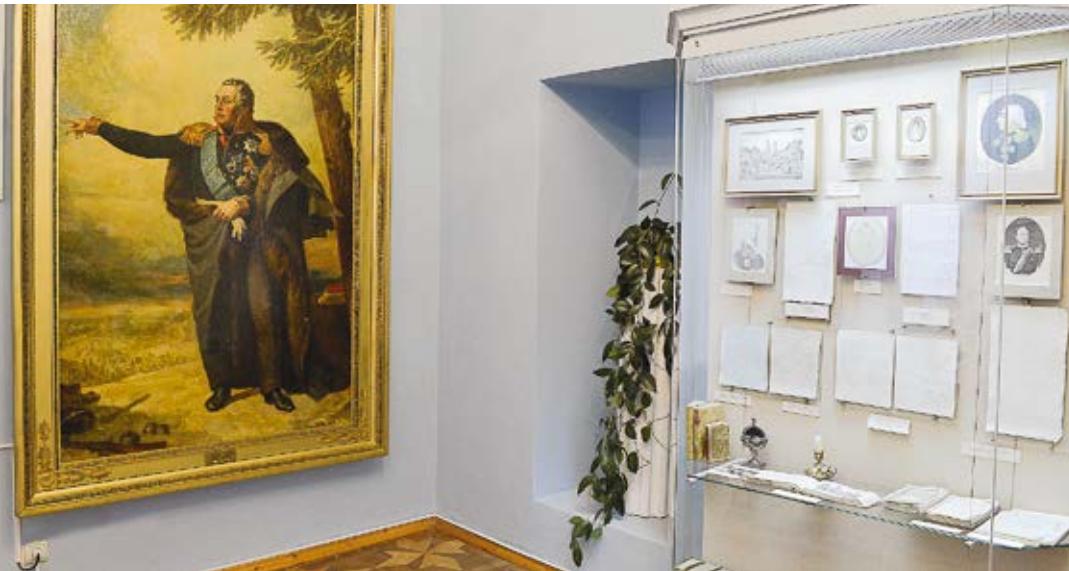
Сельская
идиллия

Портрет
постаревшего
Жоржа Дантеса
на стене
гостиной:
как-никак
родственник

роходы уже начали теснить парусный флот, парусинное производство само собою начало хиреть, и он постарался модернизировать бумажную мануфактуру (работающую до тех пор),

которая осталась единственным источником доходов семьи. Все это потребовало от него кое-каких усилий, во всяком случае, умер он достаточно молодым даже для того времени – в 52 года. Интерьеры времен Дмитрия Николаевича способны удивить любого постороннего: здесь портреты братьев и сестер соседствуют с портретами Александра Пушкина и Жоржа Дантеса (по семейному-то они родственники, свояки, женатые на родных сестрах). И хотя на самом деле смерть Пушкина расколола семью Гончаровых на два лагеря, в его, Дмитрия, братском сердце по-прежнему соединялись воедино сестры – Натали и Екатерина. И их мужья – Пушкин и Данте... Позднее кто-то из сыновей Дмитрия Николаевича ездил во Францию и гостили у «дяди Жоржа», нима-

ло не выражая своей к нему неприязни и только досадуя, что дети того от Екатерины Николаевны «ни бельмеса не говорят по-русски». К слову сказать, Жорж Дантес нажил состояние, сделал политическую карьеру при Луи-Наполеоне и умер только в 1895 году, надолго пережив роковые события, связываемые с его именем.

Лишь портрет Натальи Николаевны в необычном черном облачении, будто в схиме, напоминает о трагедии 1837 года. Здесь, в Заводе, ее навестили Нащокин, Жуковский и Сергей Львович Пушкин, отец поэта. Она прожила в Полотняном Заводе до глубокой осени 1838-го, когда родственники и друзья стали решительно требовать от нее, чтоб она не хоронила себя в провинции, а перебиралась в Петербург. Она решилась, поехала. Но что-то изменилось. Она больше не была загадкой и приманкой света. Траур по Пушкину Наталья Николаевна держала семь лет, хотя сам Пушкин перед смертью сказал: «два года». А она не смогла расстаться с ним за два года. Пушкин тогда же еще сказал: «жалко, заедят они тебя».

В 1844 году Наталья Николаевна выходит замуж за генерала Петра Ланского, друга ее брата Ивана. К четырем детям Пушкина добавились три дочери Ланских...

ПОСЛЕДНИЕ СТРАНИЦЫ

Последним выдающимся владельцем Полотняного Завода был, без сомнения, унаследовавший майорат Дмитрий Дмитриевич Гончаров. Будучи уездным предводителем дворянства, он в то же время был и реформатором в духе Роберта Оуэна. В.Н. Новиков пишет, что «на своей фабрике он установил восьмичасовой рабочий день и ввел участие рабочих в прибылях. Его активной помощницей была сестра Екатерина Дмитриевна – первая русская женщина, окончившая медицинский факультет Сорбонны. Широкий резонанс в Калужской губернии встретили и культурные инициативы Гончаровых; к таковым, прежде всего, отно-

После сражения под Малоярославцем М.И. Кутузов несколько дней отдыхал в Полотняном Заводе

сились открытие общедоступной библиотеки... и создание народного театра».

Пьесы ставили из репертуара профессионалов. Фотографии сохранились: Дмитрий Дмитриевич в роли Гамлета. Хрупкий такой. В смысле – тонкий, чувствительный. И телесно не очень крепкий, хотя высокий, аристократичный, красивый... Ему вновь удалось превратить Полотняный Завод в цветущий уголок. Но ненадолго.

В 1908 году случилось невиданное наводнение: по руслу Суходрева шла вода и заливалась дома, вторые этажи заливалась, заливалась мануфактуру и гончаровский дворец. С тех пор на трубе осталась отметка – 1908 – вот сюда вода доходила. Непредставимо высоко. Одна труба да дом (он все-таки трехэтажный) из воды, получается, и торчали. Дмитрий Дмитриевич, естественно, в самой гуще событий, на большом баркасе – пытается спасать людей – а их немало. Случайно один из утопающих сильнее дергает его за руку, случайно валится на уключину Дмитрий Дмитриевич, ломает ребро, случайно сам оказывается в воде... И, несмотря на сестру, окончившую медицинский факультет Сорбонны, умирает от воспаления легких. Ну, просто антибиотики еще не изобрели.

Портреты, украшающие стены барского дома в Полотняном, – узелки памяти, вешки истории. Я люблю небогатые провинциальные музеи: в них через хроники ушедших родов вдруг начинает различаться течение самой истории: она наполняется лицами, светом, движением, потом это движение множится, превращается во множество потоков, а они ветвятся, переплетаются, слагаясь в невиданные узоры жизни.

Какой-то стороной своего существа я твердо убежден, что музеи и существуют-то преимущественно для того, чтобы рассказывать истории. Красивые истории, если, конечно, внимательно слушать... ☺

А это последний владелец усадьбы – Дмитрий Дмитриевич Гончаров

ПОД ЗНАКОМ СОБАКИ

АВТОР

МАРИЯ БАШМАКОВА

ЛЕНИНГРАД, 1941-Й. ГОРОДСКОЙ ШУМ ПЕРЕКРЫВАЕТ ОЧЕРЕДНАЯ ВОЗДУШНАЯ ТРЕВОГА, КОТОРАЯ ВЫГОНЯЕТ ПАССАЖИРОВ ТРАМВАЯ НА УЛИЦУ. ЛЮДИ В ПАНИКЕ БЕГУТ В КАКОЙ-ТО ДВОР, СПУСКАЮТСЯ В ПОДВАЛ... КОГДА АННА АХМАТОВА И ЛИТЕРАТУРОВЕД БОРИС ТОМАШЕВСКИЙ ОТДЫШАЛИСЬ И ОГЛЯДЕЛИСЬ, АННА АНДРЕЕВНА УЗНАЛА ЭТИ СТАРЫЕ СТЕНЫ...

ПРОШЛО УЖЕ БОЛЕЕ четверти века с тех пор, как она бывала здесь – в знаменитом артистическом кабаре «Бродячая собака». В 1943 году, заканчивая в Ташкенте, в эвакуации, первую версию «Поэмы без Героя», Анна Андреевна снова вспомнит этот знаменитый петерский кабачок: «На Исаакьевский ровно в шесть... // Как-нибудь побредем по мраку // Мы отсюда еще в «Собаку»... Но вернемся в Петроград – в тот шумный, веселый подвал, пропахший вином, табаком и духами. «Бродячая собака» прожила короткую, но яркую жизнь, став символом эпохи Серебряно-

го века. Что же она собой представляла? В мемуарах ее посетителей можно встретить разные мнения – от восхищения до презрения. Из воспоминаний, как из осколков калейдоскопа, легко сложить причудливый узор. Однако воспоминания субъективны, а потому полученную яркую картинку не стоит воспринимать как фотографию.

ОТ «КОТА» К «СОБАКЕ»

Все началось с французов. Впервые идея ночного клуба для поэтов реализовалась в Париже в 1881 году, это был знаменитый Chat Noir – «Черный кот». Кабаре быстро стало самым популярным ночным заведением Пари-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Афиша парижского кабаре на Монмартре «Черный кот». Литография Т.-А. Стейнлена. 1896 год

жа. Вскоре подобные заведения стали появляться и в других европейских городах. В России при Александре III о подобном мечтать не приходилось, государь бы не одобрил.

С «французами» понятно. Но и от русских «родственников» никто не открешивается. В «прадеды» «Бродячей собаки» можно записать и «Зеленую лампу» с «Арзамасом», и собрания «Могучей кучки», и много кого еще. Успеху «Бродячей собаки» предшествовало и несколько опытов «русского кабаре». Тут в первую очередь нужно вспомнить об актерском клубе «Летучая мышь», открытом в феврале 1908-го в Москве силаями актеров МХТ. Другим предшественником «Собаки» был театр «Дом интермедиий», работавший в Петербурге в 1910 году при участии Мейерхольда и Бориса Пронина. О собраниях в «Башне» Вячеслава Иванова тоже не следует забывать.

Мечта о клубе, в котором творческие личности чувствовали бы себя непринужденно, витала в воздухе, нужен был энтузиаст-организатор. И он нашелся. Им стал Борис Пронин – выходец из семьи черниговских разночинцев. Он учился сначала в

Чествование К. Бальмонта в «Бродячей собаке»
8 ноября 1913 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Петербургском, затем в Московском университете, откуда был исключен как участник студенческих волнений и выслан из города. Много путешествовал. Вернувшись в Москву, поступил в Школу Московского Художественного театра по классу режиссуры. В 1905 году Станиславский рекомендовал Пронина Мейерхольду, и тот взял Бориса своим помощником.

Уже в то время Пронин вынашивал идею ночного кабаре. Примечательно, что много позднее, в 1930-е, вернувшись в Ленинград, Пронин поселился в доме, где раньше находилась «Бродячая собака». Но это другая история.

Замысел кабаре для богемы возник одновременно с созданием «Общества интимного театра» осенью 1909-го. Основателями общества были режиссеры Александр Мгебров, Николай Евреинов, Федор Комиссаржевский, Борис Пронин, а также писатель Алексей Толстой. Реализовать задуманное Борис Пронин пытался в Москве, но не вышло. Он переехал в Петербург, охваченный мечтой создать «общину безумцев», по выражению Мейерхольда. Помещение Пронин искал долго и наконец выбрал подвал в доме Дашкова (№5 по площади Искусств), в котором жил. Когда-то в этом подвале хранили вина, но теперь он пустовал. Пронин арендовал помещение, его щедро поддержали меценаты. Борис Пронин стал арендатором и владельцем клуба – именно так зарегистрировали это заведение у градоначальника, а для руководства будущим кабаре сформировали комитет членов-учредителей. Так в 1912-м в Петербурге родилась «Бродячая собака»... Кабаре основывалось как общественное заведение, потому официально было зарегистрировано как клуб при «Обществе интимного театра». Открытие «Подвала Общества интимного театра» состоялось в ночь на 1 января 1912 года. Гостям разослали специальные приглашения.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ЛЕГЕНДА О ДВОРНЯГЕ

«Мильй, мама, голуба, – кричал Пронин. – Все будет! Все чудесно устроится... Ах, да, все будет замечательно!» – вспоминал писатель Борис Зайцев. Ну как такому куражу не поверить?.. Бориса Пронина считали душой «Собаки». В артистических кругах имя этого обаятельного придумщика и мечтателя знали все. Пронин не был поэтом или писателем, но он был частью той творческой силы, которая совершила много блага для общего дела. Без неугомонного Пронина с его проектами не было бы ничего: безумных фантазий,очных застольй – того веселого, бесшабашного и

Борис Константинович Пронин (1875–1946), актер, режиссер, театральный деятель

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Федор Федорович Комиссаржевский (1882–1954), театральный режиссер, педагог, художник

лихого, о чем впоследствии с грустью вспоминали очевидцы. Не было бы «Бродячей собаки». Неугомонный Пронин умел талантливо мечтать и заражать своими фантазиями окружающих. На его визитных карточках значилось: «Почетный доктор эстетики». Собеседника он забрасывал словами, заключив в объятия. Какие-то из его бесчисленных проектов в конце концов «наворачивались», как выражался «доктор эстетики», но это его нисколько не обескураживало. «Ба! Кого я вижу?! Сколько лет, сколько зим! Где ты пропадал? Иди! – Жест куда-то в пространство. – Наши уже все там». И бросается немедленно к кому-нибудь другому. Свежий человек, конечно, озадачен этой дружеской встречей. Не за того принял его Пронин, что ли? Ни чуть! Спросите Пронина, кого это он только что обнимал и хлопал по плечу. Почти, наверное, разведет руками: «А черт его знает...» – вспоминал поэт Георгий Иванов. В Борисе очаровывало все – от изящных рук до горящих глаз и жизнерадостной улыбки. Он горел тем, чем занимался, был предан искусству и влюблен в него. Только человек, способный «вдувать энтузиазм», и мог организовать такое безумное кабаре, каким была «Бродячая собака». Революции происходили и в стране, и в искусстве: художники искали новые формы. Горячие, талантливые, дерзкие – они жили творчеством, а «Собака» стала их бесшабашным Ноевым ковчегом.

Общепринятые правила поведения в подвале не работали. Поэтому заседатели стремились эпатировать окружающих, акцентируя свою маргинальность, подлинную или вымыщенную. Как вспоминал в эмиграции литератор Виктор Ховин, «там не скрывалось то, что вообще принято было скрывать. Там были откровенные алкоголики, нескрывающиеся наркоманы. Любовные интриги завязывались у всех на глазах. Все знали, что одна поэтесса имеет очаровательную записную книжку, куда тщательно заносит каждого своего любовни-

ка, общее число которых давно перевалило за 100. Там неудивительно было услышать от мужчины, что он «вчера был у своего любовника», и вообще вряд ли что-нибудь такое могло удивить или шокировать обитателей этого подвала».

История названия кабаре имеет несколько версий. По мнению одного из основателей кабаре, художника Сергея Судейкина, дело было так: после осмотра подвала ему с Прониным попался бродяга, продававший щенка. Пронин умилился и попросил Судейкина: «Купи его, это название для нашего подвала». За два серебряных рубля Судейкин купил «бродячую собаку». По версии режиссера Николая Петрова (Коли Петера), однажды во время поисков помещения для кабаре Алексей Толстой сказал: «А не напоминаем ли мы сейчас бродячих собак, которые ищут приюта?..» Сам Борис Пронин писал: «У меня возникла мысль, что надо создать романтический кабачок, куда бы мы все, «бродячие собаки», могли приткнуться, дешево покормиться и быть у себя – бродячие, бесприютные собаки. Я боялся назвать «Собаку» – «Собакой», думал, что название должно быть острым, но оно придет само, а мысль была именно о бездомных собаках».

Бродячий пес оказался точной метафорой. В стихотворении «Славные псы» Бодлер уподоблял артистическую богему беспризорным псам. Холодный, пропахший вином подвал, сырый и неуютный днем, преображался ночью для веселого творческого кутежа. «Бродячая собака» стала кабачком, в который приходили для общения с близкими по духу людьми, отдохнуть и повеселиться. Поначалу решили принимать гостей по средам и субботам. Но в итоге двери были открыты не только в эти дни, вернее, ночи. Маскарады, поэтические вечера, капустники, лекции, диспуты, бенефисы, танцевальные спектакли, в крайнем случае банкеты. Театральные постановки не делили зал на играющих и зрителей.

Ю.П. Анненков.
Портрет
Н.В. Петрова.
1921 год

сле открытия утонул... А в свою последнюю новогоднюю ночь объявил, что Высотская и Евреинов наилучшим образом дополнили его творение.

Пресные люди замесить «Собаку» не могли. Отцы-основатели и завсегдатаи были яркими личностями. Сергей Судейкин и Николай Сапунов слышили самыми изысканными театральными художниками тех дней. Они оба стояли у истоков «Собаки». Несмотря на полное несходство характеров, Сапунов и Судейкин дружили, хотя и странно: все время ссорились. Сапунов был фигурой загадочной: суеверный, скрытный отшельник, жил предельно скромно. Судейкин, наоборот, ценил пышную роскошь, слыл денди. Высокомерный эстет-эротоман, презрительно цедивший слова, он преображался, когда речь шла об искусстве. Отбросив маску циника и сноса, Судейкин превращался в удивительно интересного человека. Он подчинял себе не только цвета и форму, но и жену – Ольгу Глебову-Судейкину. Одевал ее в причудливые наряды или раздевал... Она была не просто музой – Коломбиной в руках кукольника. А Пьеро стал поэт Михаил Кузмин, автор второго «собачьего» гимна, в строках которого упоминаются ключевые фигуры кабаре (первый гимн кабачка сочинил поэт Всеволод Князев. – Прим. авт.):

<...>

Тут и Белкин, и Мещерский,
И кубический Кульбин.
Словно ротой grenadierской
Предводительствует дерзкий
Сам Судейкин, сам Судейкин,
сам Судейкин господин.

<...>

«Кубический Кульбин» – это, конечно, художник и музыкант, теоретик авангарда Николай Кульбин, попавший в «Собаку» на третий день ее существования. Борис Пронин называл его королем богемы и философом, а Николай Иванович, между прочим, был военным врачом Генерального штаба Российской армии, действительным статским советником. Образования

Анна Ахматова
и Ольга Глебова-
Судейкина
в квартире
на Фонтанке, 2.
1924 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

в области искусства у Кульбина не было, но богема его знала и уважала. Он горел творчеством и умел находить таланты.

Именно Кульбин и Судейкин расписали стены кабаре. Болезненное буйство красок напоминало «Цветы зла» Бодлера. Увы, живописных арагатов и красавиц убили сырость и время. Над входом в кабаре висел герб, нарисованный художником Мстиславом Добужинским: печальный пес придавил лапой античную маску. Приглашения в «Собаку», афиши, программы печатались на гербовой бумаге с изображением этой эмблемы и надписью: «Художественное общество интимного театра – СПб».

Гости попадали в подвал, спустившись по узкой крутой лестнице под навесом. При входе в основной зал стояла конторка, на ней лежала большая «Свиная книга», фолиант в свиной коже.

Гости, кроме «фармацевтов», должны были в ней отметитьсь. Первую такую книгу принес в вечер открытия подвала Алексей Толстой. Его стихотворением и начиналась летопись. Толстой предложил строгий пункт устава кабаре: «Никому ни за что не выплачивается никакого гонорара. Все работают бесплатно». «Свиные книги», увы, пропали в годы революции.

На первом собрании «Бродячей собаки» Николай Сапунов постановил: «Наглоухо не пускать фармацевтов и дрогистов!» (по-французски *drogquist* – торговец аптекарскими товарами. – Прим. авт.). То есть чужих, прежде всего по духу. «Фармацевтами» называли далекую от искусства публику – во фраках и манишках, пахнущих одеколоном и пошлостью, – филистров. Но презрительное отношение к «фармацевтам» не мешало «собачникам» брать с них деньги и оплачивать вино, которое пила богема. Ведь «фармацевт», оплачивающий вино поэта, это уже «меценат»! По свидетельствам очевидцев жизни подвала, «фармацевты» появились лишь через полтора года после открытия, судя по всему, как

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

мера вынужденная, цель которой – сохранение кабаре.

Помощником Пронина был Николай Цыбульский, он же Цибуля, он же граф О'Контрэр – композитор, не окончивший консерватории, блестящий пианист-импровизатор. Когда открылась «Собака», ему было 33 года, и он уже был законченным алкоголиком, обрюзгшим и неряшливым. Живчик Пронин и скептик Цыбульский составляли забавный дуэт, дополняя друг друга. Раз, выпив

Николай
Иванович
Кульбин
(1868–1917),
художник.
1913 год

Ю.П. Анненков.
Портрет
Н.Н. Евреинова.
1916 год

не в меру, Пронин, обычно миролюбивый, затеял ссору с гостем – неким адвокатом. Повод для ссоры был пустячным, однако адвокат вызвал «хунд-директора» (hund по-немецки – «собака». – Прим. авт.) на дуэль. Наутро протрезевший Пронин и Цыбульский стали совещаться. Отказаться от дуэли – позор. Решили драться на пистолетах. Пронин остался дома, направив секундантом к адвокату Цыбульского – трезвого и выбритого. То ли Цыбульский оказался прекрасным дипломатом, то ли адвокат – «замечательным типом» или же сработал коњяк, но в итоге распили его на троих. «Бродячая собака» была маленьким государством, идеологом которого считался Николай Кульбин, а «кабинет министров» возглавлял «хунд-директор» Борис Пронин. Имелась и своя награда – орден Собаки.

Кабаре было закрытым. Свободный вход – для «действительных членов», для гостей – по пригласительным билетам. «Собака» была первым и едва ли не единственным кабаре в России, деятельность которого не подразумевала финансовой выгоды. Однако билеты на вход для посторонних были очень дорогими...

ГОСТИ СЪЕЗЖАЛИСЬ В ПОДВАЛ

Собирались обычно часов в одиннадцать вечера и расходились в четыре-шесть утра. Актриса Лидия Рындина вспоминала, что заранее приготовленной программы в кабачке не было, импровизации возникали сами собой. Завсегдатаями заведения были многие поэты: Анна Ахматова, Николай Гумилев, Михаил Зенкевич, Осип Мандельштам, Владимир Маяковский, Велимир Хлебников, Георгий Иванов, Георгий Адамович. Захаживала Тэффи, приходили Николай Клюев, Михаил Кузмин, Алексей Толстой, Елена Гуро, художник Мстислав Добужинский. Навещал «Собаку» и Лев Бакст.

Когда приезжали известные иностранцы, кабаре работало по

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ночам всю неделю. Так прошли недели поэтов Филиппо Маринетти, основателя футуризма, и символиста Поля Фора. А вот неделя знаменитого актера-комика Макса Линдера не удалась. «Мы, художественная богема, внезапно как бы нагло застегнулись в присутствии этого чуждого нам элемента, как бы чужеродного тела, попавшего в бульон, пропитанный хорошо уживающимися друг с другом бактериями», – ядовито вспоминал о визите Линдера поэт Владимир Праст.

В подвал во время гастролей МХТ в Петербурге заглядывал Евгений Вахтангов. А вот Все-волод Мейерхольд здесь не появлялся, так как «топорщился, потому что к тому, что не он придумывал, он очень ревниво относился». Не бывал в подвале и Александр Блок, для которого «Собака» была «литературным мейнстримом». А вот его жена Любовь Дмитриевна захаживала сюда.

Приход нового гостя возвещали ударом в огромный барабан, который стоял в большом зале. Иногда обязанности «стражника» исполнял Владимир Маяковский, «волжавший на барабане в позе раненого гладиатора». Анна Ахматова вспоминала: «Однажды, когда я вошла, застала его (Маяковского. – Прим. авт.) прямо у входа полулежащим возле большого турецкого барабана. Как только в дверях появлялся кто-нибудь из его соратников-футуристов, он мощным ударом возвещал о приходе «мэтра». Мой приход он отметил широким помахиванием шляпы, для чего встал из-за барабана».

В «Собаке» был свой мир: дерзкий праздник, маскарад, фейерверк экспромтов, но «башней из слоновой кости» ее считать не стоит. Нравы кабаре отличались демократичностью, а ее деятельность была подчинена искусству. Потому заведение притягивало и просеивало как сито людей разных, но безусловно талантливые и творческие натуры в нем оседали.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Тамара
Платоновна
Карсавина
(1885–1978),
балерина.
1910-е годы

Билет Анны
Ахматовой
на вечер
танцев Тамары
Карсавиной
в кабаре
«Бродячая
собака»

щица Ольга Судейкина. Исступленная пластика этой белокурой вакханки с лицом мадонны в дерзком «Плясе козлоногих» запомнилась многим. В тот день, когда в подвале шел «Пляс...», стало известно о смерти поэта Всеволода Князева – возлюбленного Ольги, а в прошлом – Паллады и Кузмина.

Балерину императорского театра Тамару Карсавину «Собака» приняла восторженно: ее подняли вместе с креслом. Этот ритуал дал балерине право свободного входа в закрытый клуб. Однажды ночью «богиня воздуха» танцевала в подвале под музыку XVIII века: не на сцене, а прямо среди публики. Пятьдесят балетоманов затаив дыхание смотрели, как Карсавина выпускала амура из клетки, свитой из роз.

Очень веселым был вечер, посвященный «юбилею» Козьмы Пруткова, когда Поликсена Соловьева, художница и поэтесса, сестра философа Владимира Соловьева, просидела весь вечер с высоко поднятым корнем хрена – зрила по-прутковски в корень!

Все мы бражники здесь, блудницы,
Как невесело вместе нам!

На стенах цветы и птицы
Томятся по облакам.

<...>

О, как сердце мое тоскует!
Не смертного ль часа жду?
А та, что сейчас танцует,
Непременно будет в аду.

Это ахматовское стихотворение можно назвать третьим гимном кабаре, негласным. Анна Андреевна была в кабаре, безусловно, королевой. К ней, затянутой в черный шелк, подходили знакомые и не очень, «полуласково, полулениво» касались ее тонкой руки – и в том числе Маяковский с амикошонским: «Пальчики-то, пальчики-то, боже ты мой!» Кстати, именно в «Собаке» произошло знакомство Ахматовой и Гумилева с Маяковским. Мандельштам представил знаменитого поэта-футуриста Анне Андреевне, а Гумилев, прежде чем обменяться с ним рукопожатием, попросил выяснить, «не водил ли Маяковский хулу на Пушкина»...

КОНЕЦ ПРЕКРАСНОЙ ЭПОХИ

11 февраля, 1915 год. В тот вечер в кабаре было «обилие народа», причем публика съехалась самая отборная, свои, не «фармацевты». Но вечер не задался. Спасти положение решил Маяковский. Он обратился к Пронину, о чём тот вспоминал: «Боричка, разреши мне выйти на эстраду, и я сделаю «эпатэ», немножко буржуев расшевелю». Тогда я, озлобленный тем, что вечер получился кислый, говорю Вере Александровне: «Это будет замечательно», и она говорит: «Шпарьте!» Маяковский вышел и прочитал «Вам!». Это имело действие грома, получились даже обмороки».

Появление Максима Горького в «Собаке» было, по-видимому, единичным. Тогда-то он и произнес знаменитую фразу: «В футуристах все-таки что-то есть!» Вероятно, этот отзыв должен был стать моральной поддержкой для Маяковского, которого буквально в эти же дни травили бульварные газеты за дерзкий демарш с чтением «Вам!» в кабаре.

Газеты обвиняли кабачок в «развратной обстановке», особенно после дебоша Маяковского. Но журналисты многого не знали, в то время как посетители «Собаки» видели всю подоплеку богемной жизни и описали ее в воспоминаниях, правда, не без искажений. Кстати, между завсегдатаями кабаре уже через много лет после закрытия подвала разгорелся заочный спор о «Собаке». Одним из первых в

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

защиту кабачка выступил Маяковский: «Богема – это было общество изысканно-остроумных и талантливых людей, и ходили туда отнюдь не пьяствовать». Пронин также отстаивал честь своего детища, уже спустя годы после закрытия кабаре: «В «Собаке» нравы были застенчивые, оргий и связанных с ними гадостей не было. <...> Сюда привлекали разговоры, споры...»

С.Ю. Судейкин.
Русские
в Париже.
Рисунок
для «Бродячей
собаки» (Борису
Пронину).
1912 год

– Для Георгия Иванова все происходившее в кабаре явилось фарсом с трагическим концом, если иметь в виду революцию. Возможно, какая-то обида на Россию за то, что она стала другой, обида на Ахматову, за то, что она, по-христиански разделив судьбу своего народа, осталась; на свою память о былых временах и на многое другое. Эта обида и вылилась в его воспоминаниях и трогательной иронии над Ахматовой, с нежностью вспоминавшей «Собаку». Нарушение сухого закона во время военных действий – официальная причина закрытия кабаре. Но, анализируя воспоминания посетителей и руководителей кабаре, легко понять, что существовали и внутренние причины. Это сама изменившаяся из-за Первой мировой войны атмосфера общества, а также то, что кабаре изжило себя в художественном смысле. Все это и побудило Пронина покинуть подвал и перебраться в дом Адамини, где разместился «Привал комедиантов» – своеобразное продолжение «Бродячей собаки», хотя и принципиально другое по сути, – размышляет историк Виталий Рыженков, автор книги «Николай Евреинов в культурной жизни России и Зарубежья».

3 марта 1915 года «Собака» закрылась.

До сих пор не опубликованы полностью воспоминания Бориса Пронина, считавшего этот «подвал» главным достижением своей жизни. Печально, но фотографий, на которых можно было бы увидеть интерьеры старого кабаре, почти нет...

«Те сборища ночные» любила не только Ахматова, многие вспоминали о кабаре с грустью как об утраченной эпохе. Та «Бродячая собака» была легендой, и воскресить ее невозможно. Но гений места жив: «Бродячая собака» на том же месте ждет гостей, изменился только вход. Но это уже совсем другое заведение. Пес-бродяга совсем другой породы. 🐶

Чествование
К. Бальмонта
в кабаре
«Бродячая
собака». Шарж
М.Л. Шафрана.
1913 год

ЖИЗНЬ В ДРУГОМ ИЗМЕРЕНИИ

АВТОР

ЗОЯ МОЗАЛЕВА

ФОТО

АЛЕКСЕЯ ТАРАСИКОВА

КОРДОН ГЛУБОКИЙ – ТЕРРИТОРИЯ, КОТОРАЯ КАК БУДТО НАХОДИТСЯ В ДРУГОМ ИЗМЕРЕНИИ. КАЖЕТСЯ, ЧТО ЭТО МИР, СУЩЕСТВУЮЩИЙ В ИНОЙ ЭПОХЕ. ВПРОЧЕМ, ДЕЛО, ПОЖАЛУЙ, НЕ В ЭПОХЕ. ПРОСТО ЗДЕСЬ СОВСЕМ НЕ ДУМАЕШЬ О ВРЕМЕНИ – ЗДЕСЬ ЖИЗНЬ ОЩУЩАЕТСЯ ПО-ДРУГОМУ...

СРЕДИ МЕЩЕРСКИХ лесов затерялся небольшой островок, который стал целым миром для двух людей. Домик, скромное хозяйство, огородик, колодец, пруд, лес, пасека... Вот и все, из чего состоит вселенная супругов Клопковых. Дмитрий Андреевич и Анна Петровна живут в глубине рязанских лесов более полувека. Вся их жизнь прошла здесь, на кордоне.

ВЕРНЫЕ ГЛУБОКОМУ

Добраться до заповедного угла не так-то просто. Дорог сюда практически нет. Зима и межсезонье делают кордон совершенно недоступной территорией: снег и слякоть полностью

отрезают этот уголок от «материки», а летом, когда стоит сухая погода, по лесным дорогам пробраться можно, главное – не заблудиться. Так что гости на кордон заглядывают нечасто. Хотя, конечно, когда-то все было иначе, Анна Петровна и Дмитрий Андреевич помнят совсем другие времена в жизни кордона.

«Кругом колхозы и совхозы работали на полную катушку, пилорама была неподалеку, постоянно машины ездили. Доски, тёс, груз – жизнь кругом кипела. – По маленькой, худенькой Анне Петровне очень трудно определить ее возраст – быстрые, легкие движения никогда не позволят дать ей 82 года. И рассказывает она

обо всем очень быстро и живо, часто всплескивая руками. – Поселок находился в пяти километрах – там и медпункт был, и школа четыре класса, и клуб... Сейчас там остались четыре жителя. А до нас теперь даже охотники не доезжают».

От прежней, кипящей и бурлящей жизни остались лишь воспоминания. Летом в тишине, которая окружает кордон Глубокий, слышно только жужжание комаров, мошки, оводов – уж чего-чего, а жалящих обитателей на кордоне великое множество, они и составляют основное «население» этих мест. Зимой единственный постоянный аккомпанемент кордонной жизни – завывание ветра. Нам, избалованным благами цивилизации и привыкшим к непрерывному информационному потоку, даже представить невозможно, как здесь можно жить. А Клопковы другой жизни не представляют, да и не стремятся к ней – каждый год дети зовут их перебраться в более благоустроенные условия, но Дмитрий и Анна хранят верность своему Глубокому.

Шестьдесят лет вместе, 52 года из них – вдвоем на кордоне Глубокий. У супружов Клопковых можно поучиться умению ладить друг с другом

ЛЕСНЫЕ ХЛОПОТЫ

И он, и она родом из окрестных мест, из Спасского района. «Она с Бельского, а я – с Кидусово». – Дмитрий Андреевич, в противоположность супруге, обо всем говорит спокойно, основательно. «Он ходил ко мне в Бельское, ухаживал», – сразу живо откликается на воспоминания Анна Петровна.

«Меня в 1950-м призвали в армию и отправили в Германию, там и служил – после войны в Германии служили лет по пять, заменить было некем, – продолжает Дмитрий Андреевич. – Вот и я прослужил срочную три года и девять месяцев, а потом еще на сверхсрочную остался – служил хорошо, был заведующим офицерской и солдатской столовой. Пять лет прослужил, и командир полка не хотел меня отпускать. Но тут уж я взвыл – в Россию хочу. Как вернулся, вскоре мы и познакомились. Она в Бельском в пекарне работала. В 1955 году поженились. А потом вместе решили махнуть в лес – в 1963-м приехали сюда. И никогда об этом решении не жалели».

Дмитрий Андреевич поначалу трудился совсем не в лесной сфере. Работал завклубом, три года был продавцом в магазине. До сих пор помнит особенности советской торговли: «Тяжело было работать – народу много, а тебе привезут мешок зерна и дели его как хочешь на пятьсот человек... Поэтому когда лесничий ко мне приехал с предложением отправиться на дальний кордон, я согласился с радостью. Лес мне как-то ближе по душе, вот и решил я работать в лесу».

Согласился на новую работу, а по сути, выбрал судьбу, которую с этого момента можно определить просто – «кордон Глубокий». Махнул он тогда в лесные чащобы, и жена, сама собой, вместе с ним. Он – лесник, она – его сотрудник. Единственный. Все делали вместе. «Весной мы сажали, зимой делянки спиливали, – вспоминает Дмитрий Клопков, – потом почву подготавливали, пахали, сажали – восстанавливали лес. Мы с ней вдвоем здесь поллеса посадили. Каждую делянку знали как свои пять паль-

цев. А они были большие – и по три гектара, и по пять. Работы всегда хватало». «В лесу забот всегда полно, – тут же подхватывает Анна Петровна. – Уход, освещение, прочистка... Главная лесная проблема – береза. Она как сорняк. Растет быстро, солнце забирает, не дает рости другим деревьям. Вот посадишь сосенки и следишь, чтобы береза не погубила. Если ее чуть запустить, она заполонит все». У тружеников леса мнение о березах, мягко говоря, идет вразрез с тем романтичным образом, который создают поэты... А в целом отношение «мещерских робинзонов» к природе, пожалуй, не менее трепетное, чем у лириков. Может быть, выразить они его не могут так же красиво, но о лесе говорят как о близком человеке, родном детище. Он и правда для них родной и близкий, с ним они скреплены невидимыми узами, разорвать которые нельзя. Поэтому и после того, как все кордоны в округе прекратили свое существование, Глубокий остался. Просто для лесников Клопковых кордон был не просто местом работы – он был их жизнью. И остается – вот уже 52 года...

ПО СОСЕДСТВУ С КАБАНАМИ

Клопковы привыкли жить просто, в полном единении с природой. Они умеют ее понимать, чувствовать. Может быть, потому, что сами стали частью этого леса. Им и в голову не приходило бояться чего-то, хотя поводов для страха можно найти немало – одного того, что жили они вдвоем в глухом лесу, уже достаточно. А учитывая, какие раньше были леса, понятно, что и зверей здесь бродило немало – можно было выйти на порог своего дома и обнаружить под дверью какого-нибудь дикого гостя.

«Волков было много, лоси и кабаны ходили стадами. – Воспоминания лесника Клопкова не такие уж далекие – всего несколько десятилетий прошло, а изменилось очень многое. –

Пойдешь за коровой – смотришь, из леса кабаны идут к дубняку, желуди собираять». На вопрос, не страшновато ли с такими соседями, Дмитрий Андреевич только улыбается и пожимает плечами: «У них свои дела, у нас свои. Мы не боялись. Они нас увидят, еще больше испугаются».

И хотя не раз бывало, что опасности бродили рядом с домом – то собаку прямо в будке волки задерут, то козу поймают, – все равно страха Клопковы не испытывали, ведь для них в такой отшельнической жизни все кажется естественным. «А чего бояться? – смеются супруги и рассказывают, дополняя друг друга: – Мы всегда всем открывали – мало ли что с человеком в лесу может приключиться». «Много всячего бывало. Ночными гостями чаще всего становились шоферы и трактористы – сломается машина или трактор, а кругом зима, куда им деться? Всех ночевать оставляли. Сколько случаев было – пьяным заедет не туда, а то и того хуже, опрокинет трактор и не знает, что делать, – вспоминает Дмитрий Андреевич. – Придет, спрашиваю: «Ты воду с блока слил?» – «Нет». Берешь фонарь и идешь сливать воду, чтобы блок от мороза не лопнул. Трактор так и остается до поры лежать вверх тормашками, а пьяного тракториста веду к нам на ночлег. Хорошо, за все время работы обошлось без случаев, чтобы водителя придавило... А вообще, подобные приключения бывали не раз. Раньше же здесь день и ночь трактора гудели. Это сейчас все замерло... Остались только три лесника – лесничий и два его помощника. Раньше было двенадцать лесников – двенадцать обходов. Если где-то что-то загорится, сразу всех лесников на машину и туда. За полчаса-час всё тушили. Да еще и пожарная вышка была 35 метров высотой – огонь сразу отслеживали. Вот и удавалось избежать

сильных пожаров, не то что сейчас», – вздыхает лесник.

Огненное лето 2010-го, которое оставило в лесах Рязанского края страшные черные проплешины, стало испытанием и для обитателей кордона Глубокий. Огонь подходил совсем близко к двору, в любой момент мог проглотить и маленький домик – на этот случай Клопковы всегда держали на ходу лодку, чтобы в случае катастрофы можно было перебраться на другой берег озерца, что совсем рядом с домом. «Здесь вся сторона красная была – так лес полыхал. В 1972 году было не так, – вспоминает Дмитрий Андреевич. – А сейчас на месте тех пожарищ стоит голый черный лес. Кладбище. Деревья гниют и падают. А ведь это в основном молодые леса – им по сорок-пятьдесят лет, те, которые выросли при нас».

Стихия пощадила лесных жителей, дом уцелел, и жизнь Клопковых пошла своим чередом – по правилам, заведенным много лет назад и не меняющимся уже более полу века.

ПРИ СВЕТЕ КЕРОСИНОВОЙ ЛАМПЫ

Заботы кордонной жизни просты и понятны. Принести воды из колодца, напечь пышек, которые заменяют хлеб, покормить коз, приготовить еду, поужинать при свете керосинки... Кажется нереальным, что люди живут без электричества, но сами Клопковы никакой проблемы в этом не видят: «У нас был генератор, когда дети были маленькие, телевизор смотрели. Да и сейчас у нас и радио работает, и телевизор иногда можно включить – новости в основном смотрим. А с мобильными телефонами вообще стало просто – в любой момент можно поговорить с кем угодно. А для телефона у меня солнечная батарея, – объясняет Дмитрий Андреевич. – Если хорошо зарядить, то на всю зиму хватает». Жизнь без электричества для лесных жителей привычна, проблема у Клопковых в другом: трудно найти стекло к керосиновой лампе – не пользуется в наше время такой товар спросом. А без керосинки на кордоне никак – это главный источник света... Сыну Клопковых Юрию удалось отыскать нужную «запчасть», да вот

В XXI веке трудно найти запчасти для керосинки – трудно представить, что для кого-то это по-прежнему единственный источник света

В затерявшемся в глухи мещерских лесов домике всегда принимают гостей с открытой душой

беда – диаметр не тот, Анна Петровна сама потихонечку расширила ободок, и, к счастью, лампа снова может функционировать. «Радуемся – теперь горит. Снова со светом! – делится Анна Петровна. – Следим, чтобы ничего не попало на стекло, боимся, как бы не лопнуло».

Вообще же, Клопковы на свою жизнь не жалуются. Племянник из соседнего села не забывает – регулярно привозит продукты, лекарства. Самое главное, чтобы хватало комбикорма – хозяйство хоть и небольшое, но и кур, и коз кормить надо. Дети часто приезжать не могут: и сын, и дочь живут довольно далеко, но, как только есть свободное время, обязательно едут в глухомань рязанских лесов – туда, где прошло их детство. Начальную школу они окончили в соседнем селе, продолжать образование пришлось в интернате, а папа и мама регулярно их навещали – для них путь в 13 километров по лесам не казался такой уж дальней дорогой. «У нас вообще здесь хорошо было. Всегда скотину держали – корову, телку, лошадь, овец с ягнятами 25 штук, – вспоминает Дмитрий Андреевич. –

Огород у нас был хороший». «А на Новый год обязательно наряжали елку, – добавляет Анна Петровна. – Да мы и сейчас наряжаем. Каждый год сын зовет к себе переехать, а мы все говорим – ну, еще годик, еще годик… Лет нам, конечно, много – мне 82, Дмитрию Андреевичу – 87… Но пока силы будут, никуда не уедем». «Да вообще-то у нас здесь неплохо, – продолжает Дмитрий Андреевич, – пенсию привозят раз в месяц. И письма – тоже, правда, писем сейчас почти нет – все больше по мобильнику общаемся. И избирательный участок у нас тут даже был, – добавляет лесник, смеясь. – Когда были выборы президента, мне позвонили, сказали, мол, мы здесь за вас проголосуем. Я сказал, что ни в коем случае, так они с урной сюда приезжали».

ПАРАДОКСЫ КОРДОННОЙ ЖИЗНИ

Они не привыкли грустить, ни на что не сетуют, не жалуются. Об одном только печалятся люди, всю жизнь преданные лесу. «Обидно, что кордоны забросили, что так мало внимания уделяют лесу, – переживает

Дмитрий Клопков. – Да вообще отношение людей к тому, что их окружают, удивляет. Раньше туристы были или пешком, или на велосипедах, а мусора после себя никогда не оставляли. Теперь все на машинах, а по всему лесу горы мусора лежат. Как так получается?..» Не понять старому леснику такого парадокса современной жизни…

Недавно Дмитрий Андреевич перенес инсульт, но все равно не покинул родной кордон. Дочка Тамара, медицинский работник, приехала из Житомирской области и сама выхаживала отца. «Сейчас ничего, двигаюсь помаленьку, – не унывает Дмитрий Андреевич. – Ничего, будем крепиться и надеяться на лучшее». Казалось бы, жизнь на кордоне всегда была тяжелой, но при этом его обитатели сумели сохранить какое-то невероятное жизнелюбие и оптимизм, общаться с ними очень легко, и на душе от этого общения становится тепло. Как при всей тяжести здешней жизни удалось двум местным жителям сохранить такую удивительную душевную легкость? Наверное, это загадка кордона Глубокий…

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

УХОДЯЩАЯ НАТУРА ЕНИСЕЙСКА

АВТОР

МИХАИЛ ТАРКОВСКИЙ

«ГОРОД РАНЕ В ЕНИСЕЙСКЕ БЫЛ», – ГОВОРИЛ МОЙ СОСЕД ДЯДЯ ГРИША, ГРИГОРИЙ ТРОФИМОВИЧ ПОПОВ, МАТЕРЕЙШИЙ СТАРИК, СРОДНИВШИЙСЯ С ЕНИСЕЕМ И СИБИРСКОЙ СТАРИНОЙ ДО ТАКОЙ СТЕПЕНИ, ЧТО, КАЗАЛОСЬ, ОТОРВИ ЕГО ХОТЬ НА МИНУТУ, ПОГИБНЕТ ОТ ГОЛОДА И УДУШЬЯ.

«Город ране в Енисейске был...». В этой фразе заключается судьба стаинных сибирских городов, которые, будучи во времена освоения Сибири опорными и центральными, к XX веку оказались в стороне и уступили ношу столичности Красноярску и Новосибирску. Енисейск основали на левом берегу Енисея в полу-

сотне километров ниже устья Ангары в 1619 году тобольские казаки во главе с Максимом Трубчаниновым: «...пошли за волок в тынгусы и Тынгусской острог... ставили».

В 1730–1740 годах сюда из Тобольска ходило более двух десятков 30-тонных судов. В ту же пору здесь проходила ярмарка с пушным отделом – самым большим в Сибири. Суда шли с Оби

по Кети до острога Маковский, а дальше до Енисейска на лошадях, или, как говорят в Сибири, на конях.

До конца XVIII века путь из Томска на Иркутск проходил именно через Енисейск, но после обустройства нового Сибирского тракта, через Красноярск, началось угасание этого важнейшего городка. Его судьба лишь отчасти сходна с судьбой Томска, минув который в 1893–1896 годах прошел Транссиб. Именно железная дорога превратила малоизвестный Новониколаевск в столичный Новосибирск и лишила Томск центральной роли. Но если этот первый в Сибири университетский город лишь несколько померк перед гигантским Новосибирском, то с ростом Красноярска Енисейск свою роль утратил убийственно.

ИСТОРИЯ И ПРОСТРАНСТВО

Когда я впервые здесь по молодости оказался, то и значения то не придал Енисейску, такому заштатному по сравнению и с Красноярском, и с Абаканом. Я ничего о нем не знал и проникся его духом, только когда стал бывать и интересоваться историей. Оказалось, что в Енисейске служил рядовым казаком Семен Дежнёв. Именно енисейские казаки основали Красноярск, Якутск, Иркутск, Нерчинск. Енисейск стоял на перекрестье путей и, как канаты, держал в трудовых руках связи с огромным Енисеем, Ангарой и Леной, собирая ясак с кетских и тунгусских племен и служа перевалочной базой. В 1642 году здесь был возведен Спасо-Преображенский монастырь. К концу XVII века Енисейск стал в Сибири вторым после Тобольска центром ремесел и торговли. Через Енисейск пролегали торговые пути на Тобольск и Москву, на восток и юг Сибири, на Амур и в Китай.

Енисейск сохранил облик сибирского города XVIII–XIX веков, по сути являясь музеем под открытым небом. Но экспонаты находятся в таком удручающем состоянии, что сердце обливается кровью. Нигде не испытываешь такого чувства запустения и такой любви ко всему уходящему, как в этом тихом городке, поражающем количеством старинных домов и домишек с удивительными наличниками. Купеческие дома,

ФРЕД ГРИНБЕРГ/РИА НОВОСТИ

деревянные, каменные, каменно-деревянные, с несусветными ажурными угловыми верандами на втором этаже, храмы, восстановленные и нуждающиеся в восстановлении, покосившиеся, уходящие в землю избы с наличниками и ставнями, потемневшие от времени заборы... Вольно разросшиеся тополя. Полузаросшие травой могильные плиты в Спасо-Преображенском монастыре. И ты... Со всем этим один на один. С глазу на глаз с бессонно текущим в душу потоком родной земли. Сострадание к ней. Ощущение ушедшего времени, разрывающий сердце взор стари-

Енисейский
Спасо-
Преображенский
мужской
монастырь

ны, и контраст с тем, что испытываешь в сияющих исторических центрах более везучих городов. И мысль: ну почему, несмотря на утрату столичности, нельзя заняться сохранением архитектурного наследия, как это делается в Тобольске, который хоть и тоже в стороне, но несравненно ухоженней Енисейска, в чем во многом заслуга мецената Аркадия Елфимова? Но Енисейск – история особая, и я уверен, его рвущая душу запущенность зачем-то нам дана – наверное, чтобы открыть в себе самый пронзительный род любви.

В Енисейске в Спасо-Преображенском монастыре долгое время жил замечательный человек – отец Севастьян, настоящий старец наших дней, единственный во всей епархии совершивший чин отчитки. К нему ехали со всей Сибири. Теперь он в том самом Маковском, через который шла связь с Тобольском. А в Енисейск приезжают молиться, думать, писать картины. Видно, место такое.

Мне всегда была близка и понятна параллель «человек–страна», «человек–город». Она казалась мне ключом к пониманию отношений между человеком и его землей, хорошо объясняющим и укладывающим в душе отношение к нашей истории и пространству. Когда отождествляешь эти понятия с человеком, то становится очевидной неделимость Русского мира. Ведь не отрежешь себе часть туловища, ногу, кусок головы. Город, городок, деревня так же болеют и выздоравливают, рождаются и клюнятся к закату, оставляя детей в надежде на продолжение жизни. Страна так же, как и человек, испытывает рост и внутреннюю расплюю – гражданскую войну, так же бьется с недугами и недругами, защищая свой очаг.

Мы привыкли рассматривать Русский мир в защитном противостоянии агрессивным цивилизациям, забывая, что порой и смыслы внутри нашего мира меняют пути, и упадок и разрушение вызываются изменением географии жизни и передвижения...

В Енисейске
сохранились
деревянные дома
с удивительными
наличниками

СЛУЧАЙНЫЕ МГНОВЕНИЯ

Обо всем этом я думал прохладным осенним днем, двигаясь по трассе Красноярск–Енисейск. Дорога становилась все задумчивей, асфальт старее, кое-где прерываясь бетонкой, ритмично отдающей в колеса, а редеющие поселки и редкие машины усиливали отрешающее ощущение от этого пути на север. Чем ближе был Енисейск, тем сильнее я волновался – каждая встреча с этим городом особый разговор. Особое усилие и особый вопрос: долго ли город–музей будет погружаться в прошлое, несмотря на обращение в ЮНЕСКО взять его на поруки? И не позорище ли такие обращения, отдающие признанием собственного бессилия? И что будет, когда сменятся поколения и встанет вопрос, кому принять на плечи ношу этого города, понести его образ дальше? Найдется ли вообще кто-то, раненный этим образом?

Уже шли подступы к Енисейску и тянулся промышленный Лесосибирск, который давно перерос Енисейск со своими лесоперрабатывающими предприятиями и огромным речным портом. С самым большим к востоку от Урала Крестовоздвиженским красавцем–собором, построенным в наши дни и архитектурно напоминающим собор Василия Блаженного. И еще с одним строящимся храмом. Все это я видел много раз, но, повторюсь, ехал в Енисейск с новым ощущением. В моих глазах стояли картины молодой красноярской художницы Евгении Аблязовой.

Евгения – я знаю ее не первый год и зову Женей – настоящая гордость нашего края, она, конечно же, член Союза художников России, участница многих выставок, в том числе и международных. Женя занимается еще и преподаванием. Енисейск – Женина тема. Я давно не видел картин, в которых было бы столько материнской заботы к тому, что любишь и хочешь спасти. Под впечатлением от них я записал интервью

Е. Аблязова.
Морозное окно

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Е. Аблязова.
Внезапный снег

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

с Женей, и теперь вместо музыки в машине звучал ее задумчивый голос: «Думаю, главное для художника – найти тему, близкую сердцу и не надуманную. Сейчас в том, что называют современным искусством, многое делается ради денег. А найти свою тему, которая тебя трогает и наполняет, – это большое

счастье. Мне повезло. Я родилась в Енисейске, в месте, которое само по себе напитано глубокой энергией, удивительным духом. У меня простая семья, мама – библиотекарь, бабушка – учитель русского языка и литературы, с детства мне приививали духовные ценности. Какую поддержку мне дала семья! Много гордились, помогали во всем. Это долгий путь – вырастить художника, начиная с 6 лет, с того момента, как меня повели в художественную школу. Потом училище, потом институт. Мы долго учимся. Наверное, я осознала свой путь не сразу, не помню ощущения выбора: мне кажется, все решило само окружающее пространство – это же Енисейск!»

«Енисейск», – отсек придорожный щит, и, едва я въехал в осенний городок, закрапал дождь, словно подчеркивая особость

Это же «сибирское барокко» есть в Томске и Иркутске, что подчеркивает историческую связь между этими главными городами, их былую близость.

Порыв ветра влажно и шумно прошел по тополям, дождь с силой осыпал и мостовую, и крышу машины, и я несколько раз тронул клавишку громкости. Чистый Женин голос прозвучал отзывчиво и будто окрепнув: «Домики, да. Балясинки, наличники... А та часть, что над окном, называется сандрик. А сами завитки с глазками – волюты. В училище я любила рисовать то, что покривее, что завалилось – такая живая пластика. Это по технике рисовать интереснее. А теперь есть любимый небольшой участок, там три-четыре дома. Раньше меня это место не привлекало, а теперь я его вдруг открыла и написала много этюдов. Бывает, ищешь место, ходишь часами. Многое зависит от освещения, от времени года. Можно неожиданно увидеть какую-то фактуру в короткий момент. Маленькие случайные мгновения».

Я закрыл окно и тронулся, медленно поехав вдоль домов и заборов, которые угловато ломались, то уходя в землю, то снова будто выпльвая на поверхность нашего времени. Заборы были прямоугольных линий с ажурными карнизами на воротах. Доски располагались то в строчку, то елочкой. И без того темные, они особенно потемнели от дождя.

«Не каждому зрителю нужны серьезные выстраданные вещи, – звучал Женин голос, – кто-то скажет, что это мрачно, например спросит: «А почему здесь забор сломанный?» Есть прикладная сторона искусства, а есть содержательная, бесконечная по поискам. Как есть картины для жизни, интерьерные, а есть – для музея. Последние могут быть прекрасны, но они для... встречи, а не для того, чтобы с ними жить. Если покупаешь картину, помни, что с ней придется жить как с членом семьи. Это очень тонко. Мне ка-

происходящего. Через несколько минут я ехал по потемневшим блестящим улицам, сравнивая Женины картины с тем, что видел по сторонам. Картины Аблязовой при всей их сознательной сдержанности настолько выразительны, что я уже не понимал, что первородней – ее портреты енисейских окошек или сами эти окна, проплывающие мимо в цветущей своей красе. Я остановился возле такого дома – в нем была раньше, кажется, почта, но на двери висел ржавый засов. Поддаваясь настроению, я медленно нашупал кнопку на дверце. Покрытое крупными ка-

плями стекло так же медленно поползло вниз, и в машину хлынул запах дождя. Целый мир влажным лезвием тронул и без того обостренную душу.

Правая посадка за рулем позволяла мне глядеть в глаза и окнам, и удивительным здешним наличникам. Чуден зрячий совинный вид их глазков! Будто время глядит на тебя недвижно и пристально. Наличники эти появились в конце XIX века в русской моде на «изящный вкус», которая в аскетической обстановке Сибири выглядит неожиданно оранжерейно. Ничего подобного в остальной округе не увидишь.

Е. Аблязова.
Время

Е. Аблязова.
Звездопад

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

жется, картины – это такие же люди, как мы».

Я уже не понимал, где Женины картины, а где настоящие дома, по-разному покосившиеся и с разным выражением «глаз». Несмотря на старость, и избы, и захоронения образовывали очень плотный ряд. Вдруг в нем открылся зияющий квадрат. «Я приезжаю и в любую погоду брожу и стараюсь побольше подметить, захватить. Проверить, всё ли на месте. – Женя помолчала. – Бывает, уже не всё... А если и всё, то смотрю, где что еще отвалилось или оторвано. Сейчас всё глобально меняется, даже отно-

шение к семье. А у меня к семье очень глубокая привязанность. И, возможно, это тоже объясняет мою привязанность к месту – к деталям, которые дороги. И даже к простым вещам, которые нравится рисовать, – опавшему листу под ногами, капусте в огороде, вот этим домотканым половицам. Да... такие вот мы немодные... Я считаю, что художник должен просто быть искренним. И если я это все люблю, из этого состою, мне не надо ничего выдумывать... А я всегда любила Енисейск. И не было желания сбежать оттуда, мол, дыра, деревня...».

Пристань
на набережной

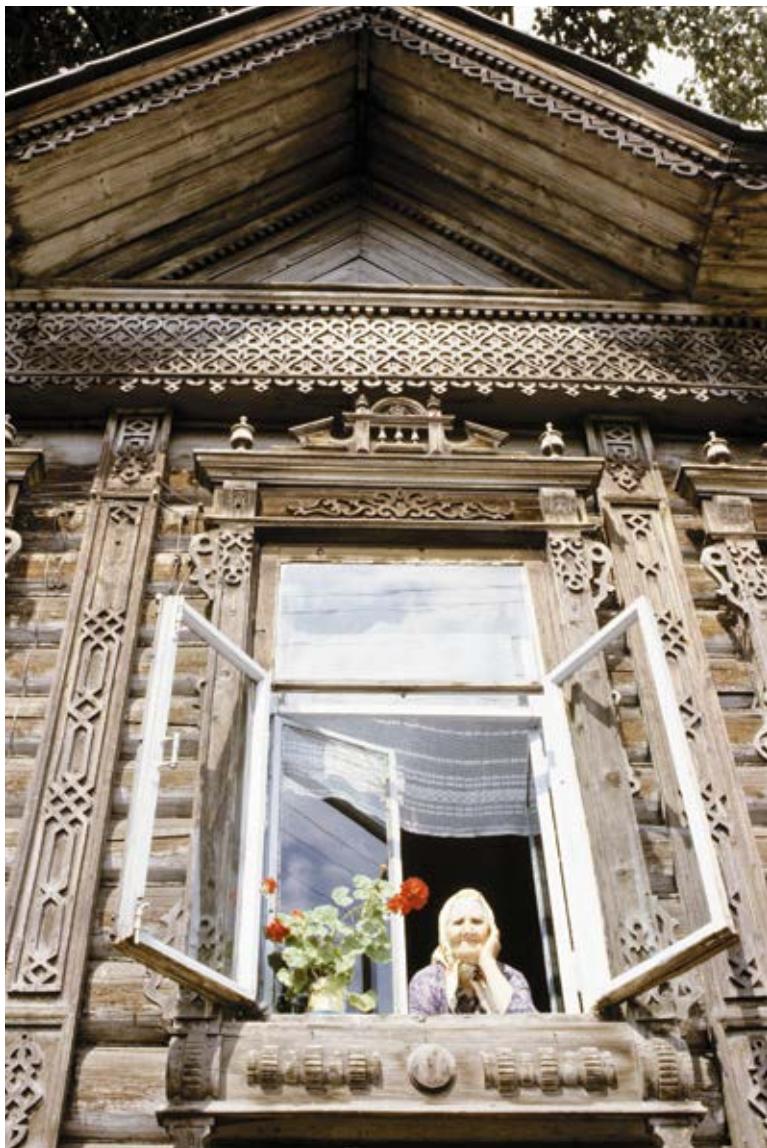
ОТЕЦ СЕВАСТЬЯН

Я двигался в сторону Спасо-Преображенского монастыря. На Жениной картине главный собор проглядывается сквозь золотую листву. Сегодня все было серым, блестящим от дождя... Это обычные отношения жизни и искусства, существующего, чтобы открывать в окружающем обобщающий смысл. Силу образа.

«Иногда так страшно, – сказала вдруг Женя, – а вдруг темы кончатся? Но они не кончаются. Я очень жалею, что не написала тогда портрет отца Севастьяна, но я бы, наверное, и не осмелилась... А теперь жалею... Но копию материала, этюды натурные, фотографии – все пролистываю... и вдруг вижу совсем другое, новое, неожиданное. Енисейск, думаю, всегда будет основой для меня. Но я надеюсь, что подкоплю человеческого опыта и выйду на более широкие темы. Может быть, это будет что-то общенравственное, религиозное. Или портретное. Вообще, мне кажется, нормальный художник никогда не думает о шедеврах. Просто делает то, что его трогает. Я знаю, что всегда найдется зритель. А задачи прославиться и заработать кучу денег у меня нет. Лучше быть собой на своем месте, чем неизвестно кому среди общей массы. Наш Союз художников – прекрасные, профессиональные люди, создающие настоящие произведения. Хотя они продаются, может быть, раз в год. А те ребята, которые зарабатывают деньги, шокируя зрителя... не знаю, что от этого останется, время покажет. Все-таки есть ремесло и традиция. А все эти перформансы и инсталляции, когда голышом дефилируют в ошейнике... Разве это изобразительное искусство? Для меня огромные города – жесткая чуждая среда, их пространство меня душит. Тем более и уехать далеко от Енисейска я не могу. А друзей у меня хватает. Да и понятие одиночества для художника... особое».

Бывший дом
купца Алексея
Софроновича
Баландина

Дом из лиственницы – образец деревянной архитектуры начала XIX века. Резные элементы декора

редная потребность человека. Дома разбирают, распиливают. А бревна внутри белые! Дома живые. Исторические окна заменяются на пластик – тупо вырезают дыру, запенивают и ляпают. Встречаются мнения – вот, мол, зачем реставрировать эту рухлядь, лучше бы садик построили! Люди не понимают, что если не спасать эту «рухлядь», то Енисейска не будет вообще. Потому что там нет никакого другого ресурса, кроме красоты».

Я медленно ехал вдоль Спасо-Преображенского монастыря... Дышащего, живого, уже восстановленного до такой степени, что недавний ветхий его облик казался минутным наваждением и вызывал недоверие к собственной памяти. А когда-то он очень сильно пострадал от разрушителей. В довершение всего в него был буквально вживлен пивзавод. Прямо в стену. Да и стоял он «говорящее»: в островке между улиц Перенсона, Марковского и Рабоче-Крестьянской. Возрождение монашеской жизни началось здесь с 1990 года. В монастыре долгое время жил отец Севастьян. Вот что говорил о нем один монах: «И еще есть у нас в епархии Благодатный старец отец Севастьян под 90 годочков – духовник мужского монастыря в Енисейске (очень суровый край). За духовным советом в нашей епархии к нему только все и ездят (скольким людям он помог!). Обладает он многими дарами преизобильно. Бесов изгоняет. Только один он во всей епархии совершає чин отчитки. Всего человека и все помышления его видят как на ладони, многим говорит, как быть в их ситуации, еще до того, как те успевают слово вымолвить, часто говорит что-то человеку, например «а книжки-то с черной магией нужно обязательно из дома выбросить», а у этого человека их и нету, он вроде как и близко к сердцу эти слова не воспринимает, зато эти книжки есть у человека, кото-

Я подумал о том, что тоже всегда оказываюсь в Енисейске один. И что это труднейшее одиночество мне так же необходимо, как и Жене, бродящей в любую погоду по Енисейску и выискивающей его оттенки то в снежной слякоти, то в морочной морозности, то в прозрачности бабьего лета. И что я, бредя по полупустым улицам мимо собора с выломанной фасадной иконой, испытываю такие ощущения, которые никогда бы не испытал, если бы Енисейск был отреставрирован и полон туристических толп. Но город надо восстанавливать. Ты согласна, Жень?

«Да. Я слышала, что собирались перевезти часть ангарских изб из зоны затопления Богучан-

ской ГЭС и сделать в пригороде Енисейска музей деревянного зодчества, да еще несколько енисейских домов спасти. Но, по-моему, все заглохло. Скорее всего, каменный купеческий центр не сломают. Подали документы в ЮНЕСКО, повесили таблички памятников федерального значения. А деревянный фонд стремительно утрачивается. Культурное отношение, к сожалению, требует больших вложений, чем... некультурное. Я очень болезненно это переживаю. Перемены, стройки. С одной стороны, я понимаю, что молодежь останется, будет расти детей, город будет жить. С другой стороны, безумно жаль этой старины. Культура – это, увы, не первооче-

ФРЕД ГРИНБЕРГ/РИА НОВОСТИ

рый стоит рядом и обязательно это слышит, но ему отец Севастьян по любви этого не говорит, чтобы не обидеть».

Отец Севастьян был небольшого роста, с прозрачными вискаами и необыкновенно ясными молодыми глазами. Отличался добротой, желанием и готовностью помогать. Несмотря на преклонный возраст, всегда находил силы для страждущих. Хотя и очень уставал. «Бывает, после службы пойдет к себе в келью отдохнуть, – рассказывает близко знавший его иеромонах. – Кто-то приезжает. Ему говоришь: «Вот, батюшка, снова приехали». Вздохнет так. Видно, что тяжело ему. Спросишь: «Может, сказать, чтобы завтра приходили?» «Нет, – отвечает, – люди приехали издалека, значит, беда какая-то их привела, надо поговорить»... Народу многое идет в течение дня. По себе могу сказать, что иногда начинаешь раздражаться, хочется побывать в одиночестве. В нем этого вообще не было, проявлялись какие-то

Вид на Енисейск

уже сверхчеловеческие свойства. Бывает, тяжело на душе, просто рядом с ним постоишь, ни слова не говоря, – и отходит уныние. Вот такой человек. К нему приезжали самые разные люди. Среди них были руководители предприятий, члены их семей, музыканты, художники,

преподаватели институтов. Многие находились на грани самоубийства, настолько невыносимы были их страдания. Демон ведь намного сильнее человека, и он пользуется своим пре-восходством, издевается, внушает какие-то неразумные вещи. А люди этого не понимают, пы-

ВЛАДИМИР ЗИНИН/ИТАР-ТАСС

Енисейск – один из старейших городов Красноярского края

В МЕДВЕДЕВА/ТАР-ТАСС

таются с ним разговаривать. Во время отчitки внешние проявления одержимости усиливаются. Пришедшие в храм начинают кричать матом, ругать батюшку, чего до этого за ними не наблюдалось. Некоторые катаются по полу, дрыгают ногами – в общем, ведут себя не-

адекватно. Бывали случаи, когда на отца Севастьяна пытались наброситься. Вообще, такие обряды сильно сказывались на здоровье священника. Он даже в обморок падал во время отчitки... Злобная сущность действует не только на того, кто ею одержим. Когда мы участвуем в

Вид на город
с птичьего
полета

Пристань
на набережной
зимой

судьбе человека, мы берем на себя часть его тяжести...».

Моя хорошая знакомая, приехавшая из Новосибирска специально к отцу Севастьяну, рассказывала, как попросила у него просфоры, и они пошли в подсобку их искать. Он не мог вспомнить, где они лежат, и долго копался среди бочек с крупами и прочей всячиной. Вышел отец Севастьян по-летнему, а на улице был сильный мороз, но он не остановился, пока не нашел просфоры и не отсыпал ей целый пакет. А про деньги сказал, что денег у них хватает и что они понадобятся моей знакомой на обратном пути. Так и случилось, по дороге навалились тряты, и денег хватило впритык. Сейчас отец Севастьян живет в старинном селе Маковском Енисейского района, где продолжает служить в храме, но уже за штатом церкви. И к нему так же тянутся люди...

Я оставил машину у крашеных железных ворот и, войдя в монастырь, прошел в храм, где первый раз в жизни увидел отца Севастьяна, попав к нему на службу. Это было более десяти лет назад. После той памятной службы отец Севастьян прочитал проповедь о покаянии. Храм еще только восстанавливался, и все происходило в каком-то боковом помещении, чуть ли не среди опалубок и цемента. Это была сильнейшая служба в моей жизни...

Я помолился за отца Севастьяна и за Женю, после этого дня будто связавшихся в светлую и бесконечную дорогу. И поехал по мокрому Енисейску, на мостовых которого уже завязывались вечерние радужные пятна. И переживая одну радужную мысль: если по Божьей воле Енисейск восстановим, то Женины образы приобретут особую, уже летописную ценность. А если нет, то все равно останутся пронзительным напоминанием о забывчивости, картинной галереей с называнием «Город, в котором ране был город». ●

ФОТО АВТОРА

В ДОЛИНЕ РОЗ И СМЕРТИ

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

К МЕСТУ ЗНАМЕНИТОГО ГАЛЛИПОЛИЙСКОГО СТОЯНИЯ БЕЛОЙ АРМИИ Я ЕХАЛ ПО АЗИАТСКОМУ БЕРЕГУ МРАМОРНОГО МОРЯ. И КАКИМИ-ТО ТАИНСТВЕННЫМИ КАЗАЛИСЬ ОГРОМНЫЕ БЕЛЫЕ ПОЛОТНА, РАССТЕЛЕННЫЕ ВДОЛЬ ДОРОГИ СРЕДЬ ЗЕЛЕНЫХ ХОЛМОВ.

НЕВООРУЖЕННЫМ ГЛАЗОМ было видно, что это – белый агроспан, которым укрыты поля местных фермеров. А на холмах белели столбы – целый лес огромных ветрогенераторов. Этот сплошной электрический частокол, кажется, совсем лишил очарования историческую землю Малой Азии...

«РУС АНИТИ»

Достигнув Дарданелл, я сел на паром, следующий в Гелиболу – так сегодня именуют бывший греческий город Галлиполи. Большой двухпалубный пароход был полон пожилых европейцев. Дарданеллы – совсем не туристическое место, сюда приезжают почтить память своих предков и сограждан. В 1915

году в ходе Первой мировой войны в битвах за Дарданеллы полегло около 100 тысяч воинов Антанты. Кладбища и мемориалы тянутся вдоль всего пролива. С палубы корабля Гелиболу не отличить от пригородов современного Стамбула – от самого берега идет плотная застройка в несколько этажей, разноцветная, угловатая, с черепичными крышами. В 1920 году русские солдаты и офицеры прибыли совсем в другой город: Галлиполи был мал и наполовину разрушен войной. За городом расстилалась равнина, на которой в мирное время выращивали розы. Здесь и встала лагерем русская армия.

Я понимал, что отыскать малоизвестный русский мемориал самостоятельно будет трудно, а потому заранее связался с Айдыном Исмаиловичем Ибрагимовым – профессором университета соседнего города Чанаккале. В прошлом советский ученый-географ, он уже двадцать лет занимается историей русских в Галлиполи. Айдын Исмаилович приехать в Гелиболу не смог и инструктировал меня по телефону: «Скажи

ФОТО АВТОРА

по-турецки «Рус анити» – всякий знает». И действительно, старики-торговец у причала, услышав эти слова (в переводе – «Русский памятник»), сразу понял, что я ищу, и даже остановил для меня проезжающую маршрутку... Вход на территорию мемориала обыкновенно закрыт на замок. Айдын Исмаилович помог и здесь – вызвал по телефону смотрителей памятника. Приехала бойкая дама на микроавтобусе и открыла ворота...

20 ТЫСЯЧ КАМНЕЙ

В 1921 году в русском лагере прозвучал призыв воздвигнуть общевоинский мемориал: «Воскресим обычай седой старины, когда каждый из оставшихся в живых воинов приносил в своем шлеме земли на братскую могилу, где вырастал величественный курган. Пусть каждый из нас внесет свой посильный труд в это дорогое нам и святое дело и принесет к месту постройки хоть один камень...»

Современный Гелиболу – тихий городок, излюбленное место отдыха жителей окрестных районов

Закладка памятника на русском кладбище в Галлиполи.
9 мая 1921 года

20 тысяч камней для этого кургана на кладбище перетаскали солдаты и офицеры.

За время Галлиполийского сражения от ран и болезней умерли 342 человека. Русские стали называть это место «Долиной роз и смерти». Памятник воссоздан в точности, даже надпись на османском языке сохранена. А вот кладбище уже не восстановить. Список погребенных выбит на мраморных плитах. Из нового на мемориале – небольшое здание музея и две русские березки, склонившиеся над аллеей и одним своим видом греющие душу.

Смотрительница говорила только на турецком, и говорила с жаром – мне было понятно лишь то, что она предельно возмущена. Пока я разглядывал памятник и архивные фотографии в музее, дама вызывала на помощь молодого парня в камуфляже, который хорошо владел английским и все объяснил: за обслуживание памятника не платят уже 18 месяцев – ни за электричество, ни смотрителям, которые также занимаются поддержанием на территории чистоты. «Вот посмотри, – указывал мне парень, – мусор, памятник зарос, буквы на плите отлетели». Мусора я не заметил, собрал несколько занесенных ветром пакетов – и всего-то. Зарослями солдат считал расположившийся у основания памятника девичий виноград. По мне – так очень красиво. Буквы из имен некоторых умерших галлиполийцев действительно исчезли – за 750 тысяч долларов, истраченных на восстановление мемориала, можно было, наверное, сделать что-то более долговечное.

Во времена пребывания русской армии в Галлиполи кладбище и памятник располагались за пределами города. Уже в 1950-х годах от русских могил не осталось ничего, город расширялся и застраивался. Поэтому воссоздать мемориал точно на том же месте было невозможно, власти Гелиболу выделили участок земли по соседству.

ПРЕДОСТАВЛЕНО А.И. ИГРАТИЛОВЫМ

ФОТО АВТОРА

В музее особое место отведено для церковного поминования усопших галлиполийцев

ФОТО АВТОРА

Русские солдаты, офицеры и члены их семей жили в Галлиполи в тяжелейших условиях: в палатах, землянках, полуразрушенных домах и даже в пещерах. В историческом центре города сохранился дом, где предположительно располагался штаб генерала Кутепова. Городская мэрия уже давно предлагает превратить этот дом в музей русских галлиполийцев. Но с российской стороны пока нет желающих заняться этим проектом.

Сейчас трудно себе представить, что творилось на улицах этого тихого прибрежного городка в 1920-х годах и как русское присутствие преобразило его жизнь. Тогда, например, в Галлиполи стояли французские легионеры-сенегальцы. Ростые угольно-черные воины с татуировками на лице и в красных фесках изумляли русских солдат – некоторые из них впервые в жизни видели негров. А через каких-нибудь полгода капитан-артиллерист Николай Раевский записал в своем дневнике: «Типичная галлиполийская картинка – мальчишки-турки теперь не только распеваю «Мама, мама, что мы будем делать...» и «Карапет мой бедный...», но пытаются даже объясняться с сенегальскими стрелками по-русски. Забавнее всего, что те пытаются по-русски же отвечать...» Преображались и сами русские. У того же Раевского весь дневник наполнен мыслями о Граждан-

В Гелиболу еще стоят старые дома, которые помнят русскую армию

ской войне в России, о том, как солдаты и офицеры вспоминали собственные поступки, осознавали всю бессмыслицу и дикость происходившего и оттаивали душой.

ПУЛЯ В ПУЛЮ

Из Гелиболу я отправился в Чанаккале, чтобы встретиться с Айдыном Исмаиловичем. Чанаккале – «турецкий Сталинград». Здесь произошло самое крупное и славное сражение османской армии в Первой мировой войне. Береговые орудия и минометы, спасшие турок в 1915 году, стоят на улицах города как живые свидетели страшных боев. Мемориал героям – одновременно и один из крупнейших музеев Первой мировой войны в Азии. Огромные корабельные орудия, торпеды, перископ; есть даже немец-

кая подводная лодка – судя по виду, ее распиливали на металлом, но вовремя опомнились. Есть здесь и русские пушки, привезенные с Кавказского фронта. Более скромные по размерам экспонаты собраны в крепости XV века Чименлик-Калеси. Револьверы, ружья, пулеметы, первые авиабомбы, больше напоминающие гранаты, к длинным рукояткам которых приделаны самодельные крылья-стабилизаторы. В большой стеклянный куб насыпано несчетное количество пуль; над кучей подвешены две уникальные пули – впившиеся одна в другую. Битвы за пролившли жесточайшие, потери с обеих сторон составили около 400 тысяч человек. Что там стеклянный куб в музее – гильзы и пули до сих пор валяются на песчаных берегах Гелиболу и Чанаккале.

Генерал
Александр
Павлович
Кутепов
с сослуживцами
на открытии
памятника.
16 июля
1921 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО А.И. ИБРАГИМОВЫМ

Немецкая подлодка UB-46,
подорвавшаяся на мине
в Дарданеллах в декабре 1916 года

ФОТО АВТОРА

Историю боев подробно рассказывают на османском крейсере «Нусрет», качающемся на волнах возле берега. В рубке демонстрируют целое свето-звуковое представление на разных языках. На большом мониторе – английские крейсера подходят к Чанаккале, их обстреливают с берега, выставляют мины. И вот, 18 марта 1915 года корабли Антанты взрываются на хитро расставленных минах, береговые орудия разносят англичан и французов в пух и прах. На мониторе мелькают архивные кадры тонущих броненосцев. Звучит патриотическая музыка – The End! В честь 18 марта в Чанаккале названы десятки самых разных объектов. Посетители музея, мало знакомые с историей той войны, сойдут с крейсера на берег

в полной уверенности, что Турция – в числе победителей Первой мировой. Нигде в музее нет и намека на то, что в 1918 году Османская империя подписала унизительный Мудросский мир, англичане и французы без боя заняли Дарданеллы, Босфор и сам Константинополь...

С Айдыном Исмаиловичем мы договорились встретиться у пристани. И так сложилось, что в тот день у причала бурлила толпа – шел чай-то митинг в рамках предвыборной кампании в парламент. Развевались красные знамена с социалистическими эмблемами, звучали патриотические призывы... От всего этого веяло чем-то очень советским: крейсер-музей, красные флаги... И уж полную оторопь вызывал плакат, висевший на соседнем доме: на полот-

Пуля, пробившая
пулю, – символ
страшных боев
1915 года

нище красовались огромные буквы KPSS. «Все нормально, – объяснил Айдын Исмаилович. – KPSS – всего лишь аббревиатура обязательного экзамена для работников государственных учреждений».

ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Айдын Исмаилович называет себя первым иностранцем, защитившим докторскую диссертацию в Институте географии РАН в Москве. Родом ученый из Баку – там окончил университет, учился в аспирантуре. Докторскую диссертацию написал по социальной географии, основное внимание уделил Турции. Начинал докторантuru еще при Советском Союзе, а защищился сразу после его развода – в 1992 году. С 1996 года работал профессором Университета Чанаккале – само собой, «имени 18 марта», теперь работает в Эгейском университете города Измира.

Средневековая
крепость
Килибхир –
«замок на море»
на европейском
берегу
Дарданелл

ФОТО АВТОРА

— К моему стыду, прожив два года в Чанаккале, я ничего не знал о белой армии в Галлиполи, — рассказывает Айдын Исмаилович. — В 1997 году меня познакомили с неким Николаем Ивановичем Кутеповым, прибывшим из Петербурга. Он представился как племянник генерала Кутепова, рассказал, что является председателем Фонда генерала Кутепова и приехал решать вопрос о восстановлении галлиполийского памятника. Я договорился о встрече с мэром Гелиболу, сам выступал в качестве переводчика, включился в эту тему. Мэр Гелибулу благосклонно отнесся к Кутепову, потому как планировал развивать в городе туризм. Рассчитывал, что памятник станет популярным объектом для русских туристов — таким же, как для австралийцев и англичан мемориалы погибших воинов Антанты в Дарданеллах.

Российские дипломаты в Стамбуле и Анкаре содействовали миссии Кутепова, но дальше выделения места под памятник дело не шло. Наконец нашлись спонсоры, строительство началось в 2007 году. Памятник был построен буквально в течение года. Прошли торжественные мероприятия, конференции в Стамбуле и Петербурге. В 2010 году по случаю 90-летия исхода белой армии из Крыма состоялся символичный морской поход в обратном направлении — из Галлиполи в Крым. Участниками похода стало около 500 человек, в том числе потомки солдат и офицеров армии Врангеля. А Николая Кутепова как-то забыли. Да и он сам, как только процесс сооружения памятника вошел в конструктивное русло, исчез и больше здесь не появлялся...

— Сами жители Гелибулу узнали о Галлиполийском сражении только после того, как мемориал построили? Или же какая-то память о русских хранилась в городе?

— Многие помнили об этом и до открытия памятника. Холм на окраине Гелибулу до сих пор называют «Маркопол». Такое имя ему дали русские — там стоял Марковский полк. И ку-

Орудия Первой мировой войны у стен крепости Чименлик-Калеси

Айдын
Ибраимов
выступает
на встрече
русского
общества
в Чанаккале

сок конной железной дороги, построенной русскими, сохранился. А один местный житель мне рассказывал, что его семья разбогатела благодаря русским. Несчастные галлиполийцы отдавали его деду свои драгоценности в обмен на продукты. Его предки сами были бедны, жили своим огородом, лишнее продавали. Ко времени отъезда русских у них скопилось довольно ценностей, с помощью которых им удалось открыть свое дело и стать состоятельными людьми. В другой семье говорили, что их бабушка вышла замуж за русского и уехала с ним в Стамбул. Старики помнят, что после отбытия армии в Галлиполи все же остались двое русских. Звали их Рус-Ахмед и Рус-Меджид. Они женились на турчанках и работали грузчиками в порту. Вели зам-

кнутый образ жизни, даже друг с другом мало общались. Люблили сидеть на берегу и смотреть вдаль. Русские грузчики работали еще в 40-х годах, дальнейшая их судьба неизвестна. Думаю, если бы этой темой начать заниматься не в 1997 году, как я, а лет на десять раньше, много интересного удалось бы выяснить. Живет в Гелибулу один пожилой человек по имени Мехмет Ирдесель, всю жизнь занимающийся краеведением. О пребывании русских в городе он знает больше, чем кто бы то ни было, у него есть документы, личные вещи, например русский самовар. Но он ничего никому не рассказывает и не показывает. Говорит, что ждет «особого» представителя из России. Человек он образованный, владеет английским языком; не богат, держит на пристани ларек с сувенирами. Недавно он ездил в Петербург — видимо, искал «особого» человека. Я к нему много раз обращался: объясни, кто тебе нужен, я его постараюсь найти и к тебе приведу — ему все отдашь, не мне. В ответ он только улыбается.

— А вы не пробовали объявить скопку личных вещей солдат и офицеров русской армии?

— Мы предлагали мэру Гелибулу обратиться с таким предложе-

ПРЕДОСТАВЛЕНО А.И. ИБРАИМОВЫМ

нием к населению по радио и через газеты. Мэр посмеялся: люди здесь разные, много переселенцев, коренных жителей мало осталось; могут быть всякие аферисты, которые возьмут старую медную кружку, помнут, испачкают, натрут углем – и будут выдавать ее за русский артефакт. Но предметы точно остались – русские ложки приходилось видеть не раз. А повар местного ресторана однажды показал нам бумажные деньги Главного командования Вооруженными силами на Юге России.

– Что пишут о русских в Галлиполи турецкие авторы?

– Они в основном описывают армейские порядки в лагере и опираются на русские источники. Есть националистические писатели, которые явно негативно относятся к армии Врангеля. В целом же отношение положительное. В Турции очень уважительно относятся к военным, даже к тем, которые оказались на стороне врага, погибли и захоронены на территории страны. Так, еще в 1933 году матери австралийских и новозеландских солдат и офицеров, павших в Дарданельской операции, приехали на могилы своих сыновей. Ататюрк написал им открытое письмо примерно такого содержания: «Дорогие матери, я присоединяюсь к вашему горю. Ваши сыновья погибли в честном бою. Они не были оккупантами, но вынуждены были подчиняться при-

ФОТО АВТОРА

казам и воевать. Любой солдат любой страны, погибший на территории Турции, становится нашим солдатом. Будьте покойны, мы будем следить за могилами ваших сыновей, как за могилами своих детей».

– Как же так получилось, что русский памятник в Галлиполи разрушился?

– До Второй мировой войны за памятником следил Союз галлиполийцев. Они нанимали смотрителя, который охранял памятник и ухаживал за ним.

Часовая башня – редкий уголок европейской старины в Чанаккале. Построена башня в конце XIX века итальянским консулом и меценатом города

Памятник Ататюрку – одному из героев битвы в Дарданеллах, за успехи в которой он получил генеральский чин

Обычно пишут, что мемориал разрушился в 50-е годы из-за землетрясений. Специалисты изучили этот вопрос и выяснили, что никаких разрушительных землетрясений в те годы не было. А вот отношения между русскими и турками тогда испортились основательно – Турция вступала в НАТО. Наверное, памятник какие-то националисты разорили.

– Когда я посетил памятник, мне сообщили, что Россия не платит за содержание мемориала уже 18 месяцев, долг перед обслуживающей организацией превышает 4 тысячи долларов...

– Уверен, этот вопрос в скором времени решится. Но проблема здесь глубже. В России в последние годы галлиполийской теме уделяется очень мало внимания. Ранее в Гелиболу постоянно приезжали телевизионщики, журналисты, художники. Но все это в прошлом. В 2015 году по случаю 95-летия исхода армии Врангеля я пытался организовать торжественные мероприятия. Никто этим не заинтересовался. Я обращался к Владимиру Путину с просьбой привлечь внимание к русскому Галлиполи со стороны российских государственных и общественных структур. Администрация президента переслала мое письмо в Министерство обороны, откуда не последовало никакой реакции. А сколько в России различных культурно-исторических и патриотических организаций? Никакого интереса с их стороны. Подозреваю, что причиной тому последующая судьба галлиполийцев – большинство из них в годы Великой Отечественной войны служили в РОА. Потомки галлиполийцев, в свою очередь, тоже дистанцируются от памятника, они мемориал почти не посещают. А русские в самой Турции? В стране около 220 тысяч семей граждан России и Турции. Где эти люди? Существуют русские культурные общества в Анкаре, Стамбуле, Измире, Анталье, Аланье, Чанаккале, в других городах – и ни одного совместного посещения памятника...

(В начале 2016 года российская сторона погасила долг за обслуживание мемориала и сейчас занимается вопросом ремонта памятника. – Прим. авт.)

– Вы рассказываете о русском Галлиполи своим студентам в университете? Как они воспринимают эту историю?

– Для них это настоящее открытие. Знания о России здесь минимальные – ограничиваются Львом Толстым и еще несколькими русскими писателями-классиками. На занятиях я преподношу историю галлиполийцев с точки зрения своей науки, социальной географии – как яркий пример мирного сосуществования разных культур, диалога цивилизаций. За все время Галлипольского стояния не произошло ни одного серьезного конфликта: местные жители и непонятно откуда взявшиеся русские относились друг к другу дружелюбно. Конечно, в этом большое значение имеет уровень образованности человека. Русских офицеров интересовало все: что за ели такие необычные растут, почему так виноград покрывают, отчего стены красят синей краской. К примеру, галлипольский лептограф Николай Раевский в своем дневнике писал о небольших семейных кладбищах во дворах домов. Надгробия ему показались столь замечательными, что он порывался зарисовать их. На самом же деле таким образом хоронили во время войны высоких чинов османской армии. Он же отмечал удивительное сходство орнаментов в народном искусстве у местного населения и на Украине.

Турок, в свою очередь, поражала высокая культура русских. У них на глазах в полевых условиях появилось русское радио, театр, школы. С другой стороны, они никак не могли понять нищенского положения русских офицеров. Есть, например, воспоминание, как один турок недоумевал: я, говорит, бывший офицер османской армии и получаю достойную пенсию. А вы, офицеры, как можете голодать? Что у вас за страна такая?

ФОТО АВТОРА

Бухта Чанаккале, ставшая последней отправной точкой галлиполийцев в 1921 году и похода-возвращения в 2010 году

Русских удивляло, что у турок ярко одеваются не женщины, как они привыкли, а мужчины. Турчанки тогда ходили в черных чадрах, как монахини, а мужчины щеголяли в цветных шароварах, рубашках, фесках. Русские барышни наряжались красиво, вечерами устраивали прогулки по набережной. Приучили к этому местное население – и греков, и турок. А вот на их летние наряды горожане реагировали по-разному. От жары и усталости русские дамы ходили по городу в очень открытой одежде. Греческие юноши пялились на них во все глаза, а турецкие от стыда опускали головы.

Тогда Галлиполи был многонациональным городом: турки,

армяне, греки, евреи, цыгане – все мирно уживались. Наилучшие отношения у русских были с греками, которые открыли для изгнанников свои церкви и поддерживали их, как братья по вере. И что настолько хорошо сложатся отношения с турками – галлиполийцы сами пишут, – никак не предполагали. Оба народа объединял исторический контекст: русские и турки проиграли мировую войну и потеряли свои империи. Яркий пример: за нехваткой помещений оккупационное командование отдало самую большую мечеть под русское общежитие. Более того, русские во дворе мечети соорудили церковь, украсили ее. Турки на это отреагировали спокойно, никаких волнений не произошло. У мусульман хоть и был суровый закон, но для русских они в своих кофейнях подавали спиртное – с пониманием относились. В другом случае русские солдаты укрылись от сильного дождя в мечети во время намаза. Их пригласили сами турки, и даже обувь снять не заставили; усадили на коврах, угостили чаем. В целом на удивление благополучно сосуществовали люди очень разных культур. Русских полюбили. Когда армия покидала Галлиполи, весь город вышел на пристань провожать гостей из далекой России... ☺

ФОТО АВТОРА

Популярный на Востоке монумент в виде кувшина имеется и в «турецком Сталинграде». Вариант в стиле модерн